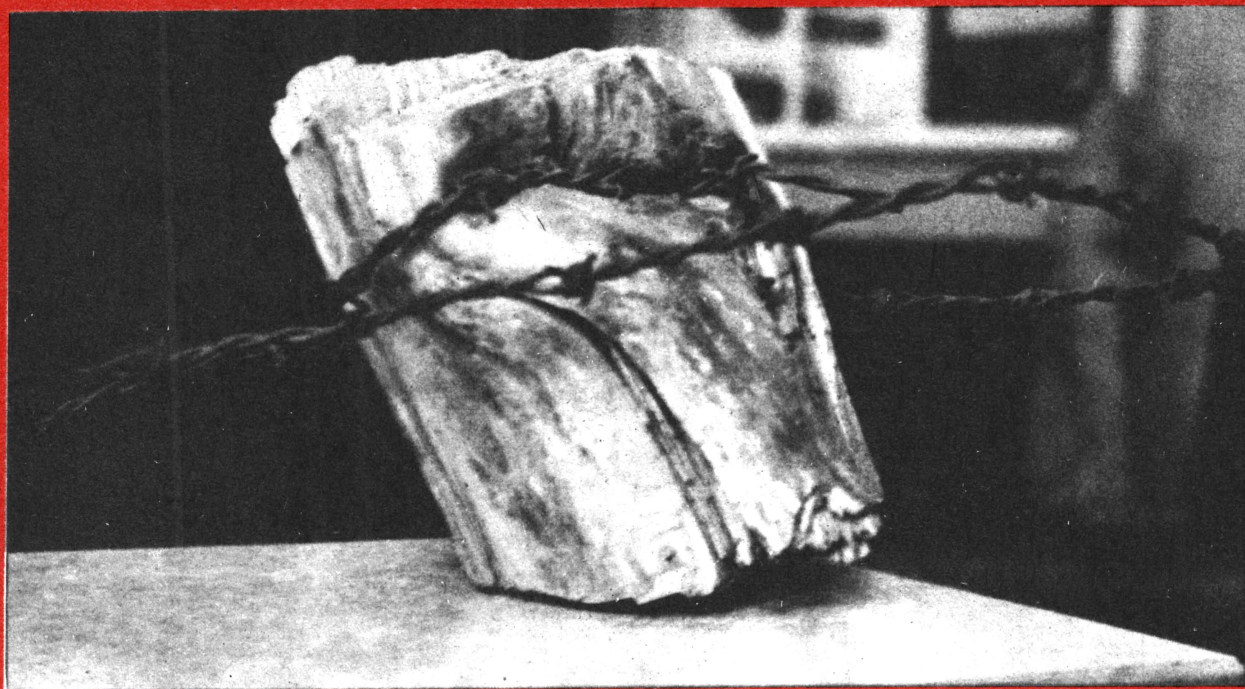




уральский

следопыт

№10* 1981**



БОЕВОЙ ПРИВЕТ ДЕЛОВ

Лето 1918 года. Белочехи взяли Екатеринбург, станцию Кузино. Боевых частей только что созданной Красной Армии на лысьвенском участке фронта не было. Основная тяжесть обороны легла на плечи заводской партийной организации. Срочно формируются роты, батальоны рабочих Лысьвенского горного округа. Из мелких частей и отрядов в августе организуется особая бригада.

Первый Лысьвенский полк держал оборону у деревни Песчанка около станции Кын. Была сооружена линия обороны из проволочных заграждений и окопов. Колючую проволоку прибывали прямо к молодым елочкам...

За 60 лет эти елочки выросли, и куски колючей проволоки вросли в деревья. Нам удалось обнаружить несколько таких деревьев, одно из них мы вырубили и передали в Лысьвенский народный музей.



А. КАРЯКИН

Оформление С. Малышева

В номере:

И. Ежиков ПОД ЗАЩИТОЙ РЕСПУБЛИКИ	2
И. Грачев ТРИЛИСТНИК ТОРОПОВА, ИЛИ О ТОМ, КАК ПРОЯС- НИЛОСЬ ЛИЦО ЮНОГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА	7
А. Немтушкин ПРИХОДИТЕ, ДРУЗЬЯ, К МОЕМУ КОСТРУ... Стихи	12
Ю. Липатников РАССКАЗЫ О КУКЕ	14
Л. Чумичев ДОВЕЛОСЬ УВИДЕТЬ И УСЛЫШАТЬ. Былицы	26
С. Мельников А МОРЕ ВСЕ-ТАКИ ГОЛУБОЕ... Фотоэкспедиция «Уральского следопыта» «Дальний Восток — Тихий океан». Начало	30
М. Рут КТО КОМУ КЕМ ПРИХОДИТСЯ	33
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	36
Кир Булычев ЦАРИЦЫН КЛЮЧ. Повесть. Начало	38
А. Пудваль ПОЗВОЛЬТЕ ВАМ ПОСУЛИТЬ ВСЯЧЕСКИХ БЛАГ...	63
А. Шарц «НАШЕСТВИЕ» НА МАЛУЮ БЛАГОДАТЬ	66
В. Пономарев ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР	67
Л. Фомин ОСТАНОВКИ В ПУТИ	68
Ю. Окунцов ТАЙНИК НА КОСОТУРСКОЙ	76
В. Рощаховский СЪЕДОБНЫЕ ДЕНЬГИ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 26.06.81.
НС 11157.
Подписано к печати 14.08.81.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,7.
Тираж 254 000.
Заказ 507.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк С. СУХОВА

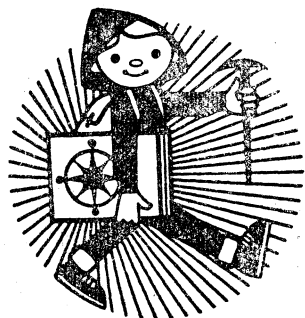
© «Уральский следопыт» 1981 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО



№10 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ПОД ЗАЩИТОЙ

Иван
ЕЖИКОВ

Мы хотим воскресить одну из замечательных страниц народного образования на Урале, рассказать о Шалашинской трудовой школе-интернате имени III Интернационала, созданной в 1920 году в Оханском уезде Пермской губернии. Десять лет назад у меня родилась мысль собрать вместе всех живущих ныне коммунаров. И хотя это пока не удалось, сколько ярких судеб узнал я за годы поиска, со сколькими людьми посчастливилось встретиться, познакомиться по переписке!.. Так состоялась эта заочная переписка коммунаров.

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ. Одна из организаторов школы-коммуны. Сорок лет жизни отдала она советской школе. Работала заучем производственно-технических курсов Уралмаша, позже — заучем средней школы рабочей молодежи № 1 в Свердловске.

— На Урале бесчинствовали колчаковцы. Повсюду разруха и голод. Сотни тысяч детей стали сиротами, беспризорниками и кочевали по стране в поисках куска хлеба и лучшей жизни. Нужно было спасать детей.

В начале 1921 года, когда в связи с засухой и неурожаем в Поволжье беспризорность приобрела острый характер, при ВЦИК была образована комиссия под председательством Ф. Э. Дзержинского.

В стране быстро растут школы-коммуны. На курсах спешно готовятся учительские кадры.

В Оханском уезде решено создать три школы-коммуны: в Очере, Гранове и Шалашах. Создана бригада — Александр Васильевич Сукрушев, Евдокия Максимовна Аверина, Екатерина Аркадьевна Плетнева и я, — нам поручено разработать организационные основы школы-коммуны. Мы подготовили предложения и доложили. В ответ получили приглашение осуществить нашу теорию на практике... Все мы тогда были молоды: мне — двадцать лет, Александру Васильевичу Сукрушеву — тридцать три; учительствовали не первый год, заведовали начальными школами. С таким же составом детей никто не работал, да и начинать пришлось на пустом месте. Но интерес к новому делу был так велик, что мы приняли предложение и 15 августа прибыли в Шалашах.

Сукрушев был назначен заведующим, а мы — учительницами-воспитательницами. С нами приехал заведующий производством Петя Дубровин, хлебопекарка Маня Юрчик и моя мама Мария Алексеевна.

Дети появились сразу же. Первыми приехали тридцать шесть ребят из Частинского приюта. Стали поступать беспризорники из Оханского коллектора, некоторых из них — Пашу Ощепкова и других — присылали со справки «снят с парохода»...



РЕСПУБЛИКИ

Рисунки
А. Банников

Школе отвели участок по Казанскому тракту, на стыке деревень Шалаши и Кукуй. Разделяет эти деревни каменный мост через речку Шалашинку.

Первые коммунары, как муравьи, расплозились по обширной усадьбе бывшей Мокрушанской сельскохозяйственной фермы. Ее постройки разместились по берегам речушки: в кукуйской стороне — большой крытый хозяйственный двор, с конюшней, коровником и амбарами, по двору металась переполошенные куры... Был здесь и двухэтажный дом на кирпичном фундаменте, недостроенный; и одноэтажный дом, рядом с сыроварней и холодильником. В нем-то и поселили ребят, сделали перегородки между спальнями мальчиков и девочек, отделили часть помещения для столовой. Девочки сразу стали готовить постели: набивали матрацы и наволочки сеном.

Деревенские избы, вплотную подступавшие к ферме, во все окна смотрели на эту диковинную суматоху. Крестьяне не спешили знакомиться с коммунарами, инстинктом чувствовали, что от такого соседства спокойной жизни не будет.

Но и для беспризорников, прибывавших почти каждый день, новая жизнь еще не имела ни цвета, ни запаха, и потому они откровенно искали щель в заборе, чтобы убежать.

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ:

— Самым трудным было преодолеть недоверие воспитанников. Заведующий на совете коммуны докладывал, какие продукты получил, какая норма на человека. Продукты на день хлебопекарка и кухарка получали вместе с дежурными коммунарами. Закладывали продукты в котел, потом из супа доставали мясо, взвешивали кости и определяли порции...

Мы понимали, что необходимо скорее покончить с анархией в коммуне. И выход видели в организации самоуправления. «Педагогической поэмы» тогда еще не было. Приходилось самим придумывать и додумывать. Высшим органом утвердили общее собрание — совет во главе с Александром Васильевичем. Все решения совета проводил в жизнь исполком, председателем которого выбрали Ваню Кропачева. В исполком вошли председатели его отделов: политического — Саша Синегубов, культуры — Юля Бобылева, хозяйственного — Шура Цветкова, труда — Федя Бездомников. (У Феде была другая фамилия, но с согласия коммунаров я ее изменил. — И. Е.). Паша Ощепков входил в исполком на правах председателя товарищеского суда.

Собрания совета проходили ежедневно и очень бурно. Обсуждался каждый пункт правил. А принятые на собрании правила становились законом нашей жизни. Назову несколько коммунарских законов.

Равноправие. Всякую работу выполняют все воспитанники, невзирая на пол и возраст. Дальнейшая жизнь заставила нас внести изменения: сначала ввели ограничения для малышей, а потом этот закон заменили «разделением труда».

Чужая и общественная собственность священны и неприкосновенны.

Не пищать!
Не жалуйся!
Помоги товарищу, и он тебе поможет.
Ночью не выходить за ворота коммуны...
Провинившийся обсуждался на коллегии товарищеского суда.

Павел Кондратьевич ОЩЕПКОВ. Коммунар. Профессор, доктор технических наук. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Заслуженный изобретатель РСФСР. Один из создателей первых в мире радиолокаторов. Разработал основные принципы интроскопии [внутривидение]. Работает над созданием новых источников энергии. Живет в Москве.

— И все-таки старые привычки долго держали нас в своей власти. Помню, как-то Александр Васильевич уехал в Оханск, и мы решили забраться в амбар, где лежал запас продуктов. Подсадили самого маленького, он пролез в окно и стал выбрасывать нам воблу... Я тоже набил карман воблой и, когда возвращался в общежитие, неожиданно встретился с Александром Васильевичем, который только что вернулся из города. Он сразу увидел торчащую у меня из кармана воблу.

— Где ты ее взял, Паша? — спросил он.
Сгорая от стыда, я признался ему во всем. Ждал бури и кары. Но Сукрушев простил... И меня, и моих товарищей...

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ:

— Вспоминаю редкий случай, когда коммунары увидели своего заведующего в гневе.

К концу первого года жизни мы достали железные кровати. Решили на совете коммуны дать новые кровати девочкам, а деревянные, старые, оставить мальчикам. Но с этим решением не согласился Митя Дубровин, толстый, угрюмый коммунар. Он сбросил с крайней девчоночьей кровати постель и потащил новую кровать к себе. Услышав крики девочек, вышел Сукрушев. Он приказал коммунару остановиться, но тот упрямо тащил кровать. Рассердившись, Александр Васильевич так дернул к себе кровать, взяв ее за другую спинку, что Митя упал. Когда он поднялся, то встретил такой взгляд заведующего, что сразу сник и отступил. Кровать была водворена на место, и ребята поняли, что с заведующим шутки плохи.

Александр Васильевич заведовал школой-коммуной до последнего дня ее существования. Он был педагогом с большой буквы.

Ираида Валентиновна САВИНОВА. Коммунарка. Живет в Новосибирске.

— Иногда к нам в коммуну приходили крестьяне, они просили у заведующего усыновить кого-нибудь из ребят. Одни пожилые люди хотели меня взять к себе и долго не шли за мной. Потом я увидела их и спрашиваю:

— Что ж вы не идете брать меня?
А они отвечают:
— Мы приходили за тобой, а заведующий не отдает.

Я — к Александру Васильевичу:

— Что ж вы меня не отдаете?!

Он глянул на меня, улыбнулся ласково и хитровато и говорит:

— Куда тебе в деревню: ты двух караваев хлеба не можешь унести.

Так я и осталась в коммуне...

Варвара Павловна РАТМАНОВА. В коммуне была председателем санитарного отдела. Долгие годы работала в Центральной библиотеке им. В. Г. Беллинского в Свердловске, где и живет.

— У нас в коммуне были свои поля. Пшеницу, рожь, ячмень сеяли. Когда хлеба поспевали, для уборки их организовывали бригады из старших коммунарков.

Первый раз с нами пошел Александр Васильевич. Расставил нас цепочкой, каждому отвел по полоске в два шага, показал, как нужно держать серп, и мы начали жать. Дошли до половины поля, — Александр Васильевич объявил отдых. А спина устала до чертиков... Полчаса отдохнули, и — снова жать. До двух часов закончили всю рожь. Потом заведующий показал, как вязать и ставить снопы... Он нас просто вдохновлял. Общительный, веселый человек был.

Марианна Саввишна СУКРУШЕВА. Начала работать в коммуне учительницей-воспитательницей с 1922 года. Руководила культурным отделом, хоровым и драматическим кружками.

— Школа-коммуна закрылась перед коллективизацией, земли были переданы колхозам. Коммуна снабдила колхозы сортовыми семенами, выращенными на школьных полях. За большую помощь хозяйствам Александра Васильевича наградили орденом Ленина.

Можно бы ничего и не добавлять к этим словам Марианны Саввишны. Сукрушеву посчастливилось увидеть, как созревает и его главный посев — сотни ребят, прошедших его школу, выпестованных его сердечностью.

Он умер в 1957 году в возрасте 70 лет и похоронен в селе Острожка.

Процесс перевоспитания коммунарков проходил далеко не безболезненно. Даже усилия педагогов иногда не достигали цели. Мы уже упоминали Федю Бездомникова, председателя отдела труда. Хотя он и пробыл в коммуне меньше двух лет, пребывание его запомнилось многим. Федя оказался для воспитателей крепким орешком.

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ:

— Когда совет коммуны избрал Федю председателем отдела труда дружно и единогласно, это нас удивило. Даже самые хорошие кандидатуры обычно вызвали яростные споры... Позже мы догадались, в чем его «авторитет». Федя — из старших коммунарков, много повидал, сменил девять приютов, детдомов, побывал в колонии. У нас он чувствовал себя как рыба в воде, быстро прибрал многих коммунарков к рукам. Но и дело умел организовать хорошо. Зимой ребята после обеда обычно проводили время в рабочей комнате. Федя всегда находил им работу. Предложил коммунаркам плести из соломы шляпы, показал, как надо плести, за работой следили его помощники. Все коммунарки обзавелись шляпами...

В огороде около теплицы Федя нашел старую проволочную изгородь, предложил точить из нее вязальные спицы, крючки, иголки, в которых очень нуждались крестьяне, да и сами коммунарки тоже. Из обрезков телеграфных проводов Федя научил делать именные брошки. Весной на берегу Очера насобирали ракушек и из них вытаскивали пуговицы.

Казалось бы, что лучше! Ребята заняты, нарушений порядка в рабочей комнате не бывало... А между тем Федя, связав своих помощников круговой порукой и припугнув строптивых «темной», сбывал в деревню часть продукции. В обмен получал от крестьянских ребят картошку, овощи. А крестьяне жаловались на хищения из ям, обвиняя в этом коммунарков.

Мы стали откровенно наседать на Федю. Но он вызывающе заявил: «Не пойман — не вор».

Так и не сумели его уличить. Но, понимая вред его влияния на ребят, перевели его в другое место. С его уходом обстановка в коммуне разрядилась.

Виктор Степанович МЫЧЕЛКИН. Коммунар. Участник Великой Отечественной войны. До выхода на пенсию более двадцати пяти лет работал в Пермской областной госохотинспекции. Живет в Перми.

— Все мы были тогда не ангелы. Знали, конечно, и что Федя делает, но не рассказывали. Может, из-за ложной солидарности, а может, и потому, что сами были большие мастера словчить. По крайней мере тех смертных грехов, о которых говорит Анна Сергеевна, мы в его поступках не видели.

Одно могу подтвердить: коммунарки мы были очень деятельные, легкие на подъем, жадные до работы. В коммуне я пристрастился к разведению кроликов. У нас в огороде пустовала маленькая избушка, и я там устроил крольчатню. Об этом мало кто и знал, но когда организовалась сапожная мастерская, пришлось мне с кроликами потесниться. Вместе с другими коммунарками пошел я на выучку к Пете Дубровину, вспомнившему сапожное ремесло.

Так мы и работали: в углу — мои кролики, а у окна — стол сапожников. Девочки привели избушку в порядок, а Петя приготовил инструмент и материал, нашел чугунную лапу, вар, суровые нитки, приготовил дратву, нарезал деревянных гвоздей и каждого сапожника обеспечил дощечкой. Собрали всю обувь коммунарков: сильно изношенные ботинки пустили на заплатки, а пригодные взяли в работу. Обули сначала девочек, а потом и ребят.

Коммуна остро нуждалась в инвентаре для столовой, кухни, бани, для поливки огорода — нужны были миски, ведра, бачки. Из чего их делать? Однако выход нашлся. Мы стали получать посылки с продуктами из США, которые посылались для голодающих Поволжья. Продукты были упакованы в металлические банки и ящики — их-то и решили использовать. Мы с Пашей Ощепковым пошли к деревенскому слесарю, подучились у него слесарничать, паять. Мастерская заработала.

Однажды получили необычный заказ. У Сукрушевых родился сын. Нянек оказалось много, всем ребятам хотелось подержать маленького Володю, посмотреть, как его купают, пеленают. Володя подрос — таз для купанья стал мал. Девочки увидели у кого-то в деревне ванночку и потребовали, чтобы мы сделали такую же. Через несколько дней мы принесли Марианне Саввишне ванночку.

Павел Кондратьевич ОЩЕПКОЗ:

— С деревней мы к тому времени наладили отношения. Крестьяне бывали на всех наших спектаклях, воспитатели и коммунарки читали для них лекции. И в хозяйственных делах коммуна им помогала. Зимой женщины брали воду из прорубей, которые быстро затягивало льдом. Коммунарки предложили чистить проруби, а крестьяне за эту услугу рассчитывались продовольствием. В конце недели мы отправлялись по деревням — собирали с жителей «прорубное».

Ираида Валентиновна САВИНОВА:

— Все наши мальчишки выбирали себе сестричек. А у меня был названный брат — Ваня Кропачев, очень хороший товарищ. После коммуны он закончил Пермский

сельскохозяйственный техникум. Братья и сестры все делили пополам. Если девочка насобирает ягод, то половину отдает брату. Если мальчики что-нибудь заработают в деревне, то тоже делят поровну с сестричками.

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ:

— Ребята менялись на глазах. Наш председатель исполкома Ваня Кропачев всегда был чисто одет, все на нем хорошо сидело, даже холщовая одежда. Со всеми приветлив. Изобретателен в работе, все старался сделать красивее и часто удивлял ребят своей смекалкой. Все из соломы делают шляпы, а он помудрил и сделал себе фуражку. Асану Шако, который был у нас конюхом и коновозником и почти все время работал на солнцепеке, Ваня посоветовал сделать шляпу с большими полями. Девочек научил делать из соломы сумочки и украшать их цветочками из той же раскрашенной соломы...

С одеждой у нас все еще было плохо. На складах в Оханске вместо подходящей одежды выдали нам тюки белых платков — полотняных и очень тонких, из французского батиста. Полотняные платки еще можно использовать на платья, рубашки для мальчиков, на белье, а вот что делать с тонкими платками — никто не знал. Выход нашел наш исполком: менять у крестьян на холст... Так мы получили кучу холста. Сняли с коммунаров мерки, сами раскроили и приступили к шитью...

Галина Семеновна МАКСИМОВА, коммунарка. Более сорока лет работала в начальных школах. Живет в Перми.

— Мне помнится, как ласково относилась к нам Мария Алексеевна, которую все звали мамочкой. Она была в коммуне поваром, но и врачевала нас. Вечером обходила спальню, прислушивалась к нашему дыханию: нет ли хрипов, не кашляет ли кто. А потом в столовой зачитывала список больных и просила зайти к ней в комнатушку, где начиналось лечение. Детям нравились анисовые капли. Многие притворно покашливали, чтобы получить ложечку сладких анисовых капель...

Помню Анну Сергеевну Синайскую молоденькой и очень симпатичной девушкой с длинной черной косой — очень приветливая сердечная улыбка, ласковый взгляд. Марианна Саввишна Сукрушева была сдержанно-серьезна, требовательна. Екатерина Аркадьевна Тимофеевских — сама доброта... У мальчиков главным авторитетом слыл Вячеслав Васильевич Коньшин — исключительно разносторонний учитель. И очень рассеянный человек: частенько обнаруживалось, что он надел свитер на левую сторону или забыл привести в порядок свою шевелюру... Он умел весело и интересно рассказывать о том, что знал и видел. Вячеслав Васильевич руководил в коммуне литературным кружком, и с его помощью ребята выпускали «Литературный журнал».

Интересно, сохранился ли хоть один экземпляр этого журнала? Может, мы еще познакомимся с рукописными или напечатанными произведениями коммунаров? Ведь в литературном кружке были поэты, прозаики, художники. Среди кружковцев числились Саша Филимонов, Маруся Первова, Шура Ковалев — где вы сегодня, коммунары?

Знаем только одно: среди воспитанников коммуны есть авторы настоящих произведений. Книга П. К. Ощепкова «Жизнь и мечта» выдержала три издания, автор получил тысячи отзывов.

Паша Ощепков пришел в коммуну совершенно неграмотным, в двенадцать лет впервые взял в руки букварь...

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ:

— Школьного здания не было, занимались в деревенской избе. Еще больше огорчало, что недоставало школьных пособий, оборудования, учебников и тетрадей.



Анна Сергеевна Синайская со своим воспитанником Павлом Кондратъевичем Ощепковым. Москва, 1968 год.

Фото автора



Ученики использовали грифельные доски, старые газеты (на них писали деревянными палочками, чернила готовили из сажи или из свеклы). Еще писали на деревянных струганных дощечках березовыми угольками... Тетради берегли для сочинений, диктантов или уроков чистописания.

На третий год, в середине зимы, в школу с обследованием приехал заведующий отделом народного образования Уральской области товарищ Бубнов с инспектором. Я проводила урок русского языка, стояла у окна и увидела подходивших к дому гостей и Сукрушева. Тетради по русскому языку, сшитые из газет, исписанные свекольными чернилами, выглядели непривлекательно, а жаловаться на недостатки мы не привыкли. Я решила заменить урок русского языка уроком арифметики. Взяла старый дореволюционный задачник, вызвала к доске Пашу Ощепкова. Задачу дала типовую, а содержание вложила новое, назвав цифры урожайности наших зерновых, выращиваемых на полях коммуны.

Паша внимательно выслушал задачу и быстро решил, а затем неожиданно попросил продолжить ее. Как член исполкома, он знал весь доход наших полей, стоимость пуда любой культуры. Я разрешила. Рука его с мелом уверенно скользила по доске. Крошки мела, как искры, летели во все стороны...

Заведующего облоно поразили глубокие знания Паши Ощепкова, и он предложил сразу же перевести его в пятую группу. Успешно закончив ее, Паша прошел за лето программу шестой группы, занимаясь индивидуально у В. В. Коньшина. А еще через год он получил свидетельство об окончании семилетки, закончив ее за четыре года. И, как доказала жизнь, знания получил крепкие.

«Есть что-то общее в судьбе П. К. Ощепкова и нашего великого М. В. Ломоносова, — скажет спустя много лет об Ощепкове академик Н. С. Акулов. — И тот, и другой, вступив в жизнь на самом низком уровне человеческой культуры и особенно быта, становятся затем гордостью нашей страны...»

Уникальный педагогический опыт создателей коммуны не может быть достоянием лишь истории. Он профессионально ценен. Ведь не случайно, что десятки, если не сотни воспитанников коммуны сами стали замечательными педагогами и продолжили дело своих учителей. Например,

Юлия Васильевна Бобылева-Степаненко, чье имя упоминалось в нашей истории, до последних дней жизни работала директором показательного детского комбината при Академии педагогических наук РСФСР...

Анна Сергеевна СИНАЙСКАЯ:

— Летом 1921 года была засуха. Солнце палило немилосердно, земля жаждала влаги. И мы ввели налог: каждый день утром и вечером коммунары должны были принести с речки десять дружков воды (пара ведер на коромысле) и полить участок своего звена. Воспитатели трудились наравне с учениками. Работа изнурительная, но все помнили: «Не пиццать!»

Вышли ростки овощей, укрепились капуста. Пошли и сорняки — надо было рыхлить, полоть, окучивать. А тут новая беда: на капусте появилась масса гусениц... И опять налог ввели — каждый коммунары до завтрака должен был собрать и сдать кухонному дежурному кружку гусениц. Дежурный отмечал фамилию в списке, а гусениц сбрасывал в ведро с кипятком. Капусту мы спасли, а общего любимца поросенка Мишу потеряли — объелся гусеницами...

Чуть управились с огородом, поспел сенокос. Потом налетела откуда-то саранча, уничтожать ее ходили всей коммуной. Как бы там ни было, а голодный год мы пережили сносно, несмотря на то, что едоков прибавилось. Всем выдавали на день фунт овсяного хлеба. Мало, конечно, но крестьяне бедствовали еще больше нашего. Они пекли хлеб из опилок, отрубей, лебеды.

Жизнь в коммуне помогла вчерашним беспризорникам получить иные представления о чести и долге, о товариществе, научила их понимать подлинные ценности. Эгоизм уступил место коллективизму. Теперь, когда у коммунаров отпала острая нужда в поисках пищи, воровские традиции и привычки уже не имели прежней силы и постепенно отмирали. Но иногда напоминали о себе...

Анна Сергеевна продолжает рассказ:

— Помню один интересный разговор с ребятами в мое дежурство. После ужина воспитатели читали ребятам книги, беседовали с ними. В тот раз в столовой что-то собралось много детей. Сидели за столом. Ребята окружили меня тесным кольцом. Рассказывали, как они жили «на воле», как добывали пропитание, где ночевали. Объясняли значение слов своего жаргона, даже демонстрировали некоторые воровские приемы. Рядом со мной сидел Паша Ощепков, по другую сторону — Ваня Кропачев, их тоже сжали со всех сторон. Мне и в голову не приходило, что они рещатся на какую-нибудь проделку.

Вдруг с противоположной стороны стола мне протягивают листок и спрашивают:

— Не ваша ли это бумажка?

Я узнаю документ, который лежал у меня в бумажнике в кармане юбки. Потом подают мне и... сам бумажник. Оказывается, они хотели убедить меня в своей высокой «квалификации»...

И все же у товарищеского суда дел было немало. И кражи случались. Председатель товарищеского суда Паша Ощепков сам был честен, справедлив и откровенен. Действовал он открыто и бескорыстно. Правда, был случай, когда он сам нарушил правило — ночью не выходить за ворота коммуны. Но сделал он это ради установления научной истины...

ПАВЕЛ КОНДРАТЬЕВИЧ ОЩЕПКОВ:

— В коммуне я охотно занимался в кружке юных натуралистов. У нас нашлись термометр, барометр, флюгер, дождемер, компас. Анна Сергеевна объяснила их назначение, и мы вели регулярные наблюдения за пого-

дой — три года вели и ни разу не сделали пропуска в журнале.

Как-то ясной морозной ночью, в полнолуние, один из коммунаров вышел на крыльцо и увидел на небе необычное явление. Посредине чистого неба стояла полная луна в белом круге, а через луну проходили две широкие белые полосы — они пересекались под прямым углом. Там, где шло пересечение, были еще четыре луны... Пять лун стояло на небе, и в одном из секторов светилась радужная дуга!..

Коммунар, пораженный увиденным, вернулся в спальню и разбудил меня. Я удивился не меньше его, поднял на ноги всех кружковцев, и мы решили немедленно идти в общежитие учительниц будить Анну Сергеевну. Общежитие было на другой половине усадьбы, так что пришлось нарушить закон...

Анна Сергеевна вышла сразу. Мы забросали ее вопросами. Хотелось скорее получить разъяснение, чтобы не дать церковникам дурочить темных, голодных крестьян, пугать их «знамением божьим...» Чтобы получить точный ответ, решили немедленно написать в Пулковскую обсерваторию и, конечно, написали. Но объяснение нашли раньше, порывшись в астрономических книгах.

Потом я написал доклад. Наши художники изобразили увиденное на картине. Доклад всем понравился, и меня попросили выступить с ним перед населением. «Чуда нет!» — убеждал я крестьян, объяснив причину необыкновенного природного явления. Это, пожалуй, было мое первое публичное серьезное выступление. Я волновался, говорил запальчиво, но крестьяне слушали внимательно и, кажется, поверили... Во всяком случае, оппонентов не нашлось...

Виктор Степанович МЫЧЕЛКИН:

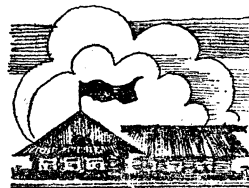
— 30 декабря 1922 года нас, группу коммунаров, принимали в комсомол. Приехал представитель уездного комитета комсомола. Он был в белом полушубке, с наганом на боку. Мы собрались в столовой. Горели свечи. Уполномоченный называл фамилии, мы вставали, рассказывали свои короткие, но порядочно запутанные биографии и давали слово быть хорошими комсомольцами... Насколько я знаю, все мои бывшие товарищи-коммунары доказали жизнью, что слово у них крепкое. Помню, как хорошо смотрела тогда на нас Анна Сергеевна Синайская, наш комсомольский секретарь...

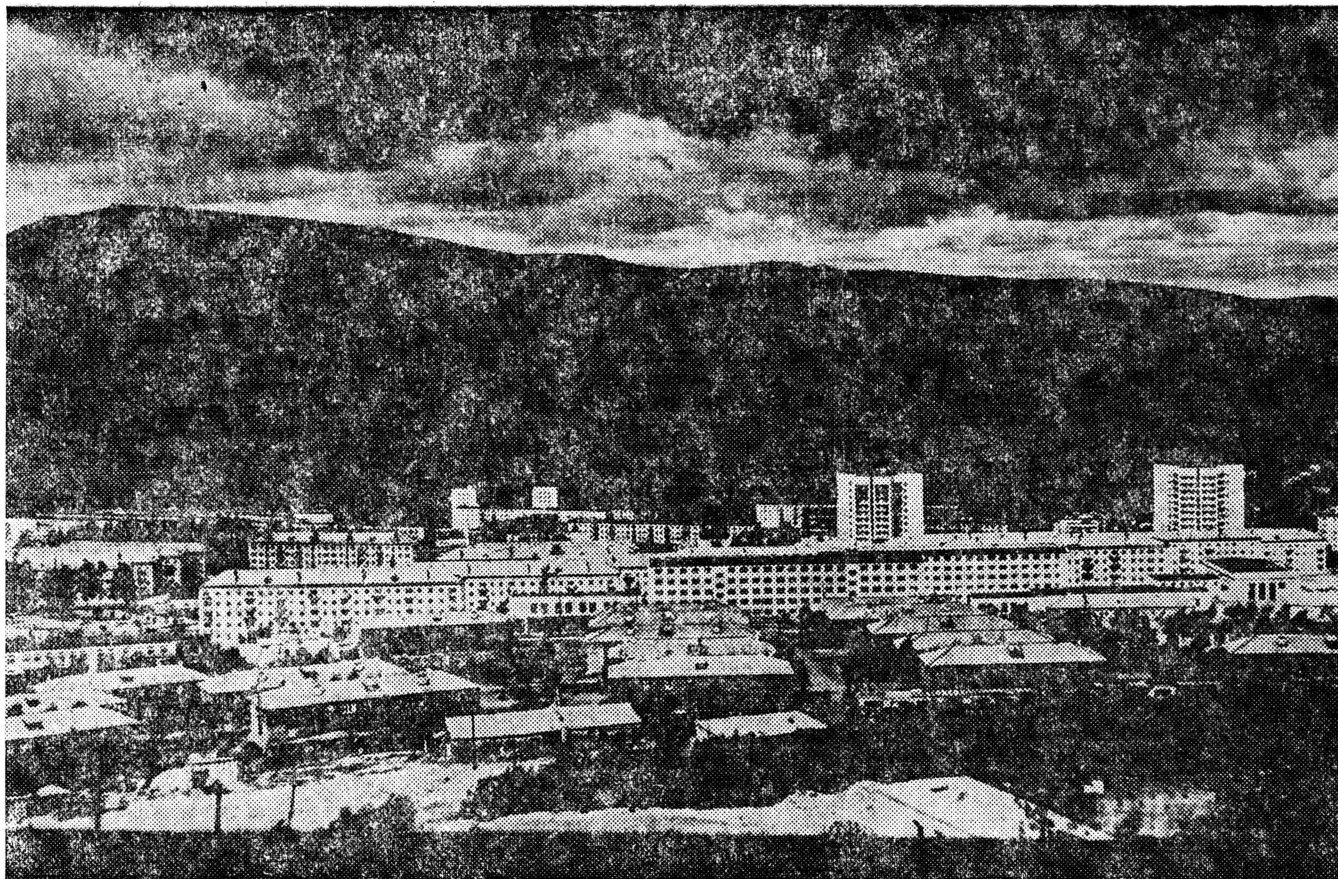
В 1923 году Анна Сергеевна Синайская поступила на педагогический факультет Пермского университета и стала со школой-коммуной. Свои полномочия секретаря комсомольской организации она передала Паше Ощепкову.

С тех пор она не слыхала об Ощепкове почти сорок лет, пока не увидела его фамилию в журнале «Уральский следопыт» (номер 1 за 1965 год). Прочитав статью «Всевидящее око», в которой рассказывалось о научной работе ее воспитанника, она послала запрос в редакцию и вскоре получила телеграмму от самого Ощепкова, а потом и письмо.

...Перелистаны несколько страниц истории Шалашинской школы-коммуны. Ее педагоги и воспитанники рассказали о первых трех годах существования коммуны. А она растила коммунистическую смену девять лет.

Мы не ставим точку на этом рассказе о жизни Шалашинской коммуны: перекличка продолжается.





ТРИЛИСТНИК ТОРОПОВА, или о том, как прояснилось лицо юного уральского города

**Иван
ГРАЧЕВ**

Фото
А. Лысякова



В середине лета вдруг похолодало, что нередко случается в Качканаре. Вроде только-только от жары на стройплощадке оплывал битум из бумажных тюков, как мороженое из вафельных стаканчиков, а хлынул сиверко — хоть шубу надевай. Солнце уже просвечивало сквозь серую муть.

— Когда успело охмуриться? — недоумевала стропальщица, отцепляя концы тросов от очередного поддона с облицовочной плиткой.

— А шапку на горе видела? Туман на вершине — примета верная: к непогоде, — откликнулся бригадир.

И верно: вскоре посеяла морось. Значит, дождь зарядил самое малое на неделю.

Стропальщица все ворчала:
— Придумали же плитку в бу-

магу завертывать. Мусору только больше, а теперь дождем бумагу размочит. Морока одна.

— Ну уж не скажи! — возразил бригадир. — Берешь такую плитку, а она вся сияет, ровненькая, гладенькая, без царапин. Любо такой плиткой работать! Прямо даже не верится, что у нас, в Качканаре, такую делают.

Тут послышался тройной сигнал с верхотуры. Это крановщица обозначила условное: архитектор идет!

Да, вот и он появился. Невысокий, идет энергично. На стройплощадке разговоры стихли. Бригада, сопя, трудилась.

Владимир Борисович в первую очередь подошел к молодым мозаичникам. Им, недавно изучавшим методы современной работы, руко-

водство СУ-1 треста «Качканаррудстрой» доверило новое дело. Девушки старались. Архитектор доверял им, но глаз не спускал; от него не ускользало, что плита углубилась или выперла хоть на пару миллиметров. И если замечал, немедленно требовал переделки.

Архитектор Торопов обошел стройку, тщательно осмотрел кладку стен. Даже в сануздах!

— Да что мы, дома лепить не умеем! — не выдержал бригадир.

— Не надо дома лепить. Дома надо строить! — ответил архитектор.

Подождала бригада вечерней смены. Торопов попросил всех собраться в вагончике-прорабке.

Он встал возле стола. Лампочка высветила четко его лицо с рыжеватыми усами и бородкой.

— Глади: точь-в-точь Дзержинский, только маленький, — шепнула стропалящица соседке на ухо.

— Товарищи! — решительно сказал Торопов. — Вы считаете, что я излишне контролирую качество стройки, что на то есть бригадиры, прорабы и другие лица, вплоть до кураторов заказчика. Прошу до конца понять, прочувствовать, что мы начали не просто новый дом. Это — новостройка. Мне с боем пришлось выбивать разрешение Госстроя РСФСР. В облисполкоме упрекали: «Перехватил! Качканар — и на тебе, трилистники дзенадцатизтажные! Во всем Союзе такие только в двух городах. Хватит Качканару и пятиэтажных домов».

«Хватит Качканару»... Не мог Торопов здесь, на оперативке в междусменке, рассказать, что хватит, а что не хватит Качканару. Недавний выпускник Свердловского архитектурного института, он впитал в себя веяния современного градостроительства, как горячий оладушек ароматные запахи. Только Качканар никак не вписывался в модные каноны. Этот еще даже и не город, а почти поселок потребовал вдруг от него своего решения. Так требует от камнереза каждый алмаз своей огранки наособицу, нет ее — нет и бриллианта!

Только почему «вдруг»? Откуда «вдруг»? Кто сказал «вдруг»? Не бывает «вдруг»! Проявляется однажды главное решение, которое долго копилось. Не просто же так, «вдруг», стукнуло яблоко Ньютона по затылку.

К тому времени, когда молодой архитектор впервые побывал здесь, качканарская ударная стройка уже отшумела в «Комсомолке» и других центральных газетах своей новизной, только изредка сообщалось о вводе в строй небывалых объектов. Он не очень удивлялся этому. А что, Комсомольск-на-Амуре давно уже стал рабочим городом, в Магнитогорске на первых горизонтах отвалов выросли десятиметровые березы, да и для нас БАМ скоро станет обычной железной дорогой. Просто они вхо-

дят в легенду страны, как Чапаев. Но без легенд нет и нас самих!

Любой человек, приехавший жить в Качканар, считает обязательным побывать на вершине горы. Это стало ритуалом. Туда не полезешь вот так, запросто, взял да и пошел аж до самого «верблюда». Нет, узнай сначала, как да почему. Вот хотя бы про название горы. Никто этого не знает, ни один ученый, ни один старожил. Туманное название. Правда, очень привлекает перевод с башкирского: «гора, на которую садятся птицы, соколы». А как быть с переводами с других языков — ханты, манси, коми, татарского?

Об этом и многом другом размышлял Торопов, когда поднимался длинной, в пять километров, тропой по сплошному камению. За болотистым перелеском (чушь какая-то: почти вся гора — болотина!) слева остался небольшой пик, испещренный надписями нитроокрасками типа «Ваня+Маня=любовь», а потом...

Шагая к вершине горы, Торопов невольно поддавался угрюмому молчанию седых камней-громадин.

А вот меж камнями будто специально выдолблена кадка с изумительно прозрачной водой, обросшая по краям зеленым мхом. Наклонился испытать, а мох шевелится, отпугивает. И тут в скалах просвистал ветер, где-то треснул сухарник сосны и угрюмо зароптали ели...

А может, это вовсе и не ветер, а пуля просвистела, треснул выстрел дробовика или зашумели голоса шуваловских добытчиков россыпной подержанной платины в Хищном Логу? А может, и не желна прокричала в лесу, а донесся из глубины холодного молчания древней шахтенки с лиственничным срубом предсмертный крик рудокопа, на голозу которого свалилась из поднимавшейся скрипучим воротом бады магнитная глыба?..

Так и не дошел тогда Торопов не только до вершины, хоть она рядом была, а даже до кромки леса, что в сотне шагов. На плоском камне старого пепелища развел костер, благо сухарника кругом навалом, испек картошку и съел ее, хрумкая, полусырую...

И забрался на огромный камень.

И отсюда, как с высоты полета небольшого самолета (гора-то всего 882 метра), открылась панорама Среднеуралья. В золотистой дали отчетливо видны трубы Нижнетуринской ГРЭС и даже Кушвы, обкусанный контур горы Благодати. Прямо на юге, купаясь в густых солнечных лучах, мчался поезд то ли к станции Азиатская, то ли к Европейской, а скорее всего к полустанку Уральский хребет.

— Батюшки, да ведь я в самой сердцевине Урала! — нечаянно воскликнул Торопов.

Это очарованье Уралом обжи-

гает его сердце до сих пор. Не зря полярики говорят о гипнозе Севера.

Потом-то, часа через полтора, Владимир Борисович заставил себя глядеть на лежащую внизу гору Долгую, которую уже окольцовывал качканарский поселок, глазами архитектора. Сначала улыбнулся: «Как ожерелье на груди красавицы город лежит!», но тут же нахмурился. Чем-то слащавым отдавало от этого сравнения. Понял причину — городом не с вершины горы любоваться, в нем людям жить надо.

Нет, не тогда возник у него дерзкий замысел образа города. И даже не тогда, когда с сыном Андреейкой прогуливался у телевизки возле камня, похожего на голову медведя (через несколько лет этот камень в грозу сшибла старая береза).

Ему не давала спать по ночам одна мысль. Вокруг города спокойно-холмистый ландшафт Урала, только с востока немного взъерошились скалы Больших и Малых Луковят. Но на севере вздыбилась громада Качканара. Одна местная журналистка, Станислава Ульянова, сравнила очертания горы со спящим львом. Только архитектору не легче от этой лирики. Ему необходимо найти формулу, абрис города в сочетании и с этой горой, и со всеми другими, округлыми, буйно заросшими тайгой, и невероятно веселым березником вокруг искусственного моря. А все это, вместе взятое, в одной центральной газете назвали уральской Женовой. Но все это, вместе взятое, в другом, официальном документе охарактеризовано так: «преобладают шквальные ветры». Так где архитекторам найти в решении города сочетание с удивительной красотой и оградить горожан от жестокого климата? Как разработать функциональную схему города?

Как-то зашел в мастерскую сантехников на фабрике окатышей. Был обеденный перерыв. Рабочие уже пришли из фабричной столовой и лениво «травили». Носатый тракторист Толя пытался рассказать анекдот про трех дураков, но получилось скучно, и на него шикнули. Слесарь Иван Минич Мокеев, маленький, щупленький, кудрявый, очкастый, достал из кармана небольшой, с полмизинца, кристалл горного хрусталя и повертывал его гранями, ловя преломление луча. Что-то не получалось. Он сдернул с Тракториста шапку и на ее черном фоне стал ловить лучик в кристалле. Это и увидел Торопов. Он остановился за спиной Минича, вздернув бородку.

— Так вот что нужно — антитеза горе! — воскликнул он и стремительно сбегал вниз по лестнице.

— Он что, чокнутый? — хохотнул Толя.

Минич поскреб в затылке:

— Не скажи... Какой-то лучик горного кристалла сверкнул архитектору. Поживем — увидим.

Вечером в квартире Торопова было что-то непонятное. Андрейка лепил из пластилина своих чебурашек-голопузиков. К нему подсел отец, взял брикеттики белого и желтого пластилина и молча начал лепить какую-то кубатуру: дома — не дома, ящики — не ящики. Андрей долго терпел и спросил:

— Папка, ты мне домики лепишь?

Отец улыбнулся:

— Может, и тебе.

— А почему у твоих домиков не четыре стены, а много?

— А почему у кошки хвост?

— Играть.

— Хм... Как ты догадался?

— Я видел.

— Тебе легче жить. Увидел и — догадался. А я вот догадался, да не вижу.

— Кого?

— Антитезу.

— Тетю Аню? Я позову ее!

— Да нет, Андрей. Надо одну загадку разгадать. Я завтра с тобой сыграю, а сегодня дай мне самому с собой.

Тут отец принес мамино синее платье, сложил на столе к стене большим горбом и опять начал лепить. Сделает две-три штучки, поставит к платью, отойдет, поглядит и сохнет, снова лепит. С Андрейкой почти перестал разговаривать. Тот надулся и пошел к маме. А мама почему-то сказала, что уже давно бы пора спать, вон даже букварь лег спать в сумку.

Так и уснул Андрей, не ведая, что случилось после.

А после было вот что.

Мама Таня сидела в уголке диван-кровати, подпернув ноги калачиком, и что-то писала на листочках. Перед ней будто телеочерком проносились дни отпуска в Ленинграде. Дворцы, шпильи, теплоходик под широкими мостами каналов, памятники, музеи, и неожиданно четко вычеканилось Пискарево, жестко, резко, прожекторно.

Здесь пахнет свежескошенной травой,

Здесь люди с непокрытой головой,

Цветы на плитах, зелень и гранит —

Все скорбное молчание хранит. Седые кроны ив и тополя.

И лица постаревших матерей. На сером камне — год.

И эта дата Одна — и для детей и для

солдата, Для женщин, стариков

и молодых... — Шевалье! — странно прошеп-

тал на ухо Владимир и пощекотал бородой щеку. — А ведь у тебя получилось. Ведь это — стихи!

— Нет-нет, я не закончила! — счастливо выдохнула Таня.

— Шевалье, это — стихи.

Татьяна прижалась затылком к его бороде и примолкла. Оба они не знали тогда, что это незаконченное стихотворение оказалось законченным и позднее будет напечатано в одной областной газете. А в тот вечер Владимир тихо сказал жене:

— Шевалье! Татьяна Андреевна! Я тоже сотворил свой стих: нашел антитезу города горе Качканар. Это будут высотные дома-трилистники, образное воплощение друж уральского горного хрустала.

— С ума сошел!

— Да, видимо, меня объявят сумасшедшим, — Владимир быстро разжал объятия, отступил от жены. — Но это будет заявка на собственно город. Иного решения не вижу.

...Не мог Владимир Борисович рассказать все это и многое другое рабочим-строителям на той оперативке-междусменке в вагончике. Сегодня необходима речь о главном, о качестве строительства.

— Наши дома, — продолжал он, — никто не хотел проектировать — сложно, стоимость высокая.

Больше года стоял готовый фундамент этого дома — вы, строители, собирались с духом, хотя очень смело строили фабрики, тоже совершенно необыкновенные. А здесь вы пожимали плечами, — уровень качества не тот!

Затем, едва начав кладку, вы перешли на другие объекты, а эту стройку заморозили. Но это уже не вы, а я закрыл стройку, потому что дома должны быть облицованы плиткой, а ее нет, а штукатурить я не позволил и сдерживал кладку, пока на качканарском ЖБК не создали и не освоили ее поточное производство. Досталось мне, конечно, даже представить трудно...

— Да уж, лэди, изматерили! — донеслось из угла. Вагончик громыкнул хохотом.

— Вот я и прошу понять, что мы строим не просто дом. Эти три двенадцатизатяжки трилистниковой формы содержат в себе прообраз будущего города в соответствии с генеральным планом. Они — визитная карточка города для гостей и марка строителей Качканара.

Аплодисментов не было. Строители сидели задумчиво, пока кто-то из молодых не крикнул:

— Пора, Лэди и Гамильтоны!

Вагончик опустел.

Вечером Владимиру Борисовичу сел за письмо далекому другу. Он не умел и не желал писать обязательные письма, а всякие поздравительные открытки называл «вежливым формой равнодушия». Но если

уж на него находил стих написать, то создавал письмо длинное, как он говорил, «в несколько верст и еще два лаптя по главному проспекту». На такую эпистолярную поэму всегда уходил не один вечер.

«Кончились те счастливые золотые времена дипломного проектирования центра музея под открытым небом в городе Верхотурье под руководством товарищей из «Ленгипрогора», когда я мог творить только как архитектор. И, наверно, не случайно эта моя работа вошла в состав генплана Верхотурья, одобрена и утверждена в 1972 году облисполкомом и Госстроем РСФСР. Еще не хочется верить, что уже «ушел в мою историю» Дом рыбака и охотника на Емельяновом Мысу в Сыертском районе, над проектом которого мы работали с учителем. То были дебюты.

А сейчас я своей головой отвечаю за все, что хоть малейшим образом связано с архитектурой города. Да еще какого города — Качканара, который начинали строить семь организаций, кому что вздумается, города, где схлестнулись все архитектурные проблемы молодых городов Союза.

Главная наша беда — в таких городах слишком много «спецов» от архитектуры.

Да вот недавно ко мне обратились с просьбой сделать или откорректировать проект благоустройства вокруг нового автовокзала. Мы с сотрудниками сделали, выдали в ОКС. Всем понравилось удобство подъездов, сохранение зеленой зоны и тому подобное. Разбивку в натуре сделали при мне, и я со спокойным сердцем поехал в отпуск. Приезжаю — и на тебе! — сделано не так. Я срочно собрал строителей из СУ-4, товарищей из ОКСа и выяснил, в чем дело. Оказывается, первый секретарь горкома Гикалов дал указание сделать так, как считает нужным.

Тогда я собираю всех на месте стройки, Гикалова тоже пригласил, ставим его «Волгу» напротив входа в автовокзал. Затея планировки состоялась в том, чтобы перед вокзалом создать «карман» для городских автобусов, такси, личного транспорта. Этого-то и не сделали.

И вот мы все увидели, что «Волга» секретаря, стоящая на проезжей части, закрывает свободный проезд по улице, а движение здесь интенсивное.

Я спрашиваю: «Кто и как мог отменить проект, кроме меня?» Показал на очевидность ошибки и сказал, чтоб переделали...

А потом Дмитрий Иванович Гикалов помог мне выиграть главный бой — за генплан Качканара...

Ранняя весна 1971 года вызывала возбуждение. Весь город жил

главным событием — пуском фабрики окатышей, первой на Урале. У всех только и на языке: как там, идет ли?

А еще в воздухе упорно витал слух о втором ГОКе, Средне-Уральском, об освоении собственно качканарского месторождения титаномагнетитов.

Слух был не ложным. ГОК-2 проектировался.

Торопов считал необходимым включить в титул нозого комбината строку или раздел по непромышленному строительству — жилья и соцкультбыта.

— Что ты, какой раздел! — охладил его Гикалов. — В «Уралгипроруде» намерены просто заложить деньги, укрупненно подсчитав, сколько нужно жилья, школ, детских и прочего.

— Как, опять город остается без проекта, без генерального плана? Опять будем строить кому что вздумается?

Торопов сбежал со второго этажа и заказал разговор с «Уралгипрорудой». Соединили очень быстро.

— Мне Буряка!

— Я слушаю.

— Торопов из Качканара. Здравствуйте, Юрий Викторович!

И рассказал о разговоре с первым секретарем горкома партии, начал доказывать главному инженеру проекта ГОК-2, что закладывать голые деньги под градообразующий соцкультбыт в титул — крайне плохо для развития Качканара, нужен проект...

— Да подожди ты! — и в голосе Буряка Торопов явственно ощутил руководящее превосходство. — Какие деньги? Какой проект? Все это мелочи! Да и «Свердловскгражданпроект» отказался от такой затеи, им просто не под силу.

Владимир Борисович положил трубку, поняв, что от него отделиваются, но тут же попросил телефонистку междугородней связи набрать ему другой номер.

Ангелина Дмитриевна Максимова, участвовавшая в разработке генпланов двадцати городов Свердловской области, теперь занималась эскизами застройки Качканара. Мягкий неторопливый голос ее успокаивал. Она разъяснила Торопову, как мудрая учительница сообразительному ученику:

— Буряк-то прав, свердловским организациям такая работа действительно не под силу. Качканарцам надо выходить на большие строительные фирмы типа московского «Гипрогора», «Ленгипрогора» или ЦНИИПИ Градостроительства. Только выходите на них с доказательствами.

После разговора Торопов еще долго держал телефонную трубку. Ему казалось, что от нее исходит

сердечное тепло старшего товарища.

Обдумав все данные, какими он располагает, Торопов вспомнил про «Ленгипрогор», с которым был связан во время проектирования музея в Верхотурье. Обзавелся также телефонными и другими координатами московских проектных организаций.

Однако с «Ленгипрогором» ничего не вышло. Институт очень загружен и нет в просвете «окна» — свободного времени на качканарский проект.

— Что ж, стучись в любую дверь! — ободрил его Гикалов. — Главное-то, в себя верить.

И в апреле качканарский архитектор отважился позвонить заместителю председателя Госстроя РСФСР В. А. Петербуржцеву. Рассказал ему про свою боль и про возможность решить вопрос. Тот попросил составить записку, в которой следует осветить все вопросы, волнующие качканарцев, проблемы развития города; говорить не только о генплане, но и о реализации его.

Торопов с Гикаловым обсудили вопросы и начали готовить записку так, чтобы она была короткой и всеобъемлющей. О подготовке записки Торопов сообщил главному архитектору области Д. С. Попову, депутату областного Совета от Качканара.

— По неопытности завариваешь эту кашу и других людей втягиваешь, — скептически улыбнулся Попов. — Тем более что на генеральный план Качканара у меня денег нет и не планируется.

Такую отповедь получил Торопов от своего прямого областного руководителя.

24 июня записка готова. В июле Гикалов собрался ехать в отпуск. Петербуржцев назначил прием на 16 июля. В воскресенье Торопов вылетел в Москву, Гикалов уехал поездом раньше. В понедельник к десяти утра оба пришли в Госстрой.

Петербургцев был не один. Он пригласил начальников главков — членов коллегии Госстроя РСФСР И. Н. Радко, В. Д. Голли, А. В. Леонова, главных специалистов и других работников.

Качканарцев внимательно выслушали и стали конкретно обсуждать вопросы, связанные с генпланом. Тут же решили основное — выделить Качканару лимиты на 1972 год на съемку местности для генерального плана.

Гикалов уехал отдыхать, поручив Торопову стучаться в любую дверь. Теперь-то уж легче стучаться, московская земля отвсдела под ним. А все-таки, как втиснуться в «Мосгипрогор» со своим генпланом и вынудить заказать проект?

Поехал в институт «Гипрогор» на Ямское Поле прямо к директо-

ру Букрееву. Он увидел за столом обаятельного человека, а за его спиной — громадную карту СССР, на которой кружочками отмечены города, которыми занимается институт.

Торопов начал страстно агитировать за генплан Качканара, живописуя богатства горы, сырьевую базу для Нижнего Тагила.

— А ваш город на карте есть?

— Нет, но...

— Может, его и вообще нет? — пошутил директор и развел руками. — Мы ведь выполняем проекты по перечню Совета Министров.

Грустный вышел Торопов из кабинета, нехотя покурил и побрел во вторую мастерскую института, которой руководил Ю. И. Виноградов и в которой работали давние приятели. Им и попечалился о своей неудаче.

Здесь же сидел главный инженер Зардарян и любовался, как «лил слезы» товарищ с Урала. Торопов его знал и не стеснялся в выражениях. Зардарян наконец захохотал и предложил:

— Послушай, дорогой! Хочешь идею?

— Конечно хочу! — подхватил Торопов.

— У нас есть «окно», и мы можем выполнить схему развития Качканара или как вас там, предпроектные соображения, ТЭО. Поезжай опять к Петербуржцеву, расскажи ему, и пусть он попросит Букреева дать согласие на разработку схемы. Работа небольшая, для нас особого труда не составит, а Букреев любит выполнять такие личные просьбы.

На другой день Торопов острожно входил в кабинет директора, но Букреев вышел из-за стола ему навстречу:

— Ну, хитрец, поймал на любимом коньке! Будет вам ТЭО.

— Но в нынешнем году необходимо сделать схему без лимитов...

— Ничего, восполните лимиты в следующем году.

В тот день Торопов успел побывать в других проектных институтах, в Министерстве черной металлургии СССР. Под вечер едва успел на Ярославский вокзал к нижнетагильскому поезду. Объемистая сумка пуста — ни поесть, ни попить, ни гостинцев домой. Но сумка была для него сегодня необыкновенно весомой: в ней лежало письмо из Минчермета СССР на имя руководителя объединения «Уралруда» Горшколепова выделить лимиты на 1972 год «Гипрогору» на разработку схемы для генерального плана Качканара.

Отдыхавшись, Владимир Борисович снял пиджак и вышел покурить. За окном быстро уплывали назад сады и сосновые боры Момино. В середину леса укладыва-

лось на ночь красное солнышко, доброе московское солнышко.

...Областной архитектор Попов очень удивился: за так получить генплан города! Невероятно!

Однако машина закрутилась. Генеральный план Качканара был выполнен в полном современном комплексе: от анализа микроклимата до решения принципиальных проблем — транспорт, инженерные коммуникации, соцкультбыт, этажность, характер улиц и микрорайонов. Двенадцать проектных институтов участвовали в его разработке. Три года длилась для Торопова большая и радостная работа. Особенно в холодную зиму 1973/74 года. Тогда переехали в новое здание горсовета, еще не обжитое. В рабочее время заниматься бесполезно — гужом тянутся посетители. Архитекторы оставались по ночам, все выходные трудились. Только макеты города сделали три варианта. А вместе с проектировщиками практикантка Свердловского архитектурного института Тоня Устюгова уже делала прорисовки качканарской молодежной спортивной зоны отдыха всесоюзного значения. Женева — так Женева на Урале!

«Мне отрадно сейчас сознавать,— писал далекому другу Владимир Борисович,— что это уже все реализуется и будет реализовываться по крайней мере до 1983 года. Я рад, что стал закоперщиком Генерального плана. Частица меня — в нем.

Сегодня строители всерьез начали строить первый 12-этажный дом-трилистник, начали строить новый город, по Генеральному плану».

Недели через две по пути с работы домой архитектор услышал тройной сигнал крановщицы. Усмехнулся — давно уже знал, что это за сигналы. И не собирался сегодня заходить на стройку, да ноги сами понесли.

Дом поднялся уже на два этажа. Бригада, впервые с его приходом, не работала, а встретила архитектора тесным кружком на верхней площадке. По обыкновению, он обошел весь фронт работ. Все выжидательно молчали.

— А что, товарищи, уже хорошо получается. Вполне даже прилично.

К нему лицом к лицу встал бригадир:

— Хуже работать уже не можем. Лучше — попробуем.

— Вот и отлично! Значит, я могу больше не ходить сюда.

— Наоборот! Вы не придираетесь, а учитесь! — закричали девушки-мозаичницы.

— Заходи почаще,— просто сказал бригадир.



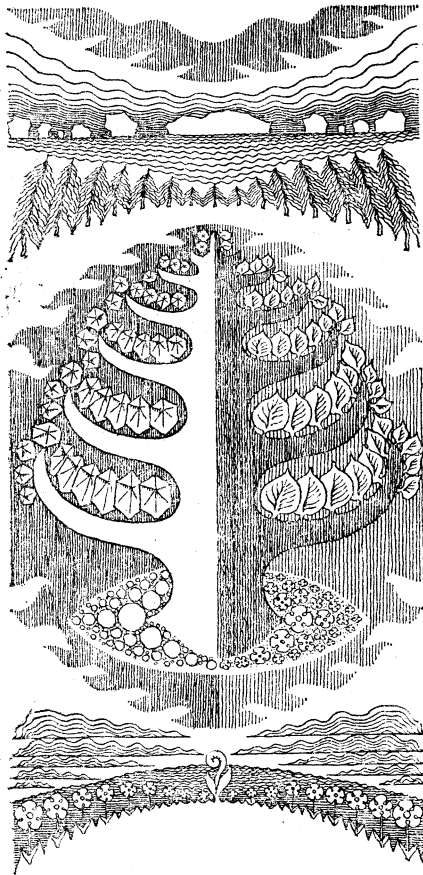
Качканарское море.

Юные качканарцы.



Приходите, друзья, к моему

АЛИТЕТ
НЕМТУШКИН



Истинная поэзия, как и дерево, питается соками земли, она уходит корнями в толщу народную, чтобы, вобрав в себя мудрость, раздумья, радость, печаль, пропустив все это сквозь лирическое «я», вылиться затем живым металлом в стихотворные формы, каждая строка в которых звучала бы как натянутая струна.

Алитет Немтушкин, стихи которого мы предлагаем вниманию читателей, живет в далекой Эвенкии, в поселке Тура, что стоит на берегу Нижней Тунгуски. Он родился в чуме и первыми ощущениями, сигналами внешнего мира были для него завывания ледяного ветра и мягкий шелест кедрача. Природа края сурова и прекрасна. Эти два начала явственно слышны в лирике Немтушкина.

Колесница социального прогресса, осененная флагом Октября, почти как в сказке «перебросила» эвенкийский народ из родового строя в общество развитого социализма. Там, где стояли чумы, весело смотрят на мир окошки благоустроенных домов. Коренные перемены произошли в жизни эвенков. Пример тому и судьба поэта. Раньше ему было уготовано лишь два пути, два выбора: оленевод или охотник, до революции эвенки вообще не имели письменности. А. Немтушкин, окончив Красноярский пединститут, стал одним из основоположников национальной литературы. Эвенкийская поэзия зазвучала на языках народов СССР, за рубежами страны.

Из эвенков первый задумал я
Разводить костры на бумажном льду...

Поэту, если он гражданин, противопоказана медоточивая лира, услаждающая слух гурмана одной лишь изысканностью рифмы. Гражданская страсть звучит в стихах Немтушкина, когда он пишет о детях, забывающих ремесло и традиции отцов, о их слепом преклонении перед цивилизацией, розы которой, как известно, весьма часто нашпигованы колочками.

Мой аркан забыл	оленьи рога,	Я хороших звонких	слов наберу.
Не глотает пули	мое ружье.	Пусть по ним огонь	пускается в пляс.
Или ты не эвенк! —	мне кричит тайга.	Приходите, друзья,	к моему костру,
Или ты не охотник! —	мне ветер поет...	Приходите:	ему не гореть без вас!

Летним вечером Алитет садится в моторную лодку, едет за сотню километров от ближайшего жилья. Разводит костер на берегу, остается один на один с тайгой. Всплесками волн обсуждает что-то река, тихо шепчутся травы. Природа говорит с поэтом.

Станислав МЕШАВКИН



Звезды хоровают,
Знать, суглан¹ проводят:
То мигнут друг другу,
То шепнут.
Стой! Не обо мне ли
Эти разговоры?
Словно на ладони,
Я под небом тут.
Ночью смутны тени,
Вывожу оленей,
Тщательно упряжку
Проверяю я.
Бег оленя быстрый,
Если в небе чистом

Путевые вехи
Звездами горят.
Нет, от звезд далеких
Разве мне упреки:
Мол, куда собрался?
Что — покоя нет!..
Славен путь морозный!
Вы же сами, звезды,
Мне послали с детства
Путеводный свет.
С той поры — в дороге,
С той поры — в тревоге.
Тверже стали руки,
Помыслы тверды.
Начинаю снова
Долгий путь от дома
До такой желанной,
До своей звезды.

¹ Суглан — сходка, собрание.

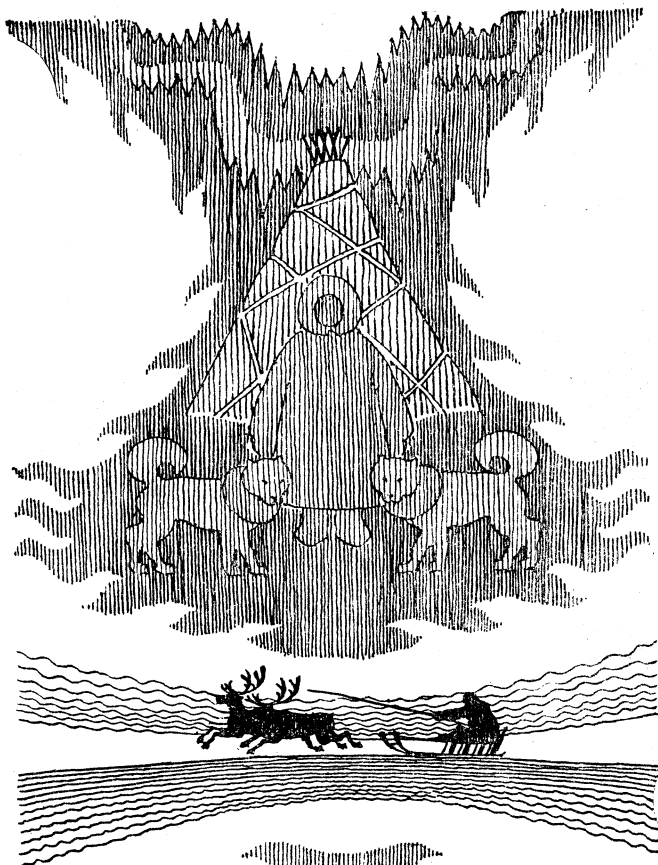


Костры...

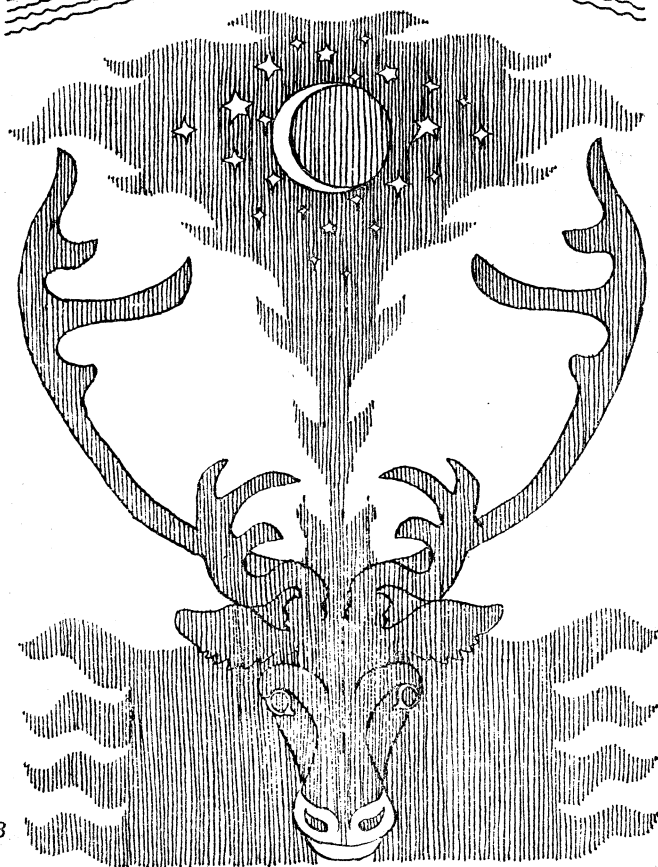
Рисунки
В. Меринова



Зима наступает — и слепнешь от снега,
Морозы медведей страшней.
Весна бы скорей: оленятам бы бегать
Да солнцу искриться веселей.
Приходит весна, напоенная светом,
И песни ручьи завели.
А мы ожидаем привольного лета
Да щедрого дара земли.
Вот лето уже, а мы осени жаждем —
В тайге запылают костры
На тропах заветных звенков отважных,
Охотников с давней поры.
Но осень проходит отлетною птицей,
За счастьем кочевье зовет.
И снег на уставшую землю ложится,
Так надо — земля отдохнет...
Не может быть года совсем непогожего!
От предков храним мы завет:
Жди добрых вестей, человека хорошего,
Не жди только смерти и бед.



— Хей! — крикнуть оленям бы. — Хей!
Давайте, родные, помчимся быстрее!
Но крик этот в горле моем замирает:
Оленей, увы, в городах не бывает.
— Хей! — крикнуть мне птицам бы. — Хей!
Любимые песни споем веселей!
Но откликом слышатся трели трамвая:
Певуний тайги в городах не бывает.
— Хей! — друга под локоть бы. — Хей!
Давай босиком по зеленой земле!
Но он посмотрел бы печально и строго:
Здесь — город, и в камень сдета дорога.
Как ветер, проносятся мимо машины —
Железного века стальные старшины...
Смеемся и трудимся — все на бегу.
А выплакать боль мы уходим в тайгу.



Перевел с эвенкийского Л. РУМЯНЦЕВ

РАССКАЗЫ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Академика Шварца
прозвали еще с колыбели Кукой.
К нему по-птичьи заглядывали в кроватку
взрослые
и приветственно куковали: «Ку-ку!»
Наконец и он повторил
это веселое слово...
Похоже, он нес свое
юмористическое имя легко,
нисколько не сердился
и хранил его как светлую крупицу детства,
ведь не чувствовать юмора
он не мог, ибо как-никак
родился первого апреля —
в День смеха...
И когда академик Шварц
ездил в экспедиции на Ямал,
в тундру, то нелегкую
исследовательскую работу
он выполнял весело.
Было в районе научной базы экологов
безымянное озерко, на котором Шварц
наблюдал стадии развития лягушек
из головастиков, а также ловил рыбу на уху.
Озерко он назвал своим детским именем —
Кука-то.
По-ненецки «то» — вода, озеро.
Кое-кто верил,
что это настоящее
ненецкое название озера.
А кто-то и догадывался,
что это розыгрыш,
самодельный топоним
Станислава Семеновича...



О КУКЕ

Последняя весна

Вспоминаю, как при встречах с академиком Шварцем в последние годы его жизни, а было это всего лишь несколько лет назад, у меня возникало и радостное, и грустное чувство: хорошо, что жизнь вывела меня на спокойного, мудрого, во всех проявлениях естественного человека, но жаль, как жаль, что этого не случилось раньше. Жаль, что я не знал его всегда!

Недавно я попросил своего коллегу научного журналиста из Москвы Карла Левитина рассказать о его давних и мимолетных встречах со Шварцем. Оказалось, что столичный коллега все эти годы помнил об уральском ученом и немедленно написал мне.

«Главное мое впечатление о Станиславе Семеновиче Шварце — очень четкое. Прежде всего передо мной был подлинно интеллигентный человек. Ни тени академической важности, никакой страсти к директорскому декору. Вы помните, конечно, его кабинет-лабораторию? Летом 1972 года я был в Свердловске (готовил интервью Шварца для журнала «Знание — сила»), друзей у меня там тогда не было, да и знакомых тоже. Я поехал в институт, не договорившись о встрече, но Шварц сразу нашел время побеседовать и, помнится, ощущение одиночества (наверное, оно знакомо каждому, кто впервые приехал в какой-нибудь город) постепенно оставило меня. Мы говорили об институте, науке, я понимал, конечно, что в его глазах был одним из множества журналистов, чьи имена невозможно упомянуть, и тем не менее ощущение от разговора со Шварцем было такое, что вот теперь у меня в этом городе появился не то чтобы знакомый, приятель, но человек, которому небезразлично мое дело, мои мысли, заботы. Эти черты личности Шварца — открытость, внимание к собеседнику, старая, петербургская интеллигентность — встречаются не каждый день.

В последний раз я не увидел Станислава Семеновича — он был уже тяжело болен, и мы разговаривали несколько раз по телефону, и я пересылал ему свои расшифровки наших бесед. И вновь, теперь это уже было совсем странным, поскольку я был совершенно здоров, а Станислав Семенович страшно болен, у меня появилось то же самое ощущение. Мой собеседник не ссылся на недопомогание, не досадовал, что к нему, больному, пристают с вопросами, нет, он старался войти в суть моих проблем, дать мне наиболее четкие ответы на вопросы. Думается, что это и есть настоящая интеллигентность, которая включает в себя в иных обстоятельствах мужество тоже...»

Да, академик Шварц был человеческим, как говорили в старину, и старался все делать по человечеству, то есть по-людски, по-доброму. Да, он был мягким человеком, но истинно мягким человеком могут быть только люди с твердым характером.

А вот это письмо о Шварце не журналиста, а врача из Казани Б. Ларионова.

«Я видел Станислава Семеновича только один раз. Наша беседа заняла полчаса, не больше. Я — врач, и занимаюсь экологией человека. И тогда я хотел поступить в институт Шварца. Он мне отказал и предложил подождать полгода, когда появится вакансия на лесном стационаре в Талице. Я родился в деревне Мезенка Свердловской области, и меня тянуло на Урал. И хотелось также заниматься наукой — в то время я был санитарным врачом. Так вот... Во время нашей беседы мне, врачу, было больно видеть, как опасно много Станислав Семенович курил и при этом болезненно кашлял, а во время разговора часто звонили телефоны и в кабинет то и дело свободно входили научные сотрудники, все без исключения со срочными делами. Будто это был не академик, а прораб, ведущий стройку, и к нему со всякими делами бегут мастера и бригадиры. Он сидел за столом, большой, сутуловатый, как медведь, и глядел на меня сквозь табачный дым страдающими глазами. У меня щемило за него сердце, хотя уж он-то, казалось мне, как раз из тех людей, кто не нуждался в мимолетном сочувствии. По литературе я знал его как стойкого борца с негативными последствиями научно-технической революции. Но почему у меня тогда за него щемило сердце?»

С первого взгляда на Шварца люди чувствовали — перед ними неспесивый, благожелательный, надежный человек. Всегда поможет. И с первого же взгляда люди чувствовали — это беззащитный человек. Для хитрых людей он был, например, вполне уязвим. И его хотелось защищать.

Школьный товарищ Шварца ленинградский ученый, востоковед Д. Е. Бертельс рассказывал мне:

— Я учился со Шварцем с четвертого класса. Помню всю жизнь тот свой первый урок в новой школе. Я сильно волновался. И вдруг кого-то сидящего сзади меня учитель просит прочесть стихотворение. И я услышал ровный, такой густой голос. Оглянулся и увидел мальчика с большой черной головой. И мне сразу стало почему-то спокойнее на душе. Я это чувство отчетливо помню до сих пор: мне стало спокойнее. А потом я оглядывался на этого несуетливого, солидного мальчика еще много раз. Ведь истинная сила человека не в порывах, а в нерушимом спокойствии. Видимо, эту силу я чувствовал. Мне хотелось заговорить с ним. Он был большой, но не пугающе, а трогательно большой. И мне даже хотелось защищать его — неизвестно от каких опасностей.

Да, в главном не переменялся Шварц, каким был он в школе, таким он был и в Академии наук. На давней фотографии сидит в кресле трех-четырёхлетний мирный бутуз в пушистом свитере, и верши, что это не бузотер, не капризуля, не буйный, а управляемый мальчик. Таким же он сидел и в своем директорском кресле — необходимо повелительным, негнезливим, не устрашающим каким-то, а терпимым собеседником. Как отвечал он уроки — спокойно и уверенно, — так не актерствовал, не громыхал, не царил над аудиторией, а мыслил вслух, открывал простор, и слушателям становилось празднично, в его докладах было всегда что-то освежающее, безобманно

новое. Дар слова сошелся у него с даром мысли. Он и в юношеских сочинениях уже не стыдился самых простых слов. Доклады читал неторопливо, выразительными были движения его губ, словно он хотел, чтобы его понял даже глухонемой, случись ему попасть на его лекцию. Вообще-то это была привычка — мать его, Евгения Станиславовна, плохо слышавшая, понимала речи сына по движениям губ.

Повторяю: при встречах со Шварцем у меня возникало чувство: жаль, как жаль, что я не знал его долго, всегда... Теперь же вот размышляю: ведь есть он, есть этот дьявольский закон, по которому о хорошо знакомом человеке писать много труднее. Да и вообще-то люди в принципе непознаваемы, ни самый дотошный биограф, ни друг и ни коллега не могут уловить всех тонкостей души того, о ком они решили поведать миру. Когда кто-то говорит о ком-то «Уж я-то его хо-ро-шо знаю!», он ошибается. Даже близкие люди знают друг друга приблизительно. Видимо, чтобы представить исчерпывающую личность великого Михаила Лермонтова, не худо бы создать институт по исследованию, скажем научным языком, духовных ресурсов поэта. Надо организовать институт во главе, разумеется, с Ираклием Андрониковым. А познаны ли, к примеру, престранный и глубокий ум крупнейшего нашего физиолога, создателя учения о доминанте нервных процессов, академика Алексея Алексеевича Ухтомского? Именно о нем я сейчас вспомнил потому, что Алексей Алексеевич читал лекции молодому Шварцу, и я, естественно, познакомился с жизнью этого distinguished ученого, и она теперь у меня постоянно на уме. Фантазирую: нужен институт Ухтомского, чтобы представить сложное мировоззрение Ухтомского, полагавшего, что научные и прочие книги люди пишут в надежде найти для себя собеседника хотя бы в будущем, так как в настоящем времени, среди современников дорогого сердцу собеседника, как правило, найти трудно. И, очевидно, нужно открыть институт академика Шварца, чтобы проникнуть во все тайны ума первого в стране академика-эколога...

Институт Шварца уже существует! Это Институт экологии растений и животных Уральского научного центра, созданный Шварцем. И как он сам об этом сказал в одном из писем к своему учителю профессору Павлу Викторовичу Терентьеву, «институт создан мной, скажу без ложной скромности, на пустом месте». Да, есть академики, для которых открывают институты, чтобы им было чем управлять, и есть институты, которые делают академиком. Но существует и третий путь — нормальный. Человек многотрудно организует институт и уж затем организатор изберут, возможно, и в академики. Это путь Шварца. На Урале ранее никогда не было даже и группы специалистов, чтобы можно было открыть не институт, а хотя бы лабораторию экологического профиля. А ныне институт Шварца — реальность. И в нем познают Шварца, ибо здесь развивают его идеи. Глупо пророчить в наш век, буквально врывающийся в неизведанное, долгу жизнь чьим-либо идеям. Наверное, завтра кто-то углубит сегодняшние идеи, да так решительно это сделает, что теперешнее быстро станет принадлежностью истории науки. Но имя организатора науки Шварца будет жить. Он выпестовал первый в стране институт экологии. И эта наука нынче на слуху у миллионов. Экология — теория поведения человека в природе. Экология — теория создания измененного мира. Люди уже не могут не изменять мир, только делать это надо все более разумно. «Мы, изменяясь, изменяем не только дальние края, но и листу деревьев в мае и древний голос соловья». Разумность нужна теперь всяма и всяма тонкого свойства. Надо очень внимательно, аккуратно и бережно жить на земле, чтобы соловьи в ядовитом дыму не забыли своих древних песен, а весенние листья не темнели раньше

времени. Создавая себе комфорт, мы загрязняем природу, а загрязняя природу, мы генетически рискуем, и вместе с нами генетически рискуют также и деревья и соловьи...

Вот какими были тревоги последней весны академика Шварца.

Воспитанный воспитает

Евгения Станиславовна слышала плохо, а потому ей было легче выдерживать ребячий шквал. Куке купили голубую дрезину с коленчатым валом. Он стучал в стену, и не как-нибудь, а по азбуке Морзе, и на красной дрезине тотчас приезжал к нему в гости из соседней квартиры Шурик Кан. Приятели носились по комнате на дрезинах, и, хоть колеса были с резиновыми ободами, было шумно сверх всякой меры. Но ни Евгения Станиславовна, ни бабушка Тютя не произносили усмирительных речей, не принимали карательных мер. Гонки проходили беспятственно. У Шурика была дрезина более быстроходная, с коробкой скоростей, и его было не просто догнать. Устраивались станции. На дрезину можно было брать пассажира, а поэтому продавался билет, а билет надо было напечатать, и тогда придумывался способ печатания. Игра в дрезины была неисчерпаемой!

Не все знакомые Шварцев одобряли принцип воспитания Куки: мальчика баловали. Трехлетним он поставил к буфету стул и открыл дверцы. Затем стал доставать блюдца да чашки и бросать их деловито на пол. Так он расколачивал сервиз из доброго фарфора, Евгения Станиславовна все это видела, но не мешала ему. И с удовольствием она всегда рассказывала о том, какое это было зрелище.

Что же, это семья, где был культ ребенка... Тут верили мудрости Жан Жака Руссо: не создать мудреца, если убивать в ребенке шалуна. Евгения Станиславовна была ласкова с сыном, не поддавалась ипохондрии и редко бывала раздраженной. Никогда не повышала голоса. Любила шить, вязать, а готовить — не очень. Готовила бабушка Тютя. Любимое кушанье Куки — манная каша с протертым яблоком... Поскольку в двадцатые годы на городских улицах снег не изводили, как врага пешеходов, всеми доступными средствами, то мальчишки повсюду и легко катались на коньках. Ни соль, ни песок не мешали им дуть на одном коньке. В школе его можно было снять и сунуть в портфель — и все дела.

Евгения Станиславовна видела не свое будущее, а будущее сына. Это тот случай, когда мать живет жизнью сына, считая свою собственную жизнь неудавшейся. Евгения Станиславовна при всем при этом жила не злобась, а вселяла все свое неизрасходованное вдохновение жить сыну. Сын был ее радостью, ее счастьем, ее гордостью. И он всегда страстно хотел совершить нечто высокое в жизни за двоих — за себя и за мать. У Куки, надо полагать, была предрасположенность к воспитанию, потому что обошлось без срывов становления его характера. Ведь много человека труднее ввести в культуру, чем дикое растение. И бабушка Тютя, и Евгения Станиславовна были воспитанны, а потому легче им было взлелеять разумного, с ясной, безобманной душой мальчика. Воспитанный воспитает!

Кука не был безудержно подвижен. Брат отца, дядя Наум, часто бывал у них. Кука забирался к нему на колени, просил почитать Киплинга или Брема. Дядя Наум подарил племяннику все книги Брема. Бабушка Тютя читала Куке о Мурзилке, Евгения Станиславовна пересказывала сыну немые фильмы. Делалось это великолепно. Она запоминала массу подробностей, и Куке казалось,

что его мама сама там была, в этом фильме. Кука слушал — и видел ослепительно яркие фильмы.

В одной квартире жили две семьи. Сестры, Евгения Станиславовна, Маргарита Станиславовна (и ее муж, и трое детей), занимали две комнаты. У Куки был двоюродный брат — Жоржик. Он говорил Куке: «Ты понимаешь, что я тебя в два раза старше? Мне уже четырнадцать, а тебе только семь. Тебе еще надо столько же прожить, сколько ты прожил, чтобы стало четырнадцать. Понял?» Кука кивал головой, мол, понял, но опять предлагал: «Давай поборемся!» Они возились на ковре, и хоть Жоржик был старше, силы их были почти равными. Кука рос добродушным и могучим.

Детство — сон, его весь от начала и до конца никому не удается запомнить, а живут в памяти только мгновения...

Вот Кука в Токсово — на даче под Ленинградом. Июльский день. Ударил по крыше крупные капли дождя. Кука поспешил занести на веранду банку с жужелицами. И вдруг услышал голос Шурика: «Слушай! Там у озера — гро-мадная жабища!» И босоногие мальчишки бегут к озеру. Вслед за ними припустил дождь, недолгий, веселый. Он всех, кого хотел догнать, догнал, он всех, кого хотел испугать, испугал и мигом прекратился. Жабу ребята нашли быстро, она, действительно, была крупной, с хороший мужской кулак. Кука сразу же сцапал ее. Собрались любопытные. Посыпались реплики: «Какая противная!», «Наверное, ядовитая!», «Мальчик, у тебя от нее бородавки будут». Любопытные опасно разошлись. А Кука прижимал к себе жабу, думая, что все видят, как она прекрасна, и кто-нибудь отберет ее у него...

Токсово было местностью, чарующей ленинградцев. Поэтому здесь трудно было снять дачу. Дачные дома стояли на холмах, покрытых лесом, у подножия холмов сверкали озера, соединенные тихими речками и травянистыми протоками. Это было рыбье царство. И Кука с другим своим приятелем, Кирюшей, удачно ловили карасей. И однажды им явилась идея пересадить рыб из пруда в озеро, а из озера в пруд. У Куки на веранде жили в банках пиявки, жуки, головастики. Здесь он также препарировал лягушек. По утрам лягушки выпрыгивали из ящиков и скакали по полу веранды, и тетя Куки Маргарита Станиславовна не могла выйти из дома, страшая маленьких прыгающих чудищ.

Теперь у Куки все было, как у настоящего ученого. Лаборатория на веранде и полевая работа — пересадка рыб. Кука с Кирюшей выпустили окуней из озера в пруд. Через несколько дней те всплыли кверху брюхом. Тогда босоногие натуралисты принесли карасей в корзине на берег озера и выпустили их в воду. И через много дней мальчишки все еще находили в озере живых карасей. Вывод из этого экологического опыта: окуни в пруду погибают, а караси в озере могут жить.

Десятилетние экологи в то благословенное лето были, по-видимому, самыми занятыми людьми на лесистых холмах Токсово и, быть может, самыми счастливыми, если считать за верный признак счастья безоглядность, а они так и жили — безоглядно, по-мальчишески.

У Шурика Кана был в гостях приятель Костя с улицы Введенского и они долго колотили боксерскую грушу, попеременно надевая перчатки. Зашел Кука, посмотрел спокойно на мечущихся приятелей, с некоторым даже сожалением посмотрел, что вот, дескать, вкладывают дорогое время жизни в боксерскую грушу, и ушел. В похожих случаях Кука мог даже и сказать, что, мол, праздный человек есть животное, поедающее время, но тут ничего такого не сказал. Шурик с приятелем после тренировки пошли прокатиться на велосипедах и забежали на минутку к Куке — он приглашал. И Кука стал им рассказывать о своих подопечных — хомячках, белых мы-

шах, о законах наследования морфологических признаков. Шурик-то пообвык, а его приятель плохо слушал объяснения Куки, томился, мышинный запах был ему неприятен. Но из вежливости Костя спросил: «А почему у одних мышей глаза желтые, а у других красные?» Кука понял, что его мыши этому мальчику нисколько не интересны, и без промедления сострил: «Потому что этих я кормлю красной морковью, а этих — желтой».

Основательность его знаний чувствовалась. Сверстников охватывала шахматная лихорадка, и они играли в шахматы всегда и всюду, а то до глубокой ночи собирали радиоприемники и настраивали их на далекие радиостанции, то увлекались велогонками, и Кука увлекался, но ничто не могло поколебать его главное увлечение — животными, природой.

Там, где Крюков канал

Школа Куки — особая, с давней славой, наследница традиций Петершуле, школы, основанной два с лишним века назад. Она стоит на Крюковом канале, воспитом студентами не одного поколения, и класс Куки пел эту песню, Пальчик аккомпанировал при этом на рояле.

Там, где Крюков канал со Фонтанкою-рекой,
Как родной брат с сестрой, обнимаются,
Там студенты гурьбой собираются!
Через тумбу — раз,
Через тумбу, тумбу — два,
Спотыкаются!

Школа Куки находится недалеко от оперного театра, где был ближайший телефон-автомат. К нему школьники бегали звонить. Однажды учитель математики Дик попросил отличников помочь ему разобраться завая весенних контрольных работ. И лучшие ученики посиживали себе и слегка скучали, проверяя решение задачек, пока чью-то голову не посетила озорная идея.

Значит так: надо бежать к оперному и позвонить оттуда в школу. Кому? Неужели не ясно? Дику! Надо позвать к телефону Дика и минут десять хорошенько поморочить ему голову. Так все и сотворили. Вот Дика уже зовут, и он уходит на первый этаж к телефону, и его нет и нет, и отличники лихорадочно исправляют ошибки одноклассников, чтобы все в классе получили хорошие оценки. Возвращается Дик, а дело уже сделано, и надо только не выдать себя улыбками.

Крюков канал проходит под окнами школы, и бывало, по веснам, когда звенят и рассыпаются последние дни учебного года, бросали в канал синие тетрадки, и вода их медленно уносила, и, возможно, в море...

Эта школа была единственная в городе с немецким отделением. Сейчас есть везде школы с углубленным изучением иностранного языка, чаще — английского. Школа Куки была иного характера. В нее ходили дети, говорившие на немецком языке с малых лет. Не обязательно, чтобы ребенок был немцем, он мог быть любой национальности, но знание немецкого языка как родного — это было обязательным. А иностранным языком тут был английский. А кое-кто из ребят изучал еще и французский, по своей воле, с помощью репетитора. Кука уже в школе владел тремя языками — немецким, английским, французским.

Кто были учителями этой школы, наследницы знаменитой Петершуле?

Арташес Сергеевич Лалаянц, человек с французско-армянской кровью, был «дважды образован» — актерски и литературно. Вел в школе драматический кружок. Ставил комедии Скриба. Написал учебник по русской грамма-

тике. Его уроки по русскому языку и литературе были лишены академизма, скорее их можно было бы назвать парадом стихов, потому что учитель был и сам непризнанным поэтом. Лалаянец был несчастлив в личной жизни, одевался кое-как, носил длинный шарф, пользуясь им как носовым платком и тряпкой для стирания мела с классной доски.

Спектакли ставились часто. Кука в «Дон Жуане» играл Дон Жуана и всю жизнь со смехом вспоминал, как он с немилосердной театральностью вскидывал голову, изображая испанскую горделивость. И произносил: «Самая большая леда не стоит андалузской крестьянки!» Невыносимо смешно было, когда огромный Пальчик играл Татьяну в «Евгении Онегине».

Пение вела Мария Кудашева. На уроках она рассказывала о жизни композиторов и проигрывала кусочки из симфоний. Это был урок живой музыки, какие происходят теперь на телевидении, а Мария Кудашева почувствовала жизненность такой методы преподавания музыки давным-давно...

Елена Ефремовна Шавель была женщиной привлекательной внешности, и десятиклассники смущались учительницы английского языка. И был случай. Кука, Жоржик Паль и Сергей Ковалев во время уроков укатили на Елагин остров купаться. Все шло нормально. Уже выкупались и лежали на песке, грелись. Был май, а не лето, и не так-то еще и тепло, а потому женщин на пляже не было, и мальчики купались голыми.

И вдруг опешили: в опасной близости от мальчишек, под ручку с каким-то мужчиной, в своей немыслимой бежевой кофточке в сиреневых цветах шла мисс Элен, да, это была Елена Ефремовна, симпатичная англичанка! Мальчишки ткнулись лицами в песок.

На следующий день мисс Элен вызывала пляжников по одному и насмешливо интересовалась, теплой ли была вчера вода в районе Елагина острова. Беспомощнее всех был Пальчик, то есть Жоржик Паль. Самый крупный мальчик класса и самый застенчивый. Ему было труднее всех переносить насмешливые коричневых глаз мисс Элен, и класс покатывался со смеху.

Десятиклассник Шварц мечтал изучать природу — не в музеях, а в экспедициях. Судьба первого русского эколога Рудье, книга которого испугала духовные власти, ибо она, предрезкая, объясняла, что возникли животные и растения последовательно, а не сотворены богом, судьба смелого натуралиста волновала Куку. Судьба зачинщика смелых мыслей о природе воодушевляла молодого Шварца, и он убеждал одноклассников в том, что необходимо изучать, как развиваются, меняются растения и животные не в зоопарке, а в лесах и степях. Разве поймешь, как поет глухарь, если ты в жизни видел только чучело этой древней птицы?

Однажды в классе он рассказывал о лекции, посвященной хищникам, которую слышал в Зоологическом институте. Профессор спросил юных слушателей: «А какой длины усы у тигра, скажите-ка мне, мои дорогие?» Лишь Кука ответил на этот вопрос, более никто. «Длина усов тигра,— рассуждал школьник Шварц,— должна быть равна ширине его туловища. Почему? Чтобы зверь мог измерять усам, например, проход в пещеру, куда он собирается войти. Зачем измерять? А если он попадет в слишком узкий лаз, то не сможет в нем развернуться и погибнет...»

— Да у вас, милый мой, биологическое чутье! — воскликнул профессор.

В школе задумали и выпустили, правда, всего один номер, рукописный журнал. Кука в нем опубликовал статью о летней поездке в заповедник Аскания-Нова. Среди четвероногих знаменитостей там жили тогда зубробизоны и яки, лошади Пржевальского и ламы, канны и зебу. В парке расхаживали южноамериканские страу-

сы нанду и паслись величавые страусы из Африки. На маленьких озерах плавали белые и черные лебеди. Кричали павлины, будто это мяукали кошки. В вольтере, как им начертано на роду, шумели волнистые поугайчики. Но в статье Куки не только описывались обитатели заповедника, автор давал анализ проблемы акклиматизации диких животных. Отец одноклассницы, Лены Щедровицкой, врач с биологическим уклоном, профессор, прочитал эту работу и подивился целеустремленности школьника, определенности его увлечения.

Да, где-то уже в седьмом классе школьные друзья Куки прочли его в ученые. Он часто пропадал в школьном зооуголке и, случалось, лягушек притаскивал прямо в класс и даже препарировал их здесь, возмущая чувствительных девчонок. Учительницей зоологии была Мария Карловна, обаятельная умница, стремившаяся разнообразить уроки, пытаясь учить через развлечение. Ее урокам не хватало глубины, но они воспитывали доброе отношение к животным. Кука был не преуспевающим школьником, а начинающим ученым.

Почему попугаи ярко окрашены?

В какой час или день впервые заметно проявилось призвание у маленького Куки? Никто этого не знает, не знаю и я.

Однако вот «говорящая частичка» Кукиного детства. Ее сохранил Вадим Евгеньевич Гарутт. Как-то шли Вадим да Кука, два юных, весенних человека, из зоосада. Был май, потеплело всерьез, и шли без пальто, и небо раскрылось, и, кажется, сердце быстро росло в эти весенние дни и распирало грудь. Говорили весело и беспамятно, как шумит молодая листва, потому что новые мысли пузырились, и языки едва успевали выговорить бурлящее в душе. Обычно они вместе шли до колонн, за которыми была дверь в Кукин подъезд, и тут прощались, и Вадим шагал дальше по улице Куйбышева, в самый ее конец, где был его дом. И в тот час они, как всегда, попрощались, и Вадим уже перешел улицу, как вдруг его остановил Кука, он кричал: «Забыл тебе сказать, что я прочитал непонятную вещь: почему птицы ярко окрашены, а яркие цвета не видят?» И Кука замолчал и ждал ответа, но Вадим пожал плечами и увидел, что и Кука тоже пожал плечами, и они разошлись. В будущем Кука, конечно, нашел ответ на этот вопрос, а Вадим, видимо, забыл об этом зоологическом парадоксе, потому что экологом не был.

И что тут еще характерного в этом крошечном эпизоде детства — Куку зажигали книги. Тот же Вадим Гарутт сначала измеряет зуб слона, а уж потом позволяет себе судить, к какому виду этот слон может относиться. Он и сам никогда не считал, что уж очень знает научную литературу, хотя признает, что это задерживает осмысление фактов. Однако он все же с большей радостью будет препарировать, склеивать обломки древних костей, чем вести, как нынче говорится, информационный поиск в библиотеке, то есть искать нужные статьи. Кука же профильтровал массу книг, словно кит планктон, впитал нужное и превосходно чувствовал себя как теоретик биологии. «Однажды я видел по телевизору,— говорит В. Е. Гарутт,— удивительное зрелище: лазерный луч нацелили на обыкновенный булыжник, и он так раскалился, что стал светиться, будто кусочек солнца отломился и упал на землю... Что-то в этом же духе делал и Кука. Когда его мысль сосредоточивалась даже на скучных фактах, они тоже начинали светиться и привлекать к себе всеобщее внимание...»

Учитель Шварца Павел Викторович Терентьев во всем

находил систему и логику, возможно, поэтому он вспомнил, помнил и рассказывал своему ученику один эпизод своего детства, объясняющий, отчего он не мог не стать биологом. Мать Терентьева, выпускница Бестужевских курсов, а позже доцент Ленинградского университета, была астрономом, то есть человеком точной мысли, и, разумеется, это не могло не сказаться на воспитании ума сына. Отец Терентьева тоже был ученым, археологом, что также помогало развитию умственных способностей сына. И сын стал исследователем. Но интересно, как он стал именно биометриком. С двенадцати лет Павлик Терентьев уже верил: только математическая биология способна уточнить взгляды на явления живой природы, только она даст новые истины о животных. Еще гимназистом он посещал занятия кружка любителей естественных и математических наук, впервые сделав научный доклад о лягушках. И то, что двенадцатилетний Павлик держал в сарае лягушек и самозабвенно возился с ними, как иной мальчик весь день проводит на голубятне, было не столь удивительно, поразительным было то, что ему из наблюдений явилась мысль о неодинаковости длины прыжков лягушки. Почему существуют вариации длины прыжков? Зачем лягушка то несколько раз прыгнет коротко, то несколько раз прыгнет длинно? Сколько прыжков в одной серии, сколько в другой? Не правда ли, необычные вопросы роились в голове мальчика? Вот этот-то круг небальных мыслей говорил об особом настрое ума Павлика Терентьева. И это не было его мимолетным увлечением, это было с годами не слабеющее, а крепнущее, не гаснущее, а разгорающееся призвание. Огонь этой идеи, идеи биометрии, жиз и ныне, ученики Терентьева собирают всесоюзные биометрические конференции, расширяя круг биометриков...

Вспоминая по случаю еще одну судьбу, как в ней проклюнулось призвание. Однокурсник Шварца. Самуил Александров, ныне профессор, тоже стал биологом не потому, что получил соответственное образование. Рано мальчика Самуила влекла тайна: есть ли сходство в устройстве человека и животного? И мальчик на даче резал лягушек. А знает ли муравей, куда бежит? Чтобы выяснить это, мальчик ловит мурашиков, запикивает их в спичечный коробок и уносит его далеко от муравейника. А потом выпускает безмолвных насекомых и ползет за ними на коленях чуть ли не весь день, напевая под нос песенки, не замечая вокруг ничего, и люди увидели странного мальчика, который и час, и два ползет по лугу на коленях и смотрит в траву, и головы не поднимает на зов, так уж не сошел ли он с ума, или, возможно, болен, или ранен, потому что, похоже, стонет, а не поет? Так казалось людям, а чудесный мальчик Самуил мурлыкал песенку и продолжал безоглядно ползти на коленях, и ему было радостно следовать за таинственными муравьями. И пришел на луг встревоженный людьми дядя мальчика Самуила, и увидел в траве не сумасшедшего, а самого настоящего натуралиста, и засмеялся.

Многознание естественно для молодости, но уже школьником Кука самоограничивался. Его влекла зоология. Движущей силой судьбы Шварца был его ум, как, впрочем, и всякого талантливого человека, который не может усилием воли прекратить свою талантливость, явись ему такое желание, который не может не жить по законам призвания. Ему не нужно было с помощью матери искать для себя труд в жизни. Труд явился как озарение. Шварц учился в одной из лучших школ Ленинграда, в самом сильном классе этой школы, и был всегда одним из самых сильных учеников своего класса. У него была с молодости глубокая вера в себя, не горячая, не колеблющаяся, а спокойная вера. Разумеется, и он озорничал, глумил, никто не может каждую минуту быть разумным. Однако он имел талант и хорошо его в жизни применил. Об этом рассказывает тридцатилетие, прожи-

тое им на Урале. Ранние привычки — это прочное воспитание. Его мать не вела с сыном изумительных бесед воспитательного характера, она не резонерствовала, она трудилась. И он не научился лентяйничать. Работай, а остальное все приложится. И он жил в согласии с этим девизом.

ЗИН и зиновцы

Осенью 1934 года при Зоологическом институте Академии наук организовали новый кружок юных зоологов. Туда и перешел Кука. В кружке он оказался в необычной атмосфере, среди знаменитых людей. Виднейшие ученые — Аркадий Яковлевич Тугаринов, Борис Карлович Штегман, которого высоко ценил тогдашний президент Академии наук В. Л. Комаров, здоровались с мальчиками за руку. На дверях кабинетов видных зоологов были старые визитные карточки с дворянскими гербами. Имя, например, энтомолога А. П. Семенова-Тян-Шанского было напечатано на трех языках. А фамилии новых людей в храме отечественной зоологии были начертаны на плохой бумаге обыкновенной тушью. Кто-то спросил Куку, где он живет, и, получив ответ, сказал: «Да, молодой человек, в вашем доме некогда жил известнейший энтомолог и путешественник Григорий Ефимович Грум-Гржимайло, имевший отличных лошадей, к слову сказать, и ездивший по столице в своей карете... А вы станете являться у нас на трамвае?..»

Здесь Куку учили рисовать животных и собирать коллекции, а также препарировать. Зоологи знакомили юннатов с методикой полевых исследований, чтобы мальчики были полезны в будущих экспедициях. Кука входил в старшую группу, ей разрешалось присутствовать на заседаниях ученого совета. Большое впечатление было от доклада московского профессора Александра Николаевича Формозова, изучавшего тогда леса Горьковской области. Один из основоположников современных направлений экологии разложил тогда перед своим докладом рисунки животных, сделанные цветными карандашами. Куку стукали по спине, чтобы он передавал рисунки дальше по рядам, но ему не хотелось с ними расставаться. Формозов прекрасно иллюстрировал свои книги, это был прирожденный популяризатор биологии, его «Спутник следопыта» станет другом для людей, любящих природу. Человек мягкий в будничном общении, в отношениях с учениками, с молодежью, он в трудный для биологической науки период явил стойкость, отводя посягательства на дарвинизм.

Кука нашел в кружке новых друзей. Был парнем что надо Сережа Мартынов! Еще недавно он из-за туберкулеза вынужден был оставить школу, но спартанский образ жизни и спорт вылечили его. Отец его, учитель гимназии, умер рано, мать Сережи, гардеробщица, воспитывала двоих детей — у мальчика была еще сестра. Выздоровев, Сергей пошел в портовые грузчики, а учиться продолжал на рабфаке. И вот однажды в кружок юннатив Зоологического института пришел портовый грузчик Сергей Мартынов и скоро стал любимцем и ребят, и зоологов. Его жажда знаний была невероятной. Он изучал даже древнегреческий язык и своим живым интересом растворял все самое сухое. В экспедиции с юннатами в Саблону, на Лахту или Мгу он ездил, отработав грузчиком две смены подряд. Сергея оценили, взяли в ЗИН лаборантом, ну а затем Мартынов становится студентом Ленинградского университета и учится одновременно с Кукой. Они дружили. Сергей принял участие в конкурсе студенческих работ и получил первую премию за статью «Потепление Арктики». В рецензии профессор Е. Ф. Гурьянова писала, что никогда бы не поверила, что студент

ологических и гистологических методов при решении экологических проблем. Все это показывает, что тот научный настрой, который мы, студенты, много десятилетий назад получили на кафедре, работает и сегодня.

Кашкаров учил нас не быть «травоядными» (это его выражение), а быть страстными в науке. Я очень хорошо помню, как, возвратившись после одного из заседаний, Даниил Николаевич подвел его итог следующими словами: «Никто меня не убедит, что трагедию Ромео и Джульетты можно свести к простым рефлексам». На всю жизнь у меня останутся в памяти и другие слова Даниила Николаевича: «Охота — вещь хорошая, но никогда не забывайте, что вы убиваете живое существо, что косяля плачет слезами, погибая на ваших глазах»...

Я считаю особенно важным, что и Кашкаров, и другие его ближайшие помощники обращали особое внимание на общую образованность своих учеников. Я помню, в какой ужас пришел мой учитель Н. В. Терентьев, узнав, что я имею самое смутное представление о том, почему французским революционером было важно взять Бастилию. Лекция по этому поводу продолжалась больше двух часов. Ни Кашкаров, ни Терентьев никогда не считались с тем, знает ли их ученик иностранный язык или нет. У меня до сих пор хранится оттиск итальянской работы, которую Кашкаров велел мне прочитать. Педагогический афоризм Терентьева сводился к следующему: «Голубчик, в библиотеке есть книги, а у вас голова на плечах, а если головы нет, то, пардон, я вам не слуга».

Кафедра Кашкарова пользовалась успехом, хотя слава у соседей — Догеля и Ухтомского — была, пожалуй, более шумной. Даниил Николаевич читал лекции ровно и не умел скрыть, когда ему самому было скучновато говорить долго, например, о земноводных, а программа того требовала. Он все аккуратно рассчитывал и, как курьерский поезд, не торопился и не опаздывал, а приходил точно по расписанию к концу курса лекций. Догель же, взрывной и повелительный Догель, как правило, не успевал прочитать, увлекался и увлекал, размышлял и побуждал студентов тут же, в аудитории, соразмышлять с собой. Ухтомский, с большой бородой человечие, обликом народный, прочный, читал общую физиологию, а на самом деле это была глубокая философия природы и своеобразные размышления о единстве всего сущего: и пытливые студенты с первого часа распознавали оригинальность этих лекций, и так оно и было, потому что послушать Ухтомского приходил даже старинный университетский люд, седоголовый, со степенями и знаниями. И появлялся на кафедре простецки одетый, в рубашке, Алексей Алексеевич и по-крестьянски неторопливо знакомил аудиторию со своими думами о таинствах живого...

В кабинет Ухтомского можно было зайти когда угодно. И поговорить о затруднениях — материальных или философских. В любом случае он помогал. Однажды, это было перед войной, неожиданно осенью, перед самым началом лекций объявили, что за обучение в университете надо платить. Парни, что победнее, растерялись. Уходить из ЛГУ? Ринулись к Ухтомскому. Он всем дал деньги взаймы. И никогда не напоминал о сроках возвращения долга.

Шварц вспоминал не только корифеев. Он вспоминал преподавателей того времени, например, Юлию Тихоновну Козыренко, заместителя декана. Это была женщина времени военного коммунизма, прямая в суждениях, предельно честная, во всем всегда и без остатка советский человек. Она вела семинары по истории партии. Это были беседы о жизни, а не только анализ минувшего. Юлия Тихоновна носила короткую стрижку, на ней был пиджак и длинная юбка. Старомодная, тем не менее именно она быстро оценивала полезность той или иной новизны в обучении студентов и была за то, чтобы создать «английскую группу», в которую вошел Станислав

Шварц. Это означало, что ребята из этой группы хотели сдать экзамены по немецкому языку за весь университетский курс, чтобы им разрешили приняться за второй иностранный язык. И эта группа была одна из самых сильных. Шварц читал «Логику» Гегеля на немецком языке, в нем со школы было сильно стремление читать все в подлиннике, а не в переводе. Изучали, например, по программе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, узнавали из этой острополюемической книги о Махе, о его философских взглядах. Хотелось подробнее почитать работы этого великого путаника Маха, и ребята находили их и читали. Жажда мыслить самостоятельно! Они спорили: можно ли биологу быть философски глухим или нельзя, Шварц был из тех, кто считал — нельзя.

Уже тогда Шварца интересовала не безличная экология, а физиологический подход к решению проблем экологии. Возможно, ему передалось настроение Шелфорда, который проповедовал взгляд на экологию как на физиологию, перенесенную в поле. Возможно также, что лекции Алексея Алексеевича Ухтомского по общей физиологии тоже подвинули студента Шварца к полевой физиологии. Так или иначе, но идея познания микроэволюции с помощью метода морфо-физиологических индикаторов начала зреть у него еще в студенческие годы. Ныне это один из признанных методов изучения живой природы.

«Будни его не усыпили...»

До чего же тесно на кафедре! К письменному столу Льва Исааковича Хозацкого возможно только «однорядное» движение. Вот почему хозяин кабинета появился в проходе, пригласил проходить и куда-то исчез. Иду на его голос. И вижу: за шкафом сидит остролицый, белоголовый человек в морском кителе. Поднявшись, он протягивает через стол худую руку и приветствует крепким голосом.

Не представляю, как бы тут передвигался большой Шварц, останься он на кафедре после защиты кандидатской диссертации, как бы он дышал здесь в густой атмосфере формалина, наверное, не мог бы — легкие у него были слабые...

Лев Исаакович приглашает сесть, и я вставляю себя между столом и стеной на стул. Тесно, как в самолете. Справа, на подоконнике, в аквариумном ящичке копошится ящерица, и лампочка освещает ее скучное жилище, где песок да обломок дерева, да жестянка с кормом...

Я не мешаю Льву Исааковичу вопросами, и он рассказывает:

— Как получился Станислав Семенович Шварц? Он стал экологом под влиянием книг и Даниила Николаевича Кашкарова, развил предварительно свои общебиологические знания. Среда и жизнь... Чтобы понимать взаимодействие косной и живой природы, нужна хорошая общебиологическая ориентировка. Он ее имел смолodu. Широко мыслят немногие. Шварц был биологом широкого профиля опять-таки смолodu. Он не философствовал, а когда это было необходимо, проявлял себя философом. Не каждый так мыслит. Он стремился, став зрелым ученым, найти равнодействующую интеллектуальных сил биологии. Эволюционная экология животных — такую книгу никто не мог написать, кроме него. Так получился Шварц. Не каждый, разумеется, идет на обобщение фактов. Он всегда шел. Не каждый каменьот может стать архитектором. У него получалось и то, и другое.

Первыми в мире зоологами, очевидно, были охотники,

и последними охотниками, вероятно, будут зоологи. Потому что, как говорил великий поэт Гете и почти великий натуралист Гете, чтобы узнать, как устроено животное, его неизбежно надо убить. И современные зоологи убивают зверей и птиц, но все чаще на научных конференциях териологов возникают острые дискуссии. А не изучаемся ли мы до того, что многие животные исчезнут, погибая от ружей и капканов научных сотрудников, говорят ветераны зоологии, которым, впрочем, уже не надо для выполнения диссертации заниматься охотой в научных целях... Приструнить надо браконьеров, зачем же упрекать биологов, если они истребляют маленький процент животных и то исключительно на благо человечества!

Мать Шварца, Евгения Станиславовна, купила ружье сыну, когда он был еще только девятиклассником. И Кука с друзьями не часто, но ездил на охоту, впрочем уже тогда охотясь с научными целями, а не для того, чтобы азартно набить дичью сумку. Ребята шутили, что наступят времена, когда безнаказанно из всего живого можно будет убить только микроба.

Да, наверно, одно из главных достижений Шварца в науке — создание метода морфо-физиологических индикаторов. На этот метод была даже мода у нас и за рубежом. Не он его придумал, но он лучше всех показал, что, поймав животное и отпрепарировав его, можно увидеть динамику его существования. И более того, этот метод впервые позволил узнать, в каком состоянии популяция, не только отдельное животное. А до сих пор в животное заглядывали только для того, чтобы установить, кто есть кто в природе.

Популяции не миф, они существуют, доказали генетики. И метод морфо-физиологических индикаторов подтвердил это. Полевая экология воспрянула в буквальном смысле, узнав о шварцевском методе изучения животных не в лаборатории, а в природе. Кое-где даже началось избиение животных, их начали неумеренно ловить и потрошить... Однако это не опорочило сам метод.

Ругаются иные люди, что Шварц напрасно тратил талант на философию, на теорию. Мол, в основе он не был книжным мыслителем, а был экспериментатором в экологии, главой целой дружины экспериментаторов. Нет, он не мог стать кем-то другим и перестать широко мыслить, не мог пожертвовать своей индивидуальностью. Его деяние в науке заключается в том, что магия пусть и распрекрасной будничности не усыпила его беспокойный, роющий факты, теоретический ум...

Далеко залетал мыслью

О том, кто жил и умер в девятнадцатом веке, и хвала, и хула сказаны и отделены друг от друга с математической определенностью. О том, кто еще недавно жал руку при встрече, его сверстники, его коллеги говорят чаще так: захвалить, лучше всего захвалить, критиковать неудобно научные взгляды недавно ушедшего человека...

Профессор Георгий Александрович Насонов, ныне покойный (фамилию я изменил), был прирожденным полемистом. Среднего роста, подтянут, как студент, быстрый, нервный, он часто, словно укальывая, произносил это коротенькое: «Ну-с! Ну-с!» И не смотрел на собеседника, взгляд устремлен в себя, и говорил, будто надиктовывал — преподавательская привычка. Глядя мимо, он тем не менее видел собеседника и слышал, и сразу подхватывал его мысль. Очень откровенным был профессор Насонов. Вот тут же, в комнате, при разговоре присутствует другой преподаватель кафедры зоологии позво-

ночных и пытается в один из моментов разговора уточнить, когда что в университете происходило, и профессор Насонов немедленно лепит: «Это было тогда, когда меня вынесли с кафедры вперед ногами за менделизм-морганизм, а вас тогда, кажется, и приняли на работу!» Счастливчик, получивший место на кафедре в смутное время биологии, сконфузился, а профессор как ни в чем не бывало продолжал воспоминания. Насонов был боевит и скор на острое слово, а уж немолод, под семьдесят...

— О, да,— говорил Георгий Александрович,— Шварц рано стал теоретиком. Во время экспедиций в Богдо он вставал поздно, когда все уже в поле, и ходил немного по лесу,— и хлоп, готово дело, какая-нибудь концепция уже готова! Какой еще ни у кого не было. Ему всегда нестерпимо хотелось выдавать новые теории.

А позже, уж после войны, он приехал в ЛГУ из Свердловска и делал тут доклад. Тема его была такая: как зависит физиологическое состояние от изменений высоты. И делает вывод: чем выше живет животное, тем насыщеннее кислородом его кровь. Все эти эксперименты он проводил на невысокой уральской горке. Ну-с! Так вот, я его спрашиваю: «Какой главный закон природы?» И сам отвечаю: «Изменчивость всего сущего». А у тебя на графиках уж очень все спокойно, железно, нет никакого разброса точек, все они покорно ложатся в одну линию... Другими словами, я говорил ему тогда, что пусть и существует такая закономерность (чем выше живет животное, тем насыщеннее его кровь кислородом), но проявляется она уж очень выпукло, без отклонений, без колебаний, не чувствуется во всех твоих графиках изменчивости явлений жизни... Ну-с! Вот был такой разговор...

Ну-с! Что еще вспомнить... Да! Конечно, он правильно сделал, что в сорок шестом году уехал из Ленинграда на Урал, потому что здесь уже все экологические ниши были заняты, и ему было бы трудно самовыразиться, а там он вырос — на уральском просторе. Вот уж и молодец был, никакой иерархии не поддерживал и, когда мы встречались, ни в малейшей мере не давал почувствовать, что, мол, он академик, а я всего-то профессор.

Он прекрасно представлял нашу экологию за рубежом. Притягивал людей добротой, знал иностранные языки, умел шутить, хорошо делал доклады — все это ему помогало там, на международной арене. И в академических кругах, которые никогда не могли проиграть самые пламенные речи биологов, он сильно укрепил авторитет экологии и еще задолго до нынешнего экологического бума развивал экологические исследования. Его смерть — большая потеря для всей экологической науки. Задумай сейчас кто-либо открыть второй институт экологического профиля, кроме свердловского, это совершить было бы трудно. Почему? Извольте, ну-с, тут все очень просто: нет кадров! Экология развивается, а экологов все еще мало...

Ну-с, о качествах характера говорить, то сказал бы, что у него было честолюбие. Однажды Шварц, еще профессор Шварц, собирает ведущих экологов страны у себя в Свердловске. Собралось десятка полтора профессоров. Приехало начальство из Академии — академик Никольский... Шварц устроил парад-алле учеников, они один за другим прочитали доклады, прошли перед начальством чредою. Жду, когда ж начнем обсуждать проблемы современной экологии, а, ничего такого не состоялось, а была демонстрация шварцевской лаборатории. Мол, глядите, вот он росток экологической науки в стране, помогите ему... Выплывание — дело рук выплывающих, известно, и, представьте, так появился институт экологии, а Станислав Семенович стал членом-корреспондентом, а затем и академиком...

Я всегда был в споре со Шварцем... У него, к примеру, когда он делал работу в заповеднике «Лес на Ворксле», зяблики делились на столь четкие популяции, что я

не мог не протестовать, и протестовал, и критиковал. Что же, они, зяблики, одни — узники леса, а другие — пленники поля? Что же, одни прикованы к деревьям, а другие боются леса? Нет, конечно, ну-с, а что есть в природе? А в природе в самом-то деле отчаянная мешанина. Отчего это у него было? От жажды теоретической ясности.

Наука — это работать

Жизнь, достойная стихов и диссертаций, таилась в этих прокаленных солнцем песках, на этих лессовых буграх, негусто покрытых гребенчуком, джиддой и верблюжьей колючкой. Здесь, на берегах быстрой и мутной реки с воробьиным названием Чирчик, летом 1939 года двадцатилетний Станислав Шварц охотился за сизоворонками, склеивающими с земли саранчовых и жуков. Шварц наблюдал, как невысоко и небыстро летят птицы, затем пикируют, схватывают насекомых и тотчас продолжают свой внимательный охотничий полет над лозками, высохшими пустынными растениями, скучными, как старые театральные декорации. Глядя на деловито ныряющих в траву птиц, Станислав невольно вспоминал снежно-белых невских чаек, и жара словно бы спадала на одно мгновение... И думалось о Данииле Николаевиче Кашкарове, судьба которого соединяла город туманов Ленинград и знойный Узбекистан, где профессор в Ташкентском университете, быть может, первым в нашей стране начал читать курс экологии, во всяком случае произошло это до того, как другой старейшина отечественной биологии Иван Дмитриевич Стрельников стал преподавать экологию в Географическом институте. Жизни этих людей пересекались. И Кашкаров, и Стрельников бывали в Америке, общались с американскими экологами и одновременно впитали одни и те же новые идеи. В молодости, еще студентом, а было это еще до первой мировой войны, Стрельников с приятелями отважился уехать в скороспелую экспедицию в самую дьявольскую середку Южной Америки, где жизнь так густа, кипуча и многолика, что для северного человека просто опасна. И русские студенты рисковали жизнью, однако упрямо шли в джунгли к полудиким индейцам, к ягуарам, к анакондам, к аллигаторам, к свирепым насекомым, мучающим путешественников. О, это необычайное странствие русских студентов достойно приключенческой повести, легенда о нем от поколения к поколению передается, яркая искорка истории отечественной науки не гаснет... И Кашкаров, как и Стрельников, отправился в экзотический край, в Среднюю Азию, и тут вырос, окреп его экологический взгляд на живую природу, и с ним он приехал в Ленинград и создал первую в стране экологическую кафедру. И Кашкаров, и Стрельников написали научные книги, Даниил Николаевич к тому же написал учебник по экологии, ставший знаменитым. Кашкаров, как мы помним, и взял Шварца в ученики, и увлек на лето в Среднюю Азию, на берега проворной реки с воробьиным названием — Чирчик...

Станислав наблюдал охоту сизоворонок, и ему вспоминалось прочитанное, кажется, у Хамлинга, наблюдавшего вот также этих птиц, но утверждавшего, что иногда они берут добычу, как ласточки, даже в воздухе. Шварц подобного не видел, ну, да еще рановато подводить итоги наблюдениям, всего-то еще третьекурсник... Сизоворонки, говоря строго ненаучным языком, — глазастые птицы, и насекомых засекают с высоты, с полета. Вот насекомые и обрели в ходе тысячелетий защитную, криптическую окраску. Эволюция потребовала от них цветомаскировки.

Чаще всего в желудках птиц попадают саранчовые

и жуки. Почему? Может, потому, что просто в охотничьих угодьях сизоворонок этой мелкой добычи очень много? Вот акрида туррита... Тело у нее длинное, усики короткие. В траве она похожа на травинку. Окраска ее совершенна. Есть зеленые, есть буро-зеленые насекомые. То есть окраска идеально параллельная цвету, допустим, верблюжьей колючки. На голой земле акрида бывает редко, а чаще ползает по отломанным веточкам, разбросанным ветром. Тут-то ее и замечают сизоворонки.

Зачем нужно изучать покровительственную окраску насекомых? Этой тайной природы интересовались еще великомудрые натурфилософы. Видные зоологи прошлого века сделали учение о криптизме хорошим доказательством безошибочности дарвиновской теории. Однако находились антидарвинисты, утверждавшие, что, мол, прямых доказательств защитной роли окраски насекомых или птиц, или зверей нет. Молодой Шварц, шагая меж кустиков верблюжьей колючки, следя за кормящимися с этой скупой земли птицами, не считал себя бойцом Дарвина. Нет, обливаясь потом на солнце, он столь возвышенно не думал о своей роли в биологической науке...

На этих тусклых холмах, цвет которых выпит знойным солнцем, живет также седипода миниата. Ее бледно-охранная окраска великолепно гармонирует с открытой почвой. Буровато-коричневые пятна на надкрыльях делают цветомаскировку еще удачнее, так пестрое, раздробленное на вид насекомое не выделяется среди мелких комочков почвы, потому выживает и на нетравянистом месте.

На берегах шумного Чирчика с обглоданной ярим солнцем растительностью есть и вовсе микропустыни, покрытые разноцветной галькой. Сюда не выходят саранчовые. Но и здесь живут особые насекомые — серые, с черными точками и пятнышками. Тела их сплюснуты и широкие. Переднепинка бугристая. Вот так: и форма, и окраска делают этих маленьких жителей галечников совершенно незаметными. Трудно сизоворонкам с верхотуры приметить эту непахучую, неслышную, незримую живность.

Быстрее всего, пожалуй, птицы ловят жуков ранним утром и поздним вечером. Потому что на светлой почве они видны, как тараканы на белой стене.

Легче, конечно, считать вершины далеких гор, забравшись в реку, но надо на жаре считать крохотных насекомых. Шварц ходил по особым маршрутам и на километре тропы встречал до тысячи разных видов безымянных для незоолога козявок. Иногда ему помогал случившийся тут мальчик, озабоченный сбором коллекции. Станислав махал сачком и утром, и вечером (это называется у натуралистов кошением), в час делал при этом ровно двести взмахов. Так он добивался хотя бы рабочего представления об относительном обилии насекомых на горячих холмах холодного Чирчика. И еще он снимал сомнение: а все ли виды жуков и саранчи съедобны для птиц? — и кормил из рук птенца. Надо было ответить и на такой вопрос: если сизоворонка берет насекомых по принципу встречаемости (много встретит — значит, много и проглотит), то в желудке птицы насекомые должны быть в тех же соотношениях, что и в природе.

И Станислав Шварц становится погубителем птиц. И потрошит их, и обнаруживает в сотне птичьих желудков восемьсот насекомых разных видов. Это уже статистика, и он рисует табличку. И сразу же замечает: насекомых, живущих в галечнике, птицы не едят! А в неволе-то они не отказываются от этого корма, проверено. Следовательно, съедобные, многочисленные и открыто живущие насекомые надежно защищены от крылатых истребителей не как-нибудь, а окраской! Следовательно, критики Дарвина слепы, покровительственная окраска существует и возникла она эволюционным путем, а не путем

чудес. Однако это не значит, что те же галечные тура-никисы неуловимы для всех своих врагов. Ящерики, например, ловят этих обитателей гальки. Криптическая окраска — реальность. Иначе почему акриды турриты, подолгу находящиеся на растениях, где их не так просто схлестнуть, не встречаются в желудках сизоворонки? Потому что они трудно отличимы от веток.

Вывод: насекомые с защитной окраской поедаются в шесть раз меньше, чем, к примеру, заметные жуки. Но — еще раз: цветозащита — не абсолютное оружие, и ящерицы, а среди них, скажем, длинноногий сцинк, успешно ловят непойманных птицами насекомых.

Так ленинградский студент работал и мыслил на берегу мутной реки, воды которой не может высветить и южное ослепительное солнце, и его студенческие труды были не столь уж бессвязны и наивны, чтобы кануть в архивах, а они вошли потом в кандидатскую диссертацию Станислава Шварца.

Диссертация была посвящена эффективности криптической окраски. Шварц вновь и вновь подчеркивает: велик толк для любого животного в защитной окраске лишь тогда, когда она надежно спасает его от главного врага. Допустим, насекомое в ходе эволюции так окрасилось, что и артистично охотящаяся сизоворонка, птица, бьющая с высоты, как сокол зайца, не может разглядеть жертву. Вот тогда насекомое будет благоденствовать. Впрочем, природа немилосердна, неотступна. Научилось насекомое жить в безопасности от остроклювых пикировщиков, но не умеет скрыться от других птиц, и они его неумолимо отыщут, от зари до зари прыгая с веточки на веточку, умело обыскивая кусты.

...Но вот уже наш молодой герой не в Узбекистане, а в полупустыне Заволжья, в районе соленого озера Баскунчак, и уже прикатило новое лето, доброе лето сорокового года. Вдали видна гора Большое Богдо, а вообще-то здесь плоско и уныло, желтая земля с редкой, как борода азиата, растительностью; больше тут белой полыни, типчака, ковыля, коклека и по низинкам приманчиво сверкают тал, ива да лох. Гроза тут всякой мелкой живности, бегающей среди кустиков, малый степной жаворонок — каландрелла пистолета. Шварц был в этой степи как раз в июне — июле, когда жаворонок становится особенно насекомоядным, охотится на прямокрылых, на жуков, на клопов.

Зоологическая наука требует жертв в буквальном смысле этих слов. Снова Шварц становится стрелком по птицам. В автореферате диссертации он напишет об этом так: «было проанализировано 182 желудка каландрелла пистолета»... Жаворонки, им застреленные, были старые и молодые, или, как говорят, в юношеском перье, но уже самостоятельные. И сам студент Шварц был в юношеском перье, однако и самостоятельность его чувствуется. Он видит больше тонкостей в природе, чем летом прошлого года у Чирчика. Он доказывает, например, то, что молодые жаворонки хуже ловят саранчовых, чем старые птицы. Если это так, то, значит, жаворонки способны научиться отыскивать окрашенных насекомых. Два года назад исследователь Айзели также выявил эту способность научиться, находить криптических насекомых у домашних кур. Так Шварц смолоду считал не переменным знать о коллегах, подступающих к тем же тайнам природы, что и он, и смолоду не забывал ссылаться на литературные источники.

Молодой Шварц, как и в Средней Азии, ловит сотни полторы ящериц и сравнивает их охотничье счастье с охотничьим счастьем птиц. Можно утверждать: саранчовые, хоть и с меньшим успехом, чем от птиц, защищаются окраской и от разноцветной ящерицы; конечно, насекомые все-таки гибнут в пасти рептилий, потому что движениями выдают свое присутствие.

Какие еще мысли привез Станислав Шварц с летней

практики сорокового года? В степном биоценозе велико биологическое значение окраски саранчовых. Можно твердо сказать: жаворонки поедают насекомых не пропорционально числу встреч, а в два раза меньше. То есть птицы встречать-то встречают добычу, но не видят ее. То есть криптизм действует и в степном Заволжье. Просмотрено около пятисот желудков пяти видов птиц и одного вида ящериц, с такой уймой фактов в руках можно и поразмышлять.

А теперь надо сразу шагнуть в лето сорок пятого года. Непостижимая вещь: читаешь теперь кандидатскую диссертацию Шварца, в ней скупое, в две-три строчки, сообщается, какая часть работы где и когда выполнена, но нет и мимолетного упоминания о том, что в эти же годы и его родная земля, и сам исследователь перемерцались страшной войной, и не только в людей, но и в деревья и птиц в эти годы вонзались пули и осколки, а над родными полями взлетали жаворонками самолеты. Ничего этого нет в научной работе, начатой до войны, оконченной после войны. Ученый не отвлекается, он пишет только о том, что изучает...

В один день диссертация защищается, да не скоро она делается! Шварца интересует смысл защитной окраски. Он ставит вопрос: бывает ли, что птицы ловят замаскированных насекомых так, словно они не замаскированы. И он берет под контроль три гектара низкоствольного дубняка, небольшой участок, чтобы видеть все, что на нем происходит. Насекомых и пауков тут хватало. Диссертант опять махал, как и до войны, сачком. Осматривал деревья, наблюдал насекомых, было похоже на то, что человек ищет на ветках то ли плоды, то ли гнезда. Надо было учесть и земляную мелочь, хотя бы приблизительно, ибо точно пересчитать, скажем, трупоедов на одной поляне — жизни не хватит. Птицы тут, на Ворскле, — зяблик, большая синица, поползень, серая мухоловка, певчий дрозд, большой пестрый дятел. Шварц, естественно, предполагал, что съеденное прежде всего должно быть съедобным, и чем насекомые вкуснее для птицы, тем их больше истребляется. Поставил на поляне нехитрый эксперимент. Под одинокой яблоней положил листы белой бумаги, а к ним приклеил насекомых — всевозможных штук! Первыми появились зяблики, потом поползень и воробьи. Показывались синицы и лесной конек. Исследователь досадовал, что пугает птиц, но как спрятаться, не придумал. Эксперимент был, как видите, не идеальной чистоты, тем не менее он показал, что наиболее привлекательны для птиц крупные пауки, затем сенокосцы, гусеницы, саранчовые и клопы...

Вот они нескончаемые подробности исследовательской работы. Вот так неотступно делается наука — дни, месяцы, годы. Нелегко путь по лестнице жизни в науке от студента до академика...

Только разумный может быть гуманным!

С академиком Шварцем я встречался не один раз, но эта встреча, за два-три месяца до его смерти, особенно запомнилась.

По неотложному журналистскому делу мне надо было посоветоваться со Станиславом Семеновичем. Редакция журнала «Уральский следопыт» затевала целый номер, посвященный проблемам охраны природы, и нельзя было не огордиться от экологических ляпов в публикациях и не поговорить прежде с ученым, основавшим первый в нашей стране институт экологии растений и животных.

Академик был очень болен. Звоним лечащему врачу

профессору Михаилу Львовичу Шулутко, человеку до крайности прямому, определенному: «Можно к Шварцу? Можно! Собираюсь отпустить его на работу! Можно! На полчаса».

Объясняю академику, уже у него дома, в рабочем кабинете с громадным письменным столом, что вот, мол, хотим выдать экологический номер «Следопыта», крупно выступить в защиту природы...

Он протянул мне через старинный письменный стол, на котором он, я знал, бывало, и лягушек препарировал, блокнот и попросил прочитать цитату из важного правительственного постановления. Читаю: «...совершенствовать методы экологического прогнозирования».

— Вот эта фраза — впервые. Никогда еще не было сказано так прямо о значении экологических прогнозов. Нигде и никогда.

— Но пока экологи еще не визируют, не разрешают или запрещают производство тех или иных машин, еще не накладывают вето на ту или иную технологию, опасную для природы...

— «Не визируют, не запрещают...» — повторяет мои слова Станислав Семенович, и мне кажется, что повторяет он их немного сердясь. — Как же тут точнее сказать?.. Нет, экологи вообще не только контролеры. Они уже входят в авангард первопроходцев. Вот посмотрите эти мои два абзаца. Пишу статью для международного журнала «Курьер Юнеско».

И он протягивает мне через широкий стол, который он юмористически назвал полем деятельности, рукопись. Вижу заголовок статьи: «Новая экология». Суть двух абзацев в том, что повсюду недостаточно тратят средств на экологическую подготовку технических проектов, преобразующих природу больших районов. А экологи могли бы заметно ослабить последствия плохо обдуманных вторжений в окружающую среду и к тому же сделать так, что любое предприятие будет экономически более выгодным. И второй абзац: техника непозволительно самонадеянна, напрасно люди пренебрегают биологическими методами освоения новых земель, а полагаются чаще только на бульдозеры и экскаваторы.

— Это все доказательство того, что природу защищать к тому же выгодно и экономически?

— Да. Две вещи надо делать. Первое: разворачивать сотрудничество экологов с экономистами и прочими специалистами. Второе: природа — не пассивный объект хозяйственного воздействия, и надо знать, как она реагирует на давление со стороны цивилизации. Академическая экология исследует такие реакции природы, но лучше будет, если наша наука выйдет из стен академии и станет советчиком промышленности.

Шварц говорит трудно, я жду, когда он передохнет.

— Станислав Семенович, о чем из области экологии надо прежде всего рассказывать людям?

— Атом, молекула — популярные вещи. Надо всем знать и что такое популяция. Единица измерения человечества — личность. Всегда в таких разговорах мне вспоминается это изречение Достоевского. Ну а единица измерения природы — не отдельное животное, а стадо, стая, популяция. Эту азбуку природоведения хорошо бы усвоить абсолютно всем.

— Исчезают и не очень-то изученные животные, толком непознанные... Это, действительно, невосполнимые потери?

— Я всегда говорю, что надо бы сохранить и чумных бактерий. Они ведь — часть природы. Потомки бы узнали о них больше, чем мы. И, возможно, извлекли бы из их существования какую-то пользу.

Шварц подышал, подышал и продолжил:

— Если человек будет бесчинствовать на планете и далее, она его просто вычеркнет из списка живых. Посмотрим на жизнь с исторической точки зрения. Тепло-

кровные совершили революцию в развитии биосферы. Без них круговорот веществ шел медленно. Птицы и животные — настоящие жернова жизни — ускорили бег веществ. Но вес животных стал гораздо меньше веса растений, следовательно, эффективность биосферы снизилась. Шестиэтажные бронтозавры сменились крысами, вместо птеродактилей летают вороны... Пока человек берет лишь полтора-два процента естественной биологической продукции. Пока-то не много берет. Но я даже не об этом. Как берет! Подрывая воспроизводительные силы природы. Надо ли жалеть, к примеру, лягушек, надо ли вздыхать о том, что их все меньше и меньше? Конечно, лягушка мыслящей стать не может, сохранись она на Земле еще миллионы лет, но она была и есть ценна тем, что немыслящая дает жить мыслящим. Жизнь сама себе строит условия жизни, человек не может отменить этот закон, так он отменил бы самого себя...

— Деградация ли то, что сейчас происходит в природе?

— Это эволюция природы в новых условиях. Многих пугает скорость изменений. Животные в сильно измененной человеком среде изменяются теперь в пять тысяч раз быстрее. В естественной среде они изменяются почти незаметно, это десятые доли дарвина... Появились скоростные биогеоценозы. Очевидная истина, что природа активна в урбанизированной среде, но неверно считать ее деградирующей...

— Не может же природа вся измениться, вся стать новой, как-то неуютно от этой мысли...

— Вот как надо сказать: не столько мы изменим природу, сколько она сама изменится. Ей надо доверять. Она жила и будет жить по своим законам, хоть и влиять на нее люди станут все решительнее. Заменить природу? Слышал я где-то и такой призыв. Это слепая вера в человека, в его всемогущество. Пищу можно сделать искусственной. Но пластмассовым лесом не прожить. Слон в неволе не размножается. Ему не хватает психологического настроя, который он получает от родного леса. Без шума листвы и прочего лесного у него нарушается гормональная функция. Психика человека многократно сложнее психики слона. Она и сильнее, и крепче. И все же, и все же... Вот есть эквиваленты природы. Например, стихи. Но этого разве достаточно для человека? К слову, борьба за природу — это и борьба за здоровую психику...

— Вы говорили о быстром изменении природы, а успеет ли человек приспособиться к новой природе?

— Нас ведь уже никого не удивляет, что законы неорганической материи сменились законами развития органической. А скорость социальной эволюции — разве она не делает приспособленным к восприятию всяких перемен?

— Люди приспособляются даже к плохому...

— Конечно... Привыкают к гудкам и разучиваются слушать соловья. А некоторые водку любят больше, чем воду...

— Идеальный преобразователь природы, каким он должен быть, Станислав Семенович?

— Только разумный может быть гуманным. Только разумный!

— По-видимому, это не одно и то же, как если бы сказать: только сильный может быть добрым?

— Нет, я говорю о том, что слепой любви к природе, хоть она тоже свята, мало! Нужна разумная любовь, и она придет к людям...

Только разумный может быть гуманным! Эти слова я воспринял как жизненное кредо крупнейшего нашего природоведа академика Станислава Семеновича Шварца.





ДОВЕЛОСЬ УВИДЕТЬ И УСЛЫШАТЬ

Былицы

**Левиан
ЧУМИЧЕВ**

Рисунок
Н. Мооса

ОТ АВТОРА

— Ну, как день сегодня прошел?
— Как всегда, ничего особенного.
Сколько раз такое слышал, да и сам говорил.
Между тем с любым человеком ежедневно что-нибудь случается, ну там в трам-
вае, на работе, в магазине, во дворе — мало ли. А то зверушка какая рассмешит или
знакомый про случай интересный расскажет.

Что-то мимо ушей и глаз проходит, а что-то запоминается.
Уже много лет я иногда записываю разные историйки, которые довелось уви-
деть и услышать.

Конечно, литература без вымысла не литература. Но я на многое не претендую.
В конце концов раз есть небылицы, должны быть и «былицы». Да и интересно запи-
сать такое, где все правда, все так, как было в жизни. Тешу себя мыслью, что кому-
то интересны будут эти, мной подмеченные случаи.



*Левиан Иванович Чумичев родился в августе 1931 года в Нижнем Тагиле. С пят-
надцати лет начал работать слесарем. Четыре года служил на Сахалине. Вернувшись
на Урал, окончил среднюю школу, затем — Свердловский педагогический институт.
После этого закончил еще и Всесоюзный государственный институт кинематографии.
Печатался в местных и центральных изданиях. Первую повесть «Ракета над Со-
сновкой» опубликовал в «Уральском следопыте» в 1966 году. В нашем же журнале
опубликован и литературный сценарий Л. Чумичева «На горе стоит гора», по которому
был поставлен фильм. По его сценарию снят также фильм «От зари до зари».*

1. О Петре Степанове и о том, как он научился играть в шахматы

Был сентябрь, и Петя Степанов начал ходить в седьмой класс. Учился он не то чтобы очень. Неважно учился Петя — волейбол донимал, чика и всякое такое.

Дом, где жили Степановы, был двухэтажный. Но если посчитать, то в соседнем — пятиэтажном — жило меньше народу. А здесь прямо друг на друге обитали.

В общем, Петя начал отбывать в седьмом, регулярно носил от директора-тезки, Петра Ивановича, записки отцу. Отец в школу не ходил, а методично, как-то нехотя порол сына — отцовские обязанности выполнял.

Особенно часто доставалось Петькиной попе, когда у них во дворе появился Безногий.

Восбще-то у этого дядьки ноги были целыми, только они не шевелились, и катил себя по жизни дядя Вася на коляске. Днями он сидел во дворе и немигающе смотрел на голубей.

Вечером, когда приходили мужики с работы, дядя Вася выкатывался с шахматной доской. Он играл со всеми подряд и у всех выигрывал.

Сначала он брал бутылку за партию, но потом ему перестали давать.

Хитрый дядя Сема привел своего знакомого, но и тот проиграл Безногому. Дядя Вася давал вперед и коня и ладью, но с ним больше никто играть не соглашался.

А Петя Степанов согласился.

Ежедневно после школы он просиживал с Безногим по три-четыре часа.

За каждую проигранную партию Безногий ставил щелчок. Лоб алел у Петьки. Спина пылала — отец реагировал на участвовавшие записки Петра Ивановича.

Где-то в конце октября Петя сам поставил Безногому мат. И влепил ему щелчок. Палец дрожал, ноготь вскользь коснулся огромного лба. Но Безногий смахнул фигурки в траву и покатил вешаться. Он давно грозился так сделать — жить надоело.

А потом в школе объявили шахматный турнир среди учителей. Объявление об этом висело в учительской. Петя пошел к директору и сказал Петру Ивановичу:

— Я тоже хочу.

Петр Иванович выгнал было Петю, но учитель географии воспротивился, достал со шкафа доску.

Через пять минут учитель азартно потребовал:

— Давай еще раз!

— Запишите в турнир, — сказал Петя.

...Все решалось в последней партии. Петя и директор шли без поражения.

Когда Петя связал ферзя, Петр Иванович сделался красным, после потери ладьи у него выпал глаз. Небольшой такой, стеклянный. А до этого дня никто в школе даже не догадывался, что директор одноглазый.

Петя принес домой кубок. Мать смотрела молча. Отец спросил:

— Где украл? — и стал рассупониваться.

— У учителей выиграл.

— Как это?

— Так.

— Ты че, умней их, что ли?

— Не знаю.

Отец застегнул штаны и сказал:

— Слышь, мать, такое дело отметить надо...

2. Рассказ девушки Тамары, секретаря директора

Он как-то незаметно вошел. Смотрю, а он уже в приемной: здравствуйте, говорит. Сам невысокий, худой, глаза грустные, грустные, почти весь седой, и лет ему под пятьдесят.

Ну я стучу на машинке приказы всякие, что сам Владимир Васильевич подписал. Об отпусках, что Фролова уволить, о субботе рабочей. А он стоит, седой-то.

— У вас должность художника вакантна?

— А выгнали, — отвечаю, — этого алкаша.

Он вздохнул:

— Я видел его работу: плакаты, лозунги — банально, халтурно.

— Плакаты как плакаты, — сказала я. — О перевыполнении.

— Да, да... — вздохнул седой и как-то жалко оглядел меня.

Я аж передернулась, такой взгляд, вроде бы равнодушный, а чую, он меня задевает этим взглядом. Я заегозилась вся, а дед этот к окну отвернулся.

Тут и вышел Владимир Васильевич.

— Вы ко мне?

Он хороший мужик, директор-то наш. Заботливый. Путевки, премии. И ко мне нормально относится, безо всяких там штучек. Ну, анекдот, когда с цветочками, а так ни-ни. Короче, взял директор трудовую у этого седого, а она как настольный календарь — пухлая. Удивился Владимир Васильевич.

— Ну, знаете. Я такого еще не видел. Помоему, вы уже везде поработали. Так-так. А статья? Странно. Объясните. Зачем же я вас на две недели брать буду? Объясните, почему вы увольняетесь?

— Из-за женщин.

Я по клавишам машинки всей пятерней бабахнула. Да как захохочу.

Сморчок этот седенький нахохленный стоит...

Вэ-Вэ тоже от хохота псвалился, а тот-то, смешной, шпарит:

— Люблю, говорит, красивых женщин.

— Так, так, интересно,— это Владимир Васильевич развеселился.— Поподробней, если можно,— а сам мне мигает, глазами показывает.

Я быстренько смекнула. Раз — в бухгалтерию.

— Ой,— кричу,— девки! Бегите скорей в приемную. Там такое, такое...

Ну, ввалились мы. Прямо внаглую ввалились. Больно похотать охота, да и сам Вэ-Вэ решил.

И, действительно, чудак этот говорит:

— Красивая женщина — это прекрасно! Это одно из немногих чудес на земле. Не каждому дано это понять.

— Так-так,— хихикает Вэ-Вэ.— Ну, а вы-то, вы-то как определяете своих красавиц.

— Я не определяю, я чувствую, это приходит постепенно, заполняет меня всего, и я...

— Увольняюсь...— подсказал директор.

— Нет,— повернулся к нему седой,— я начинаю хорошо рисовать. Чувствую, как она подталкивает меня, подсказывает. Я рисую свою любовь, свою мечту, и получается женщина, вы понимаете, Женщина! Это видно, это чувствуется на полотне. Даже если полотно это простой лозунг или график соревнования.

— Господи! — вздохнула счетовод Валька.

А молодящаяся главный бухгалтер Клавдия Ксенофонтовна спросила почтительно и вроде как бы с надеждой:

— Так каких вы уважаете — белых, черных, полных, худых?

— Она может быть всякой,— ответил художник.— И полной — как у фламандцев, юной и таинственной, как у Леонардо, или чувственной, как у Родена.

Все наши бухгалтерские бабы ближе подвинулись к худенькому и глядели ему в рот. Я тоже мельком глянула в зеркало и втиснулась поближе.

А он стоял посередине и говорил:

— Настоящий художник, настоящий писатель или композитор должен быть влюблен. Не грубо, не плотски, а возвышенно и романтично. Именно это помогает создавать настоящее искусство.

Эх, бабы! Как они изменились. Валька сутулиться перестала, Клавдия Ксенофонтовна от седого блестящих глаз не отрывала, да и мне ужас как интересно сделалось.

А всеми забытый наш директор товарищ Данилов сказал:

— Ну, хватит! Плакаты мы и так нарисуем.

Вы, гражданин, свободны, а остальные за работу.

Я села за машинку, но мне почему-то не печаталось.

3. Дед Силуянов

Семьдесят четыре года ему.левой ногой шажочек сделает, правую приставит и стронется вперед сантиметров на десять-двенадцать. Тросточку шевельнет, снова на шагок продвигается.

Так двигается дед к курилке — курить он очень любит.

Дед Силуянов покурил, потом раз-раз — такими же шажками за кипяченой водой направился. Принес, а половина стакана расплескалась, старческий колотун в руках у деда.

Сходили ребята, достали графин, набухали полнехонький — пей дед.

Ой, какой благодарностью переполнились глазки Силуянова!..

Мы заметили, что дед только столовское ест, что не ходит к нему никто. Угощать стали кто чем. Отказывается дед, стесняется. А сам, не смотря на свою грыжевую неходячесть, что-нибудь для палаты сделать пытается — то форточку откроет, то кнопку нажмет — сестру вызовет.

Отогрелся душой старик. Рассказывает, как воевал. Лучше пулемета Дегтярева, надежней ничего Силуянов не встречал.

— Дед, ты один, что ли, живешь? — интересуются ребята.— Почему к тебе никто не ходит?

— Пошто один. Сын есть, Витька. Невестка Аня. Хорошие они, добрые. Похоронить обещали. Пенсию я им за два месяца оставил.

...Сегодня операционный день, а приготовившемуся к операции деду Силуянову сказали:

— Идите домой, дедушка. Позвоните кому-нибудь, чтоб за вами приехали.

— Да я ничего, я сам добегу,— хорохорится дед.— А чего резать-то не стали?

— Терапевт запретил. Сердце у вас, годы и вообще...

— Ну-ну, понимаю. Я ведь шибко-то за нее не цепляюсь. Опять же Витька с Анькой похоронить обещали.

Мы скинулись деду на такси.

— До свидания, добрые люди, до свидания, товарищи. Прощайте.

И сказал вдруг грустно, как бы самому себе:

— Я ить их штук двести ухлопал на фронте. Пулемет Дегтярева очень надежный был. Ну, а счас пора самому тех немцев проведать. Давно, чать, ждут меня.

Дед тросточку стронул, шажочек произвел, двинулся маленько. Еще раз, еще...

Прощай, дед Силуянов.

4. Кто куда едет

Наш поезд скорый. «Урал» называется. Из Свердловска до Москвы почти без остановок катит. Первая остановочка в Перми. Потом в каком-то Балезино на минуточку, а потом аж до Кирова.

Так вот в этом Балезино история приключилась. Не успел поезд остановиться, а уже тронулся. А в дверь вагона стучат.

— Кто там? — кричит проводница.

— Ой, открывай, девонька! Ой, упаду.

Появилась в вагоне перевязанная подушка и узел с чем-то мягким. Потом старушка в коридор втиснулась.

— Куда вы едете? Где ваш билет? — шумит проводница.

— Счас я, девонька, счас, — успокаивает проводницу старуха. — Только вот согреюсь маленько. Больно руки озябли за железные-то держалки держаться. Железные у вас в вагонах держалки.

А поезд не зря скорым назвали. Умчалось в ночь неведомое Балезино. Одна луна настырно качается за окном, высвечивая обмороженные сосны.

— Билет давай, бабушка. Какое место у вас?

Бабушка подала билет, а проводница села прямо в коридоре. Там у стенки уступчик такой есть, вот она на него и опустилась. Глаза в билет пялит, что-то сказать хочет, а не может.

А старушка тоже сбоку примостилась. Вздыхает старушка:

— Как меня Нюська-то встретит, обмерзнет вся...

— Вы куда, бабушка, едете? — почему-то шепотом спросила проводница.

— А в Глазов я, девонька. К Нюське. В билете же там все написано.

Проводница глянула в билет. Сказала тихо:

— Так, в Глазов. — И вдруг закричала: — От Балезино пешком дойти можно! А мы теперь только через четыре часа остановимся, в Кирове. За триста с лишним километров вас ответут.

— Ой, господи! Покарай меня старую да беспутную! — заголосила несчастная старушка. Так заголосила, что из всех купе люди вылезли. Кто как мог успокаивают бабушку.

А она заливается.

— Че Нюська-то подумает! Ой, дайте я на рельсы брошусь! Помереть дайте. Все одно мне теперь!

Солидный милицейский полковник, почему-то не желающий даже в вагоне расставаться с галифе, кителем и орденскими колодками, перебил всех советчиков.

— Ну-ко тихо. Успокойтесь, мамаша. Перестаньте реветь, я вам сказал! Слушайте. Прие-

дете в Киров. Сразу к дежурному по станции. Без рева, спокойно все объясните. Он вас отправит обратно. Ясно?

Старушка послушно похлопала мокрыми глазами. Потом вдруг снова взревела:

— Я где денег-то возьму! Пенсия-то у меня колхозная. Двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек пенсия. Ой, дайте на рельсы лечь!

— Сколько стоит билет от Кирова до ее Глазова? — спросил проводницу полковник.

— Рублей семь.

— Вот! — шевельнул галифиной полковник и протянул старухе тройку.

Я кинул рубль.

Да и не надо было больше, в кулаке у старухи уже желтели рубли и даже синела одна пятерка.

Старуха нахохлилась, пристроилась на откидном сиденье и замерла.

До самого Кирова сидела недвижно.

А в Кирове я ее свел со ступенек. И хорошо сделал — на втором пути стоял поезд, идущий через Глазов. Поезд уходил через пять минут. Об этом сказали его проводники.

— Садитесь, бабушка, — торопил я старушку.

— Спасибо, сынок, ты ступай, ступай.

— Да садитесь вы, а то опять в историю попадете.

— Да я ниче, кончились истории.

Не к поезду старушка двинулась, а навстречу женщине, котсрая обняла ее, сказала ласково:

— Мама.

— Ребята-то как, Нюська? — поинтересовалась старушка.

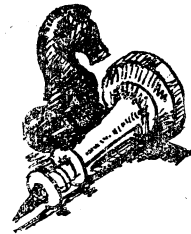
— Ладом все, а ты как?

— А я че, я уж по-старушечьи, еле-еле. — Старуха покосилась на меня.

— Кто это? — спросила Нюська.

— Мужик с поезда. Думал, что мне в Глазов надо. Уйдет он счас.

По радио громко сказали: «Скорый поезд «Урал» отправляется от первой платформы». Надо было спешить. Поезд действительно скорый.



А море все-таки

Фотоэкспедиция «Уральского следопыта» «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК — ТИХИЙ ОКЕАН»

**Сергей
МЕЛЬНИКОВ**

На вкладке
фото автора

Говорят, романтика овеяна голубоватой дымкой. Это когда сердце следопыта, искателя зовет, просится в дальние края. В призывных видениях, конечно, преобладает море. И не случайно. Вон сколько их омывает страну нашу — Японское, Охотское, Берингово, Чукотское, Восточно-Сибирское, Лаптевых, Карское, Баренцево...

Какие они сегодня, моря и океаны, острова! Чем живут! Как трудятся! ...Фоторепортажи с траулера «Дарвин» ведет специальный корреспондент журнала действительный член Географического общества СССР Сергей МЕЛЬНИКОВ.



Есть на земле места, которые захватывают сразу, не давая опомниться. Волны Японского моря — то медленно лижущие песок, то грозные, старающиеся опрокинуть скальные берега, — завораживают... Я не бросал монет в Амурский залив, так как верил, что вернусь на эту землю, увитую лианами, увижу медуз внутри прибойной волны, еще не раз буду переживать в мокрой палатке жестокий дальневосточный шторм...

Траулер «Дарвин», на котором должна была отправиться наша экспедиция, стоял уже на внутреннем рейде в проливе Босфор. Бумажная волокита, медицинские кабинеты — позади. И вот, наконец, мы на палубе. Прозвучала команда капитана: «Вира якорь!»

Погода нам благоприятствовала. После трехсуточного перехода по Японскому морю мы были у южной оконечности Курильских островов. Здесь мы получили промысловый трал и взяли курс на север, в Охотское море.

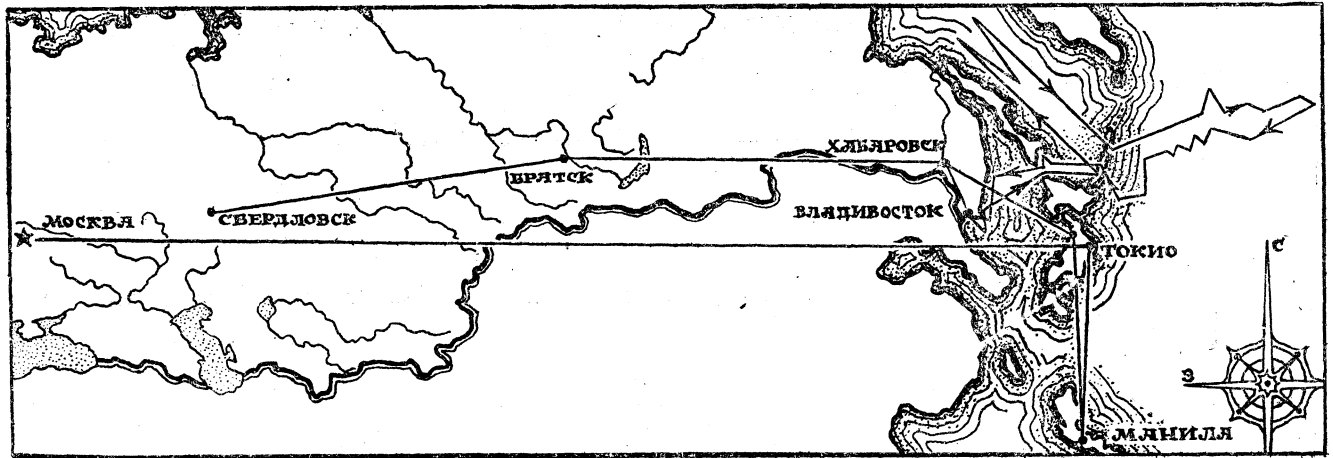
Охотское море, против обыкновения, встретило нас чудесной солнечной погодой, и только температура воды за бортом — 8 градусов по Цельсию — говорила, что мы де-

леко на севере. Траловая команда готовилась к работе, и нам не терпелось увидеть обитателей Охотского моря. Из-за низкой температуры воды не появлялись дельфины. Наконец несколько пробных тралений. И в результате — кучка минтая и одна собака-рыба. Эта рыбка в минуту опасности набирает в себя огромное количество воды и раздувается наподобие мыльного пузыря. У нее небольшой подрагивающий хвостик, округлые мясистые губы и такой же мясистый язык... Траление за тралением не приносило ничего. Решили порыбачить сами, с помощью драги. Каждый день океанографы «Дарвина» замеряли температуру воды до глубины 200 метров. Они согласились опускать и нашу драгу — неказистое на вид сооружение из металлической бочки, лишенной дна. Но таким допотопным способом нам удалось поймать только несколько небольших глубоководных офиур. Однако долго пользоваться этим способом не пришлось. Судно отправилось в глубоководный центральный район северной части Тихого океана для поиска косяков рыбы.

Минуло еще пять дней. Мы шли в сплошном тумане. Редко-редко



голубое



солнечный луч рвал белую пелену. Рыбы нет, а посему редки траления. Но вот очередной замет принес нам пяток скумбрий, одну браму — морского леща и полуметровую голубую акулу. Наконец-то мы получили объект для съемки. Окрыленные первой удачей, тралим снова и снова. Объясню, как это происходит. Судно сбавляет ход до самого малого. Лебедкой стравливается 200-метровый мешок. Ячея неодинакова — более крупная в начале, она уменьшается к кутку — конечной части, где рыба и задерживается. Погрузился трал, судно увеличивает ход.

Жизнь в океане как бы поджигается к верхним и прибрежным слоям воды. Сюда морских животных манит пища — фиртопланктон. Кроме того, в прибрежных водах больше минеральных солей и кислорода. Таким образом, около 90 процентов всех морских организмов обитает в шельфовой зоне, занимающей всего 8 процентов общей площади океанического дна. Ниже этой зоны жизнь быстро скудеет...

Днем появились дельфины. Парами и тройками стали выпрыгивать они перед самым форштевнем теплохода.

Мы не пропускали ни одного траления в надежде увидеть редкостный экземпляр. Но один раз решили не выйти в ночное дежурство и жестоко за это заплатились. В трал попался гигантский кальмар, а нам не удалось его даже увидеть. Шестиметрового кальмара оттащили к корме, а при следующем спуске трала он был увлечен сетью обратно в океан. Так мы лишились возможности увидеть одно из самых загадочных творений природы — легендарного кракена. Слабым утешением были две ленты-рыбы из семейства трахиптерейд. У них плоское, резко утончающееся к хвосту белое тело с головой, похожей на лошадиную, огромные золотисто-черные глаза, яркие кроваво-красные плавники вдоль всей спины и такого же цвета крошечный хвостик.

В трал время от времени стали попадаться акулы. Чаще это случалось в ночные траления. Красивых

голубых акул вытаскивали сильно помятых, без признаков жизни. Сельдевые же, черно-серые здоровяки с веретенообразным телом, выпадали из трала со зло вращающимися глазами и долго бились на палубе. Как известно, у всех видов акул нет костей — одни хрящи. Их кожа напоминает наждак и с давних времен употребляется для полировки ценных пород дерева. В Италии такой кожей полируют мрамор. По окаменелым зубам, принадлежащим предку большой белой акулы — кархародону, определили его величину. Зубы этого гиганта достигали 15 сантиметров, а его длина — 36 метров. Акулы необычайно живучи. Пойманная в трал, сильно помятая и израненная акула еще в течение 30—40 минут проявляет признаки жизни. Акулы обладают поразительным обонянием. Они реагируют на одну каплю крови, растворенную в кубическом километре (l) воды. Ни один из современных приборов зафиксировать подобную концентрацию не в состоянии.

Трал принес нам однажды два занимательных существа — маленького осьминога и ската-хвостокола. Скаты — близкие родственники акул. У них такое же примитивное строение, размножаются они подобно акулам, и скелет их состоит из хряща. Говоря словами известного океанолога В. Янга, — это не что иное как расплюснутые акулы. Есть скаты-карлики, в 20—30 сантиметров, и гиганты — морские дьяволы манти, 7 метров в ширину и весом до двух тонн.

Наш хвостокол был вынут из траля еще живым и перенесен в ванну с морской водой. У него черное небольшое треугольное тело. Рот очень похож на человеческий: белые подковообразные пластинки создают полную иллюзию зубов, а вертикальные складки, жаберные щели, делают нижнюю сторону тела ската-хвостокола до удивления похожей на лицо младенца...

Прошел стороной тайфун, немало захватив нас своим крылом. После ненастной недели установилась ясная солнечная погода. «Дарвин» держал курс на Курильские острова.

Остров Итуруп — один из интереснейших островов Курило-Камчатской гряды. Мы высадились здесь в заливе Косатка, у поселка Буревестник. Вначале решили побывать на вулканах. Направились к группе, среди которой был единственный курящийся на острове вулкан «Иван Грозный». На Итурупе много вулканов с необычными названиями. Пробирались по тропе, прорубленной в зарослях бамбука. Шли гуськом, по корневым выростам. Щетка косо срубленных стеблей бамбука, торчащая из земли на 10—20 сантиметров, сильно мешала передвижению.

Но вот тропа потянулась по склону водораздела. Мы увидели с одной стороны нависающие кроны деревьев, с другой — изумительную панораму горной тайги. Вдали, в дымке, — океан с размытыми силуэтами пароходов. Прекрасное зрелище!

Постепенно лес кончился. Его заменил кедровый стланик. Растение

это знаменито способностью буквально стлаться по земле в непогоду, а чуть пригреет солнышко — выпрямляется, вытягиваются узловатые ветви, пахнущие смолой.

Шли почти полтора часа. Сильный ветер гнал сырой туман. До подножья «Ивана Грозного» осталось километра четыре. Когда тропа переходила в спуск, облегченно вздыхали. Но вскоре, понутив головы, снова тянули на очередной подъем. Туман загустел. Решили развести костер, чтобы дожидаться маломальской видимости. Вдруг — нечто фантастическое! В сплошном тумане образовалась небольшая прореха. Призрачно, на несколько секунд проявилась сильно изрезанная излучина реки с небольшими озерами по сторонам. Вода текла какая-то желто-зеленая, чуть окрашенная пастельными тонами. Вдруг совсем рядом из тумана вырос громадный лавовый язык с острыми пиками, разбросанными по гребню и непонятно как сохраняющими равновесие. Картина мелькнула, исчезла, закрывшись туманом... Молча переживаем видение...

Снова вышли на тропу. Как только поднялись на водораздел, увидели вулканы. Над «Иваном Грозным» повис столб белого дыма. В бинокль виден скутанный паром ручей, бегущий от самой вершины к Тихому океану.

Берег его представлял здесь как бы 30-километровый песчаный пляж с зелено-синими волнами. Хорошо видно выброшенное на песок крупное судно. Океан нет-нет да и напоминал о своем величии и мощи. Судно, по всей вероятности, японское. Судя по сохранившейся краске, трагедия разыгралась год-два назад. Еще подальше — остатки разбитой шхуны. Если судно сядет на мель в таких местах, оно обречено. Миллиметр за миллиметром тонет оно в море: песок...

Поход к вулканам удался не совсем. Мы выбрали, как нам казалось, короткий путь. Шли по стволам и сучьям деревьев, лица хлестали колючие ветки, руки все были в ссадинах, но мы все-таки шли вперед, надеясь добраться до крате-

ра. Но... дальше пути не было. Скрепя сердце, сделали несколько снимков такого близкого, но недоступного кратера и повернули обратно.

Во все стороны от него расходились хребты. Однако и отсюда можно было видеть Охотское море и Тихий океан. Все вокруг пылало красками осени, а далекий горизонт был голубым-голубым.

Уже стемнело, когда мы вернулись в лагерь.

Хочется рассказать еще об одном местечке, где мы побывали.

Поселок Китовый, в трех километрах от Курильска, — конечный населенный пункт нашего путешествия. Раньше здесь находился китокомбинат. За поселком одно из интереснейших мест острова — Ин-Кито. Ветер и волны на узкой полоске побережья образовали скалы темно-коричневого цвета и причудливых очертаний. Но там, где есть небольшие наносы почвы, стелется по скалам редкое растение — родиола розовая, или «золотой корень», как его еще называют.

После Ин-Кито попадаешь на «шумящий пляж». Прибой, перекатывая круглые камни, создает своеобразный шум. Звуки прерываются пушечными ударами волн, бьющих в многочисленные подводные гроты... Эти зарисовки, конечно, не могут дать полного представления о сказочной красоте земли. Край очаровывает, потрясает.

А все же, какое оно — океан-море?

Всякое бывает: черное, блестящее, седое, серое, пенистое, пугающе-глубокое, игристое, глянцевое, ленивое, ревущее, зелено-страшное. И все же оно — голубое! Как нормальное состояние человека — счастье, так и естественный окрас губин — голубой.

Так что, если речь идет о цвете морской романтики, свидетельствую: по-прежнему голубая она, как океан; мечта, поднебесье...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

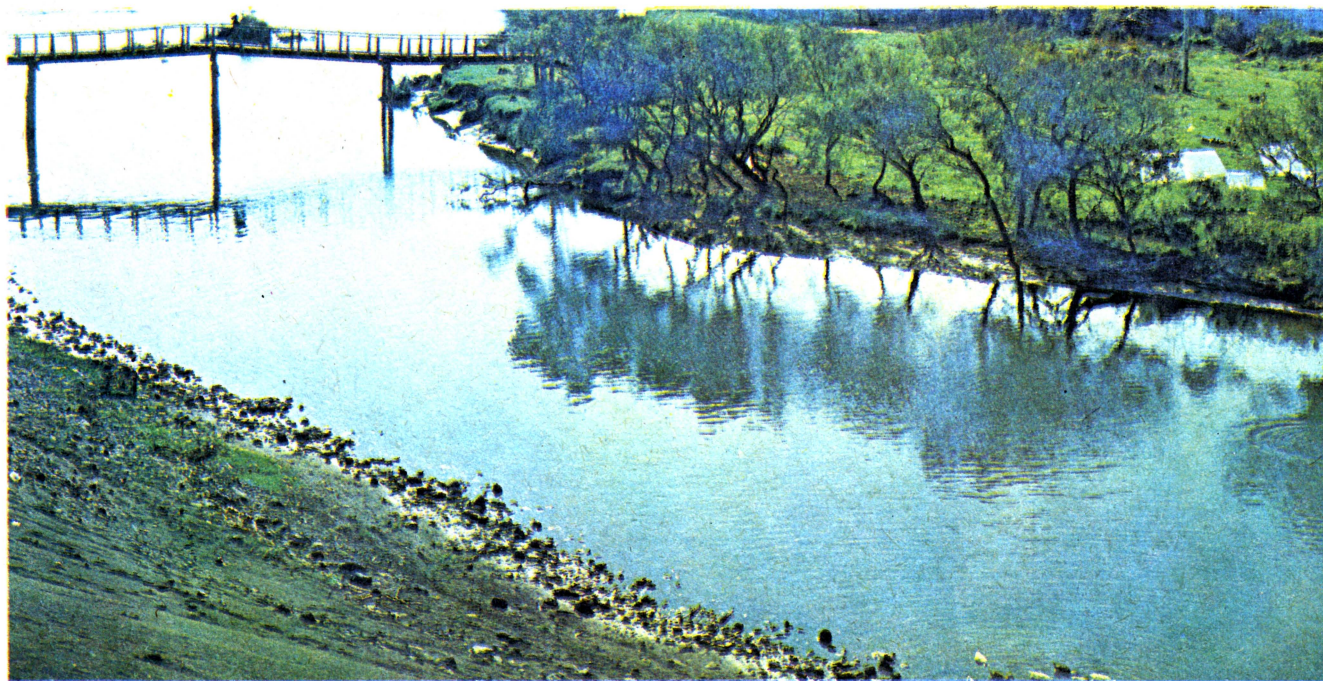


Океан и его острова.



«Чукотка» — в океане.

В зеркале летних вод.



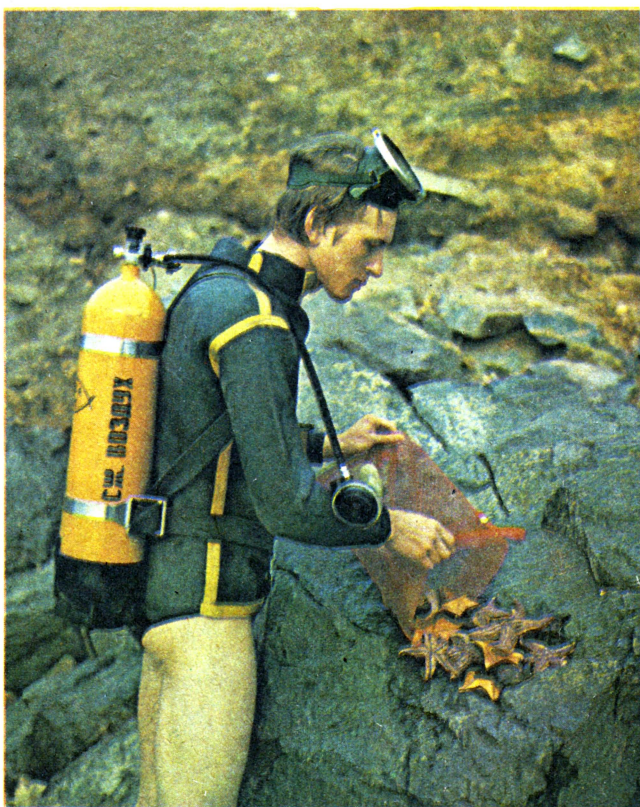


Идет горбуша!

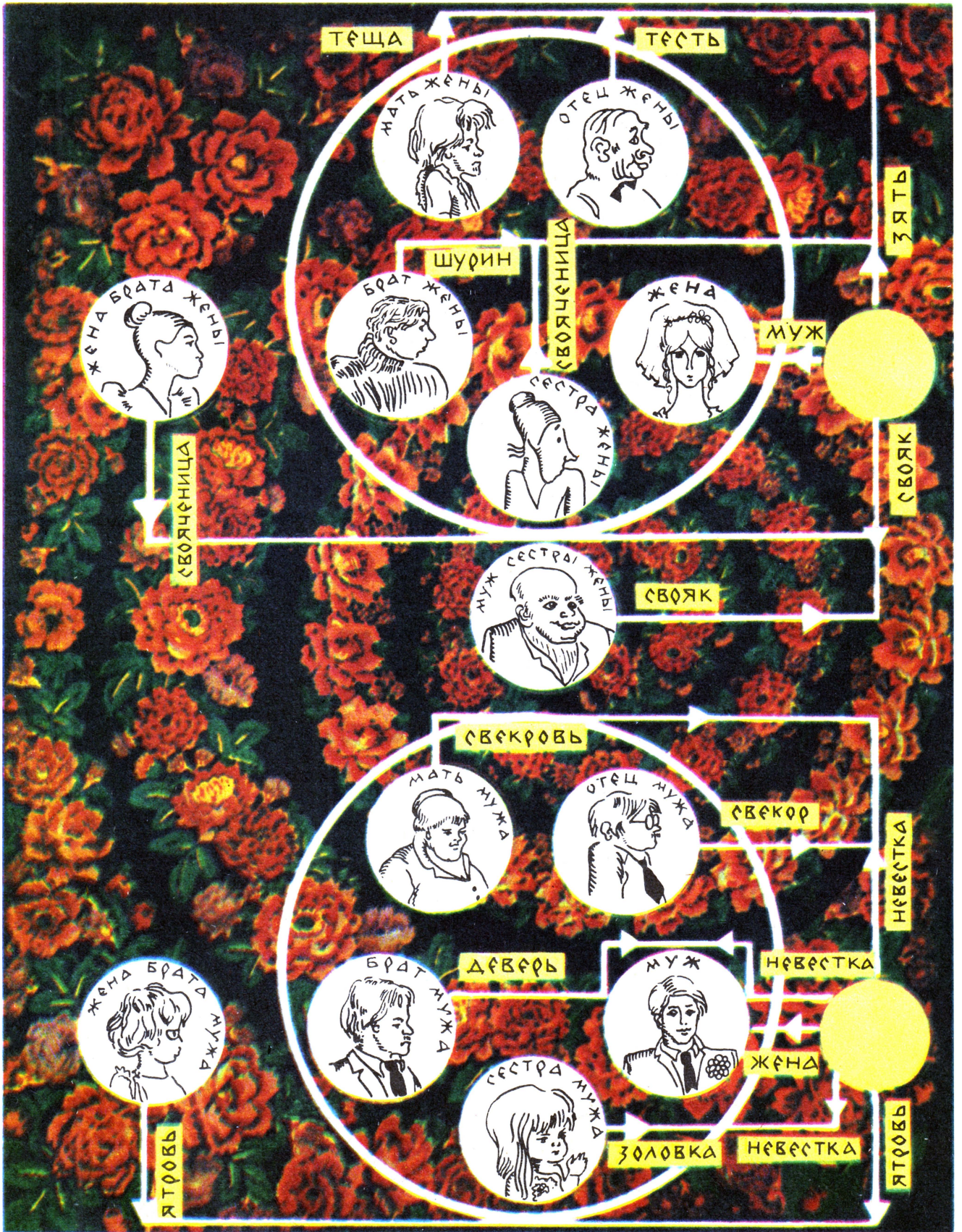


Чайки у себя дома.

У котиков отдых — работа.



Среди морских звезд.



КТО КОМУ КЕМ ПРИХОДИТСЯ



**Мария
РУТ**

Оформление
З. Баженовой

Есть старинная русская загадка: «Шуринов племянник — какая зятю родня?» Шуточный этот вопрос, как правило, заводит современного человека в тупик. И не потому, что для ответа требуется особая изворотливость ума, а потому, что далеко не каждый в наши дни не только что с племянником шурина разберется, но и какая зятю родня сам шурина не сразу ответит.

Как-то так уж получилось, что в наш сложный век стали мы потихоньку забывать о многих простых вещах. Забываем и народную терминологию родства. А ведь совсем недавно в больших крестьянских семьях каждый из членов ее имел не только имя, но и, так сказать, должность, да не одну. Какой-нибудь Ванюша сразу мог быть и сыном матушке с батюшкой, и братом брату с сестрой, и деверем братниной жене, и шурином сестрину мужу... А там, глядишь, женится Ванюша — сразу должностей прибавится: он и муж, он и зять, а потом и отцом станет... Словом, вся терминология родства на одном человеке сойтись может.

Кстати, по этому поводу в народе тоже загадки есть. Вот одна, вы ее, конечно, знаете: «Мать с дочерью, да мать с дочерью, да бабушка с внучкой, а всего — трое». А вот менее известная: «Два отца и два сына нашли три апельсина и разделили поровну, а каждому досталось по целому». Есть опять и про шурина с зятем: «Шли одной дорогой: муж с женою, брат с сестрою, шурина с зятем. Сколько их всего было?» (Конечно, снова трое).

В этих загадочках — и наивное желание запутать, и добрая усмешка, и, пожалуй, сознание многозначности, многосвязности каждого человека.

Давайте вспомним свои забытые семейные звания и должности, вспомним забытую терминологию родства.

Начинать надо, естественно, с самого начала. А начало — известно, какое: человек появляется на свет. Появляется — и самим своим рождением раздает чины и звания. Вчерашних девчонку с мальчишкой жалует званиями Матери и Отца. Выхрастого пятиклассника, мамини-

го братца, в Дяди произведет. Ну, и без Бабушек и Дедушек не обойдется. И себя не забудет: сразу окажется и Сыном, и Внуком, и Племянником. Только сам он о своей высокой миссии пока не подозревает — спит себе да прочими не менее нужными делами занимается...

Пройдут месяцы — и счастливые родственники впервые угадают в детском лепете свои высокие звания: Ма-ма, Па-па, Ба-ба... Слышите? Звучат первые слова Человека. Они же — одни из первых слов Человечества.

Именно термины родства — одни из тех слов, без которых человек не смог обойтись с самого начала, — ведь первым человеческим коллективом была семья. Поэтому в разных языках Европы большинство названий родственников звучат почти одинаково. Сравните: русское Мать, немецкое Mutter, французское Мере, латинское Mater, греческое Μῦτηρ, латышское Mate, или русское Брат, немецкое Bruder, латинское Frater, греческое Φράτηρ, древнеиндийское Bhrata. Или еще: русское Сестра, немецкое Swester, латинское Soror, готское Swistar, древнеиндийское Svasar. Правда, похоже? Значит, эти слова родились тогда, когда не было ни русского, ни немецкого, ни латинского, ни даже санскрита — языка Древней Индии. А был какой-то единый язык, в котором все эти слова возникли и который потом разделился, распался на известные нам сейчас языки. Можно представить, как давно это было, если сейчас европейские языки так не похожи друг на друга.

Кстати, именно опираясь на термины родства (правда, не только на них), ученые в свое время и доказали, что между языками тоже существуют родственные отношения. Мы сейчас так и говорим: языковые семьи. А Август Шлейхер, один из основоположников учения о родстве языков, называл древний язык-основу языком-матерью, а современные языки — языками-дочками. Заметьте: «мать» и «дочери», а не «отец» и «сыновья», потому что в родном языке А. Шлейхера, немецком, слово язык — женского рода.



Итак, термины родства — слова древнейшие. Что же означали они там, в древности? Откуда возникли?

Вслушайтесь еще раз: ма-ма, ба-ба, па-па, тя-тя, те-тя, дя-дя, де-да. Правда, очень удобные для малыша слова? Повторяются одни и те же слоги, нет трудных звуков вроде *p* или *ч, ц*. Впечатление такое, что все эти забавные слоги рождаются у малыша сами собой, печаяно. Большинство ученых считает, что первые термины родства и возникли из детского лепета. Лежит себе дитя в колыбельке, голос пробует, а родители решают: ма-ма — это маму называет, тя-тя-тя — отца называет, дя-дя-дя — дядю увидел...

Но есть названия, которые детским лепетом не объяснишь. Прежде всего это слово отец. Существует оно только в славянских языках — польском, чешском, болгарском. В немецком находим *Vater*, в латинском *Pater* — совсем другое слово. Правда, мы своих отцов называем папами, но это новинка. Еще и сейчас в деревнях говорят: «Папа — это по-городскому, а у нас тятей либо батей кличут». Слово папа сперва возникло в речи русского дворянства под влиянием французского *papa* и только в XIX—XX веках стало фактом живой народной речи.

Как же славяне называли своих отцов? Ну, со словом тятя (или тата) все ясно — еще один детский лепет. Слово батя, батко неясно ученым и сейчас. Одни считают, что батя как раз связано с латинским *pater*, только и озвончилось (в истории языков такие случаи бывают). Другие говорят, что это собственно славянское слово неясного происхождения.

А вот отец — случай, считающийся доказанным. Есть во многих европейских языках корень *at* со значением «старый». В славянских языках *at* изменилось в *ot* (это тоже закон: сравните латинское *sal* и русское *соль*). А *eu* — хорошо известный славянский суффикс (он есть, например, в словах мудрец, купец, глупец). То есть получается, что *ot-eu* — это то же самое, что *стар-eu*. Это не удивительно: ведь отец, как правило, старший в семье.

Можно установить древние значения и других терминов родства. Вот слово *сын*, очевидно, сначала означало просто «рожденный», *дочь* — «сосущая», *сестра* — «своя женщина» (то есть женщина из своей семьи). А вот для слова *брат* определить древнее значение ученым пока не удалось.

Далеко не все древние термины родства сохранились. В древнерусском языке, в XI веке, были слова: *негичи* — «племянник», *нестера* — «племянница». Похожие, однокоренные слова и сейчас есть в чешском.

словапком, сербском языках, было похожее слово в древнепольском. Явно связано с русским негичи латинское *перос* — «внук». Исходное слово, очевидно, значило «не свой, перодной», то есть «не сын». Теперь этого слова в русском языке нет. Зато появилось новое слово *племянник* — то есть нашего, того же роду-племени.

Где есть племянник, там есть и дядя. Казалось бы, слово дядя несомненно возникшее из детского лепета, должно быть очень древним. Но вот в древнерусском языке мы его не находим. Если и встречаются слова дядя, дедя, то они обозначают вовсе не дядю, а деда, дедушку. Что же, у древних русичей не было таких родственников? Еще как были. В древнерусском языке мы находим даже два слова, обозначающих дядю: *стрый* — дядя по отцу и *уй* — дядя по материнской линии. Интересно, что эти названия сохранились почти во всех славянских языках, а вот в русском почему-то исчезли. Зато слово дядя есть только у нас.

Как видите, жизнь самых древних слов не проста — исчезают одни, появляются другие, живут в веках третьи.

Но вернемся к нашему малышу. Допустим, что пока мы тут выясняли, кто такие отец-мать, дядя-тетя, он вырос, возмужал и задумал жениться, то есть взять себе жену. И в то время, как шумит веселая свадьба, давайте разберемся, откуда у нас слова муж, жена, жених, невеста.

Но прежде всего отметим, что с рождением новой семьи у нас рождаются и новые чины-звания. Только теперь это уже не термины кровного родства (родства по рождению), а термины свойства (родства по браку). О разнице этих двух понятий мы еще поговорим, а пока вернемся к виновникам торжества.

Итак, *женит*. С ним все ясно: жен-их — тот, кто жен-и-тся. А вот *невеста* — явление загадочное. О происхождении этого слова спорят до сих пор. Наиболее удачная разгадка — связь слова невеста с корнем *вед* — сравните: ведать, невежда. Предполагается, что *не-веста* — это — «неведомая, неизвестная», «та, которую не ведают, не знают». По древнему обычаю, жених действительно не знал своей суженой и часто впервые видел ее лишь на свадьбе. К тому же, по мнению древних, такое имя отпугивало злых духов от нового члена семьи.

Ну, а муж и жена первоначально означали не только супругов, а просто мужчину и женщину — это и более древнее значение. Слово *муж* образовано от того же корня, что и глаголы «мнить», «думать», и первоначально обозначало зрелого,

думающего, сознательного мужчину («не мальчика, но мужа»).

А в слове *жена* звук *ж* произошел из *г*, и корень здесь тот же, что в греческих по происхождению словах генетика, ген. Исходное значение слова — «рождающая».

Слово же *супруги* связано родственными узами со словами упряжка, запрягать и означает «впряженные вместе».

Итак, с главными терминами свойства мы разобрались. А вот с остальными — не обойтись без схем. Давайте посмотрим, какие термины родства рождаются вместе с рождением новой семьи.

(Посмотрите схемы на 4-й странице вкладки).

Вот видите, какая подробная терминология. Для всех названияе наплось. Вы, правда, можете спросить: а почему нет названия для мужа сестры мужа? А потому, что, выйдя замуж, сестра мужа из семьи уходит, вместе с родителями жить не будет — тоже станет невесткой для чужой семьи. «Выдана замуж — отрезанный ломоть», — говорит пословица. Так что золовушка — это либо девчонка, которой еще замуж рано, либо старая дева, которую никто замуж не берет. А поскольку при такой судьбе добрый характер иметь трудно, то считалось, что злее золовочки не бывает. Даже само слово золовка в народе часто связывают со словом зло, злой. Это, конечно, зря. Во-первых, золовки разные бывают (как и невестки), во-вторых, золовка — древнейшее слово. Правда, в древнерусском языке оно выглядело немного иначе — что-то вроде *злы, зьлва*, однокоренные слова встречаются во многих языках. Происхождение этого слова пока не установлено, однако есть одно объяснение, истолковывающее слово *золовка* как «веселая». Вот вам и злюка! Между прочим в других славянских языках есть очень ласковые названия для злой золовочки: сербские женщины своих золовочек называют *госпо* (то есть госпожа), *дівна, збатка*, в Болгарии золовку могут назвать *калина, малина, ябълка*.

Ну, а как обстоит дело с деверем? К нему обычно отношение более ласковое. «Деверь невестке обычной друг» — это пословица. Правда, есть и другая: «Села невестка праясть — берегите, деверья, глаз», но это уже в невесткин огород камушек. Опять же болгарки своих деверей зовут *драгичко* — «дорогой». Но и слово «деверь» хорошо сохранилось во всех славянских языках, есть сходные слова в литовском, латышском. В латыни деверь — *lever*, в древнеиндийском *deva, devag*. По происхождению слово это неясно, однако интересно, что в литовском языке его иногда сближают со словом «шутка, шалость». Вот так вот:

золовка — «веселая», деверь — «шалун». А народная мудрость все свое: «Лучше девять деверьев, чем одна золовушка!»

Ну, а уж когда речь пойдет о свекрови, тут и вовсе не до шуток. Известно: «Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища», «У лихой свекрови и сади глаза», «От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься», «Свекровка — крапива жалочая, свекор — змея подколотная». Правда, к свекру отношение более мягкое: «Лучше свекор, нежели свекровь».

Что *свекор* и *свекровь* слова однокоренные — каждому ясно. А вот какой это корень — проблема до конца не решенная. Одно несомненно: начальное *св* связано с «свой», «своя». Получается, что сестра и свекровь — слова в какой-то степени однокоренные. А вот дальше что — ученые спорят: одни говорят, что свекровь — это «своя кровь» (то есть просто «родственница»), хотя свекровь — как раз не кровная родственница. Другие истолковывают слово свекровь как «своя госпожа», «своя власть». Есть и такая точка зрения: свекровь — «имеющая свой очаг». Но все это пока только гипотезы. Обратите внимание, что речь идет прежде всего о свекрови: это не случайно — есть основания полагать, что свекор — более позднее образование. По-армянски, например, свекор называется *skesragt*, что так и переводится — «муж свекрови».

Ну, а теперь возьмем за невестку. Это-то слово сразу ясно: *невестка* — от невеста. Но невестку называют еще и снохой (как правило, снохой невестку зовут только свекровь и свекор, для деверя и золовки жена брата — только невестка). Причем невесткой зовут жену сына или брата только славяне, то есть это — сравнительно новое слово. А вот *сноха* — древнее название, имеющие параллели во многих языках Европы.

Насчет происхождения слова *сноха* существуют две наиболее распространенные точки зрения. *Сноха* — от сын, то есть «сыновья». Очень хорошо получается: ведь *сноха* и есть жена сына; только непонятно, куда девалось *ы* в слове *сын*. *Сноха* — «связанная» (копечно, не в том смысле, что бедную женщину связали по рукам и ногам, а в смысле связавшаяся с новой родней) от древнего индо-европейского корня *снec* — «вязать». Кстати, в русском языке есть заимствованное из немецкого языка слово *шнур*. Так оно того же древнего корня. Видите: *сноха* и *шнурок* — однокоренные слова.

А теперь о ятрови, или ятровке. Слово *ятровка* сейчас сохранилось только в говорах, да и то не везде. А жаль, ведь куда удобнее сказать:

«Она моя ятровка», чем «Она жена брата моего мужа». Термин этот в какой-то степени сохранился в украинском языке, есть до сих пор в белорусском (он в значении «невеста»), встречается и в других славянских языках. В русских говорах синонимом ятровки часто служит слово *сношеница* (от *сноха*). Например, во владимирских говорах *сношеницы* — жены братьев между собой.

Происхождение слова *ятровка* не установлено, хотя известно, что слово это — одно из древнейших. Тут даже и гипотез никаких нет: не знает никто, откуда взялось слово, — и все тут. Правда, одно объяснение все-таки есть: «одна из двух». Но совершенно непонятно, почему это предполагается, что ятровок может быть только две. А если братьев пятеро или семеро?

Ну, а теперь посмотрим, что делается в семье жены.

На первый взгляд, здесь терминология несколько не беднее, даже богаче. Но присмотритесь внимательнее. Термины-то повторяются: все свояки да свояченицы. И они сразу понятны — «свой люди», значит. А понятность словообразовательной модели слова, как правило, показатель того, что слово это новое, возникшее не так уж давно.

Слова *тесть* и *теща* — несомненно, более древние. Но и тут есть оговорка: предполагается, что первичное значение этих слов «родные», «родимые», и, скорее всего, корень тут близок к корню в слове *тятья*. Получается, что значение «родители жены» тут вторичное, позднее, а сперва эти слова означали своих родителей, кровных родственников. Такой переход значения нас не удивит: сейчас как раз принято родственников мужа или жены называть так же, как своих: свекровь зовут мамой, свекра папой, золовку в русских деревнях называют сестрицей, деверя братчиком... Но это все явления вторичные, поздние. Значит, и слова *тесть*, *теща* в их известном сейчас значении возникли не так уж давно, ну, веков 15—20 тому назад.

А вот *зять* и *шурин* — слова древнейшие. *Зять* сопоставляют с тем же корнем, что и в слове *жена*. В латинском языке это особенно заметно: там *зять* — *генег*. А *жена*, как вы помните, значит «рождающая». Слово же *зять* значит что-то вроде «родной», то есть то же, что и *тесть*. Кстати, в древних языках *зятем* могли называть и *тестя*. Очевидно, это был какой-то общий термин, обозначавший родство с семьей жены вообще.

Шурин, или *шур*, *шуряк*, ученые сближают с корнем *šip* — «шить, вязать» (слово *шить* — того же корня). Помните, *сноха* тоже означало «связанная»?

Надо сказать, что отношение к семье жены было более спокойным. Это и понятно: *зять* с семьей жены не жил, только в гости наезжал — особо делить тут вроде бы нечего было. Однако и тут свои проблемы были: «Тесть любит честь, *зять* любит взять, а *шурин* глаза *шурит*». Или еще: «*Зять* да *шурин* — лепаш вас судит». Но опять же: «Что мне *тесть*, когда свой дом есть». Правда, и *теща* с *тестем* могут в гости нагрянуть: «*Теща* в дом — все вверх дном». «*Теща* в гости катит — *зять* из дома бежит». Ну, сами понимаете, если начать перебирать все половицы про *тещу* — об остальных родственниках забыть придется. Справедливости ради только напомним, что для *тещи* тоже возможно гуманное отношение к *зятю*: «*Теща* про *зятя* все масляно стряпят». Правда, может, «не ради *зятя*-собаки, ради милого дитяти», ведь «*зять* *теща* — *жена* *мать*». Поэтому знай не *геряйся*: «Не жалей *тещи*на добра, *колупай* *масло* *пилом*».

В *схемы* не уложилось еще два термина: *сват* и *сватья* — родители мужа по отношению к родителям жены и наоборот. Сейчас мы думаем, что эти слова образованы от глагола *сватать*. А на самом деле как раз наоборот. *Сватать* — делать сватами, *сватьба* (так раньше писалось слово *свадьба*) — когда приобретают себе *сватов*. А что же такое *сват*? Это опять же образование от корня *св* — «свой». *Сваты* — значит, свои, справить *свадьбу* — стать своими.

Итак, есть у нас кровное родство и свойство. Надо сказать, что в народе постоянно подчеркивалась разница между кровными родственниками и свойственниками: «Два брата на медведя, а два свояка на кисель». И даже юридически кровное родство ценилось гораздо выше. Хотя была у этого и обратная сторона: «Аже убьют мужь то мьстити брату брата либо отьцю, либо сыну, либо браточаду». Это из «Русской правды» Ярослава Мудрого, из древнейшего русского свода законов. А переводится это так: если убьет человек человека (а убийцу не найдут), то казнить его брата, или отца, или сына, или племянника (так можно перевести древнерусское слово *браточадо*). Так вот. От этого *жутковатого* закона ведет, очевидно, начало половица: «Брат за брата головой в уплату». *Шурину* за *зятя* голову не отрубят.

Вот такая она, терминология родства. Древняя и для каждого когда-то новая, всем известная и забытая, для каждого ясная и никем не разгаданная. А пока мы с вами с ней разбирались, у Ванюшиного *шурина* племянник родился. И скоро снова зазвучат впервые древние слова Человечества...

ПУСТЬ БУДЕТ РОМАНТИКА!

● Письма с фронта бывших учеников — самые ценные экспонаты 41-й тбилисской школы. Давно нет в живых директора школы Екатерины Васильевны Месхи, которой писали молодые солдаты, изменился у школы номер... А письма-треугольники в музее хранятся. «Быть может, здесь, в кавказских горах, подам я первую команду «Огонь по врагу!» Хорошо бы дожить до такой команды у ворот Берлина...» — так писал выпускник школы Эвальд Хитров, и эта вера в победу была во всех солдатских письмах.

● Работа учреждений культуры с народностями Северного Сахалина пока еще не имеет традиций. Тем ценнее опыт следопытов Дворца пионеров города Оха-на-Сахалине, руководит которым А. С. Колозовский. Они записывают древние обычаи нивхов, собирают фольклор и предметы древнего искусства этой народности, национальные костюмы, причудливые орнаменты, музыкальные инструменты.

● Пять-шесть тысяч человек посещают ежегодно музей калининградской школы № 43. Музею присвоено звание гвардейского. План военно-патриотической работы следопытского отряда систематически утверждает командир шефствующего над ним подразделения Калининградского гарнизона.

● «Кон-Тики» младший

Необычной конструкции плот, на котором установлен парус с изображением сияющего солнца, начал свой путь в Новосибирске: здесь его сделали, опробовали на реке, придумали ему название — «Кон-Тики». Младший... А «Кон-Тики» старший, как известно, был у знаменитого путешественника-морехода Тура Хейердала. Построили плот и стали членами его экипажа учащиеся новосибирской школы № 11, руководит ими учитель физкультуры Олег Валентинович Маркин. В экипажи брали всех, кто доказал, что умеет доводить дело до конца. Плот, построенный ребятами, уже побывал в дальнем плаванье — по Азовскому и Черному морям. Желающих плавать на «Кон-Тики» становится с каждым годом все больше, и сибирским школьникам предстоит создать целую «плотилию»...

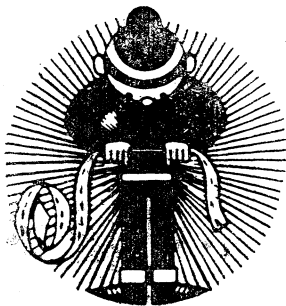
● Белорусская «Бригантина»...

Интересно посмотреть макеты парусников времен Петра I... С них начиналась история отечественного флота, о которой рассказывают экспонаты музея 30-й минской школы. Представлен здесь и первый русский боевой корабль «Орел», и первый линкор, построенный в 1712 году, и легендарный «Варяг», и крейсер «Аврора»... Есть даже знаменитый гончаровский фрегат «Паллада» — правда, лишь на фреске. Клуб «Бригантина» не только изучает историю военно-морского флота и собирает экспонаты для школьного музея: макеты кораблей, навигационные приборы, реликвии морской славы. В распоряжении ребят есть и свой малый флот. В летние каникулы на Заславльском водохранилище они спускают на воду шлюпки и отправляются в плавание.

● ...и уральская «Каравелла»

Много лет назад тогда еще начинающий писатель Владислав Крапивин собрал компанию ребят из своего двора и повел в турпоход. Была компания — стал отряд: с четкой дисциплиной, со своими командирами, с интересными делами, из которых ближе всех ребячьему сердцу — морское дело...

С тех пор прошло много времени. Имя детского писателя Владислава Крапивина широко известно у нас в стране и за рубежом, его книжки выходят одна за дру-



СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф



гой, он стал лауреатом премии Ленинского комсомола. А свердловский отряд «Каравелла» отметил нынче двадцатилетие. Давно повзрослели первые члены отряда. Другие ребята приходят в «Каравеллу» — учатся управлять парусниками, снимают фильмы, занимаются фехтованием, пишут заметки, потому что «Каравелла» — это еще юнкоровский пост журнала «Пионер» и газеты «Пионерская правда». Инициатива, романтика, товарищество, дисциплина — по этим законам живет отряд.

● Пионерская почта

Во все концы страны идут письма, посылки и бандероли со штемпелем... детской почты. Единственная в Советском Союзе пионерская почта вот уже девятнадцать лет работает в степном селе Гайдар на целиноградской земле. Ребята здесь сами сортируют почтовые отправления, принимают и отсылают письма и телеграммы. У пионерской почты есть свое светлое здание, у ее служащих — спецформа, сделанная по особому заказу.

Об истории создания почты и ее работе рассказывают экспонаты музея, созданного тоже ребятами. Здесь и подарки от пионеров из города Дессау в ГДР, где бывали юные почталомы, и Почетные грамоты ЦК ВЛКСМ, и, конечно, на самом видном месте — обыкновенный почтовый штемпель с необыкновенной надписью: «с. Гайдар, Атбасарский район, Целиноградская область, Казахская ССР. «Пионерская почта».

● Маршрут, пройденный дважды

Чтобы сбить из винтовки самолет — такое, наверно, за всю большую Отечественную войну было раз-два, и обчелся... Как это случилось? Летел над деревней Лунев в Калужской области вражеский самолет-разведчик. Летел низко, стараясь рассмотреть подробнее, что там внизу. А внизу стоял 234-й полк 75-й кавалерийской дивизии. И кавалеристы открыли огонь по самолету из винтовок. От чьего-то выстрела самолет загорелся, стал падать... У летчика, выбросившегося с парашютом, конники нашли в планшете карту. На карте-трехверстке по-немецки обозначены деревни, лесные массивы, речные переправы... В штабе полка нанесли на карту русские названия, и тогда же начал появляться на ней красный пунктир — им прочерчен путь, пройденный кавалеристами 75-й дивизии весной и летом 1942 года.

Уже в наши дни прошли заново путь, отмеченный на старой карте, следопыты Новосибирского сельского профтехучилища № 25. Карту передал поисковой группе бывший командир 234-го кавполка Максим Иванович Безруков. Воспоминания жителей сел, партизан, участников кавалерийского рейда пополнили экспонаты музея, который создан в училище.

● Кто служил на «Авроре»?

Этот поиск начался с экскурсии в музей истории Горьковского автозавода. Ребята из военно-патриотического отряда «Овод» внимательно читывались в документы — нет ли среди названных в них имен тех, которые им нужны? Дело в том, что комсомольская организация Горьковского автозавода с 1931 года шефствует над крейсером «Аврора»; и вот юные автозаводцы из отряда «Овод» решили найти всех горьковчан, служивших на легендарной «Авроре». Сотни их земляков прошли службу на крейсере. Кто они, как сложились их судьбы, в какие годы они служили — это и решили установить следопыты. Свой поиск они посвящают пятидесятилетию заводской комсомольской организации.

● Старое боевое знамя

Не один год по всей стране разыскивали новгородские следопыты солдат и офицеров 102-й Новгородско-Померанской стрелковой дивизии. Поначалу дивизия формировалась как 65-я Забайкальская, — кровью многих сибиряков полита новгородская земля.

Спустя почти четыре десятилетия приехали ветераны 102-й гвардейской стрелковой в места бывших боев. Каждая пядь мирной и цветущей ныне земли напоминала им о пожарищах и грохоте орудий, о погибших однополчанах. Низко поклонились старые солдаты братским могилам... А в музее Новгородского кремля ожидала их встреча со святыней — со знаменем родной дивизии, у которого они давали присягу, с которым шли в бой.

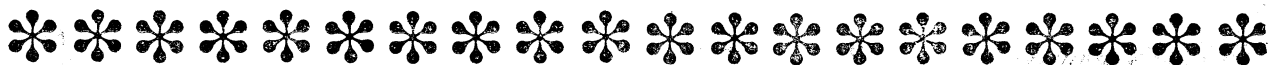
● Та самая трасса...

Эта интересная экспозиция открыта в одном из помещений элеватора в городе Камне на Алтае. Долгие годы собирала документы и материалы для нее начальник лаборатории Мария Александровна Никулкина, а посвящены они жизни и деятельности инженера-конструктора Юрия Васильевича Кондратюка, впервые подробно разработавшего вариант экспедиции на Луну и рассчитавшего полет четырехступенчатой ракеты в межпланетное пространство.

«Когда ранним утром я следил на мысе Кеннеди за стартом ракеты, уносившей корабль «Аполлон-9» по направлению к Луне, я думал в этот момент о русском Юрии Кондратюке, разработавшем ту самую трассу, по которой предстояло лететь трем нашим космонавтам...» — находим мы в воспоминаниях американского ученого Джона Хуболта. Именем Кондратюка назван один из лунных кратеров.

Кстати, рубленый элеватор, без единого гвоздя, в городе Камне тоже рассчитан и построен Ю. В. Кондратюком. Он строил зернохранилища, равных которым по емкости не знала мировая практика. Он проектировал крупнейшую ветроэлектростанцию...

Талантливый ученый не дождался претворения своих проектов в жизнь. Когда грянула война, он пошел добровольцем на фронт. Ю. В. Кондратюк погиб в начале 1942 года, защищая подступы к Москве.





ЦАРИЩЫН

Кир БУЛЫЧЕВ



I.

Некогда, при царе Алексее Михайловиче, Нижнесотвинск чуть было не стал настоящим городом. Но постепенно другие уральские города отобрали у него население и славу. Рудознатцы не отыскиали там железа и самоцветов, а железная дорога прошла на сто верст

южнее. Так, в обидях и небрежении, Нижнесотвинск дожил до наших дней, едва выслужившись до районного центра. И то лишь потому, что район был слишком отдаленным: в нем не нашлось больше ни одного города.

Когда Элла Степановна сошла с запыленного автобуса на центральную площадь, она прониклась к Нижнесотвинску состраданием. Он показался ей похожим на старую деву, потерявшую надежду на личное счастье.

Элла Степановна поправила непокорные рыжеватые волосы и обернулась к автобусу, опасаясь, что Андрияша и Вениамин обязательно что-нибудь забудут. В экспедиции кто-то должен следить за порядком, а кто-то должен все терять. К сожалению, за порядком приходилось следить Элле, а все теряли остальные.

На размякшую от жары, штопаную асфальтовую мостовую легко прыгнул Андрияша с двумя чемоданами и гитарой через плечо. Элла Степановна подумала, что, будь она его матерью, обязательно заставила бы постричься. Выгоревшие, до плеч, патлы в сочетании со слишком потертыми джинсами вызывают к юноше недоверие.

Андрияша поставил чемоданы на асфальт, глубоко вздохнул, обвел ленивым синим взглядом площадь, окруженную разного возраста и сохранности двухэтажными домами.

— Помоги Вениамину,— сказала Элла Степановна.

Вениамин как раз застрял в двери автобуса, заклинившись рюкзаком, и старался освободиться, не потеряв чувства собственного достоинства. Он был крайне самолюбив и легко раним, как и положено аспиранту, который отлично играет в шахматы, но всю жизнь мечтал стать боксером.

Андрияша вместо того, чтобы помочь старшему товарищу, глупо захохотал. Спасибо, старушка, которая ждала очереди выйти из автобуса, сильно толкнула Вениамина в спину, и тот вылетел прямо в руки Андрияше. Тут же резко вырвался и намеревался обидеться, но Элла Степановна мудро пресекла эту попытку, спросив:

— Где синяя сумка?

— Я так и знал,— сказал Андрияша и полез в автобус.

Рядом уселся местный доброхот Гриша Пантелеев в белой фуражке. Пантелеев был пессимистичен.

— Нет,— говорил он, прихлебывая теплое пиво.— До Ручьев вам не доехать. И не надейтесь. Это я точно говорю. Легче обратно в Свердловск. Я как-то в Ручьи собрался, за малиной, малина там — как яблоки, три дня попутки ждал, плюнул. И вам советую.

— Разве туда машины не ходят? — спросила Элла Степановна, которая была убеждена, что машины ходят всюду.

— Ходят,— согласился Гриша.— Прямо отвечу — ходят. Молоко оттуда возят, в кружевную артель машина ходит. Ревизия в том месяце ездила, тоже на машине.

— Почему ревизия? — спросил Андрияша.— Воруют? Пантелеев удрученно поглядел на Андрияшины патлы и ответил Элле Степановне:

— Темный они там народ. Уже третий раз скандал. Молоко привезут, а вытрясти не могут.

— Простокваша? — спросил Андрей.

— Масло,— ответил Пантелеев Элле Степановне.— Чистое масло. Наверное, вредители.

— Дорога плохая,— сказал Вениамин.— Происходит сепарация жиров.

— Дорога разная,— возразил Пантелеев.— Но вернее всего — воруют. Клюкву видали? Клюкве, как помидор. За чем это клюкве?

— А сегодня больше машин туда не будет? — спросил Вениамин.

Вениамину Пантелеев отвечал. Вениамин был в очках.

— Не надо вам туда,— сказал он.— Раз вы песни и сказки собираете, оставайтесь здесь. Лучше места нету. Посидим, поговорим, я вам такие песни спою — ахнете! Я узбекские знаю и итальянские. Композитора Пахмутову пою. Хотите, исполню? Магнитофон с собой?

— Спасибо, не надо,— сказала Элла Степановна терпеливо.— Нижнесотвинск уже охвачен. Нас интересует именно фольклор Полуехтовых Ручьев.

— Это последнее белое пятно на фольклорной карте Урала,— добавил Вениамин.

КЛЮЧ

Повесть

Рисунки Е. Стерлиговой

Через полчаса фольклорная экспедиция сидела в столовой № 1 Нижнесотвинского райпищеторга, ела пельмени, запивала компотом и размышляла, что делать дальше.

Последние восемьдесят километров до Полуехтовых Ручьев оказались самым трудным участком тысячекиллометрового пути. Автобус туда не ходил, попутных машин не нашлось.

— Понимаю,— сказал Пантелеев,— как не понять. Пускай остаются белым пятном. Чего их жалеть? Вы лучше послушайте...

И Пантелеев запел бодрую молодежную песню, размахивая не в такт пивной кружкой. Девушка за буфетной стойкой крикнула:

— Пантелеич, уймись!

— Мы фольклор собираем,— возразил Пантелеев.—

Сейчас все вместе споем, а экспедиция на магнитофон запишет. Ты, Вера, слова знаешь?

Он поднялся, отошел к стойке и стал напоминать буфетчице слова.

Вениамин пожал плечами. Андрюша сказал:

— Может, сбежим? Я с шоферами на площади толкую. А то пешком пойдем. Восемьдесят километров — не расстояние для энтузиастов.

— Убежим, — согласилась Элла Степановна.

Но тут дверь в столовую распахнулась, и вошли два человека.

Первый, с толстым портфелем в руке, был высок ростом, немного сутул и предупредителен в движениях. Даже в такую жару он оставался в темном костюме, сиреневой сорочке и вишневом галстуке. У него было длинное, очень белое лицо, ровно расчерченное поперечными полосками — полоской рта, полоской усиков, полоской темных глаз и полоской тонких, сросшихся над переносицей бровей.

Вслед за ним шел богатырь в мятых просторных брюках и серой рубашке с закатанными рукавами. У богатыря было розовое младенческое лицо, голубые глаза навывкате и мокрые губы. Пшеничные кудри прилипли ко лбу.

Они подошли к стойке и остановились перед ней, как нью-йоркские миллионеры перед витриной ювелирного магазина — небрежно, лениво, все по карману, все доступно.

— Рыбки не привезли? — ласково спросила буфетчица.

— Рыбки нету, Вера, — печально ответил высокий.

— Гурген спрашивал, — сказала Вера, глядя на богатыря.

Богатырь оттеснил локтем Пантелеева и приказал:

— Печенья «Юбилейного» три пачки, полкило лимонных, бутылку шампанского. Гургену скажешь, что в четверг. — Потом обернулся к высокому и спросил: — Эдик, шампанское будешь брать?

И тут в разговор вмешался Пантелеев.

— Слушай! — закричал он взволнованно. — Все правильно! Я же предупреждал!

Богатырь, не обращая на него внимания, раскрыл бумажник и стал считать деньги.

— Ты не отворачивайся, не отворачивайся, — обиделся Пантелеев. — Люди из Свердловска к тебе ехали, с трудом разыскали.

Богатырь вздрогнул, захлопнул бумажник, швырнул взглядом по столовой и вперил его в экспедицию.

— Вы к Васе? — спросил высокий Эллу Степановну.

— Я им так и говорю, — сказал Пантелеев. — До Ручьев вам в жизни не доехать. Нет такой сказки. Если только, говорю, Эдуард Иванович с Васей захватят.

— Вы из Полуехтовых Ручьев? — догадалась наконец Элла Степановна. — И у вас есть машина?

Губы Эдуарда Ивановича растянулись в улыбке.

— В гости? — спросил он. — Или по делу?

Богатырь Вася приоткрыл рот, думал и показывал выражением лица, что экспедиция ему не нравится.

— Мы — фольклорная экспедиция, — сказала Элла.

— Нет, — сказал Вася, — наша машина вам не подойдет.

— Ты что! Ты что! — возмутился Пантелеев. — Они песни собирают. Я тут им одну напел.

— Нам все равно! — вмешался Андрюша. — Хоть на танке.

— Танков у нас нет! — высокий Эдуард Иванович направился к Элле, протягивая узкую руку. — Но чем можем, готовы помочь. Всегда готовы. Винокуров, Эдуард Иванович, временно проживаю в деревне Полуехтовы Ручьи. Можно сказать, местная интеллигенция. Значит, за песнями?

— За песнями тоже. — И Элла представила ему спутников.

— Это изумительно, превосходно! — обрадовался Эдуард Иванович. — У нас в деревне чудесные песни. Старухи помнят. И молодежь тоже. Надолго к нам?

— На месяц, если все пойдет, как надо.

— Спасибо, — сказал Эдуард Иванович, — нашей науке, что не забывает об отдаленных поселениях. У нас и сказки бытуют. Или вы сказками не интересуетесь?

— Груз у нас в кузове, — сказал богатырь Вася. — Тесно.

— В тесноте, — назидательно обернулся к нему Эдуард Иванович, — но не в обиде. Элле Степановне уступим место в каюте. Товарищи, вы закончили питание?

— В любой момент готовы в море, — не выдержал Андрюша.

Элла Степановна окатила его холодным взглядом, Вениамин толкнул острым локтем, а Эдуард Иванович положил на плечо руку и сказал:

— Замечательно. Отличная у нас растет молодежь, смелая, решительная! Ты в какой класс перешел?

— На второй курс, — сказал Андрюша и осторожно двинул плечом. Эдуард Иванович руку убрал и посмотрел на электронные часы.

— Сбор на площади, — сказал он. — В семнадцать сорок пять. Успеете, коллеги? Где ваше оборудование? Приборы? Багаж?

— Все здесь, — нежно ответила Элла Степановна. — Только вы без нас не уезжайте, пожалуйста.

Брови Эдуарда Ивановича поползли вверх, остановились, сломались пополам, лицо стало скорбной трагической маской.

— Не смейте так думать! — сказал он тихо. — Пошли, Вася.

Богатырь Вася прижал к груди пачки с печеньем и шампанское и повернул к фольклористам неодобрительную спину.

Элла гусиной увела своих юношей обратно к столу, а Пантелеев покинул стойку и, высоко неся пивную кружку, приблизился к ним:

— За здоровье присутствующих здесь дам! И... что бы вы без меня делали?

Тогда Андрюша достал из кармана значок с изображением Карлсона, который живет на крыше, и торжественно приколот к груди Пантелеева. Тот не обиделся, выпятил грудь, чтобы Андрюше было сподручнее прикалывать, и косил глазом, забыв о кружке, из которой лилось на пол пиво.

2.

Грузовик из Полуехтовых Ручьев стоял у приземистого кирпичного собора, над которым кружились галки. Из-за зеленого борта кузова торчали крышки молочных бидонов. Вениамин подавал снизу вещи, Андрияша забрался внутрь и принимал их, а Элла Степановна вслух считала, чтобы ничего не забыть. В голове Вениамина зрело элегантное решение известной задачи Шлеппентоха с жертвой двух коней, но он отгонял решение и старался дышать редко и глубоко по рецепту йога Рамакришнадэвы.

Подошли Эдуард с Васей. Они тащили за рукоятки еще один бидон. Эдуард издали помахал свободной рукой, радуясь встрече. Вася глядел вдаль. Поставив бидон на асфальт, они перевели дух, и Эдуард Иванович спросил:

— Мы вас не заставили ждать?

— Что вы! — возразила Элла Степановна. — Не о чем говорить.

— Замечательно! Через двенадцать минут — в путь. Элла Степановна в каюте, а я с молодыми людьми на верхней палубе. Возражений нет?

— Я пошел, — сказал Вася.

— Замечательно. Иди. И возвращайся. Даю тебе четыре минуты.

Эдуард Иванович обернулся к Элле и разъяснил:

— Обязательные закупки. Жизнь в отдаленной деревне обрекает нас на выполнение отдельных поручений наших земляков.

— Разумеется, — согласилась Элла Степановна.

— А теперь, — Эдуард Иванович потер ладони, — наша насущная задача — поставить бидон в кузов так, чтобы его не опрокинуть. Могу ли я рассчитывать на помощь моих молодых коллег?

Андрияша ринулся к бидону, но Вениамин отстранил его.

— Я сам, — сказал он. Сказал сурово, просто, по-мужски.

Андрияша не стал спорить, он вспомнил, что забыл купить сигарет, и помчался через площадь к магазину — патлы веером, а Эдуард Иванович крикнул весело вслед:

— Имеешь три минуты! Море не любит опоздавших! — Есть, капитан! — ответил на бегу Андрияша.

Эдуард Иванович поднял тяжелый бидон, протянул к небу, будто посвящал его в жертву Солнцу, а Вениамин, перегнувшись из кузова, принял груз. При этом он сильно рванул на себя, подошвы скользнули, Вениамин сел в кузов, крышка бидона отлетела, сам бидон ухнул по мягкому, придавив аспиранта, и на несколько секунд грянуло тяжелое безмолвие неизвестности.

Тишину нарушил стук капель. Темная жидкость, пролившись между досок кузова, выбивала дробь по асфальту, расплываясь в зловещую чернильную лужу.

— Кровь, — прошептала Элла Степановна. — Человеческая кровь.

Шепот ее был громок и страшен. Кричали галки.

— Нет, — ответил, тоже шепотом, Эдуард Иванович. — Это, наверно, не кровь...

Из кузова донесся удар, потом слабый голос Вениамина:

— Почти ничего не пролилось.

— Ты поврежден? — спросила Элла Степановна, поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через борт. Эдуард Иванович обнял женщину и приподнял.

— Спасибо, — сказала Элла, не оборачиваясь. Все ее внимание было устремлено внутрь кузова.

— Я цел, — сказал Вениамин, закрывая бидон.

Он поднялся. Элла в ужасе запрокинула голову.

Лицо Вениамина было разделено пополам широкой черной вертикальной полосой, которая продолжалась на рубашке и, раздваиваясь, нисходила по брюкам. Руки были черными по локоть.

— Что с тобой, мой мальчик? — Элла Степановна отпрянула, и Эдуард, который продолжал держать ее на весу, был вынужден отступить на два шага.

— Это вытекло из бидона, — сказал Вениамин. — Во всем виноват только я один.

— Вы должны были предупредить, — сказала скорбно Элла Степановна и поняла, что находится в воздухе. — Опустите меня!

Эдуард Иванович подчинился и перевел дух.

— Я хотел вам помочь, — сказал он.

— Надеюсь, — сказала Элла Степановна, — Вениамину надо умыться.

Эдуард хмыкнул.

— Ничего смешного, — сказал Вениамин.

— Я не смеюсь. Но придется потерпеть до реки, — сказал Эдуард. — Километра через два. Это спиртовая тушь. Отмывается, простите, с трудом. Василий весь запас в канцелярском магазине купил.

— Спиртовая тушь? Это еще зачем? — спросила Элла Степановна.

— Пузырьками покупали, — сказал Эдуард. — Целое состояние. Вася будет переживать. Он полы красить хотел.

Вениамин смотрел на свои ладони и страдал. Он был сам себе противен. Разве нормальный человек обливает себя спиртовой тушью из молочных бидонов?

В этот момент с разных концов пустынной раскаленной площади, увязая в асфальте, показались Василий и Андрияша. Андрияша нес блок сигарет, Вася — детскую эмалированную ванночку. Вслед за Васей семенил маленький человек в большой кепке и с пачкой денег в руке. Увидев Вениамина, человек присел и бросился назад. Василий сбился с шага и на секунду прикрыл ванночкой лицо. Но Андрияша узнал Вениамина почти сразу.

— Не пижонь, Веня! — крикнул он. — Не надо!

Испуганные галки вились над колокольней кирпичного собора.

Вдали показался милиционер и, приставив ладонь козырьком к фуражке, всматривался в фигуру на грузовике.

— Придется, простите, спрятаться, — сказал Эдуард Иванович. — Будешь на полу сидеть. Тебе уже все равно, а люди пугаются.

Василий остановился, не доходя до машины, и мрачно спросил:

— Все вылили?

— Самую малость, — сказал Эдуард. — Пузырьков десять.

— На что только мы не идем ради красоты,— сказал Андрюша.— Это сливки?

— Замолчи,— сказала Элла Степановна.— И посмотри, не облил ли Вениамин вещи. Он сейчас в таком состоянии...

Василий, передав Андрюше ванночку, взобрался на подножку, заглянул в кузов и сказал:

— Рублей на пять, как минимум.

— Мы заплатим, не беспокойтесь,— сказала Элла Степановна.

— Не надо,— сказал Вениамин.— Плачу я.

— Вот и превосходно, замечательно!— веселым голосом воскликнул Эдуард Иванович.— Свистать всех наверх! Через минуту отдаем концы!

3.

У моста через речку Сотьву простояли полчаса. Эдуард Иванович оказался прав. Тушь была спиртовой, качественной, стойкой. Ни мыло, ни песок ее не взяли. Полосы и пятна на Вениамине лишь слегка потускнели.

На дне кузова тушь засохла и блестела. Солнце отражалось в ней, как в бездонном омуте.

Наконец поехали дальше. Андрюша и Эдуард Иванович стояли, держась за кабину. Вениамин сидел в углу и делал вид, что читает в оригинале роман Агаты Кристи.

После сельца Красное дорога сузилась. По сторонам потянулись вековые ели, которые закрывали дорогу от опускавшегося солнца. Иногда стена елей прерывалась голубым озером, подпиравшим стену скал. Впереди показался каменный мост через ручей. Мост был стар и удивителен. Его ограждали перила на точеных столбиках, а на въезде, охраняя мост, щерились каменные львы ростом с дворнягу.

— Остановитесь!— завопил Андрюша.— Немедленно остановитесь!

Машина судорожно дернулась, тормозя. Дверца кабины распахнулась, оттуда высунулось розовой луной злое лицо Васи.

— Чего еще?— спросил он.

— Наш юный друг,— разъярил Эдуард Иванович,— увидел достопримечательность.

Андрюша, прижимая к животу камеру, перемахнул через борт грузовика.

— Ехать надо,— сказал Василий.— Темно будет.

— Ничего,— возразил Эдуард Иванович,— объявляем пятиминутный привал на свежем воздухе. Вениамин, рекомендую провести повторную очистку лица в этом изумительном ручье.

Вениамин покорно спустился к ручью. Эдуард Иванович подал руку Элле, помогая выйти из кабины. Василий сидел за рулем и глядел вперед. Андрюша кружил по мосту, под мостом, вокруг моста, выискивая точки для съемки.

— Откуда это могло произойти?— крикнул Андрюша.

— С дореволюционных времен,— сказал Эдуард Иванович.— В литературе об этом сведений мне не удалось отыскать.

— Очень похоже на восемнадцатый век,— сказала

Элла Степановна, поглаживая льва по озлобленной морде.— Наивно и провинциально.

— Здесь и была провинция,— согласился Эдуард Иванович.— Может быть, сам Полуехтов поставил.

— Кстати, кто такой этот Полуехтов? Почему деревня ваша так странно называется?

— Местный помещик, майор,— сказал Эдуард Иванович.— О нем ходит множество сказок.

Вениамин вернулся от ручья.

— Великолепно, замечательно,— обрадовался Эдуард.— Лучше, намного лучше.

— Еще сорок ручьев,— сообщил Андрюша, перемаывая пленку,— и можно выпускать в свет.

Когда поехали дальше, Василий, который раньше упрямо молчал и даже не глядел на Эллу Степановну, вдруг обернулся к ней и сказал:

— Он не просто майор, а секунд-майор.

— Вы о ком?— спросила Элла.

— О Полуехтове, о ком же еще? У нас полдеревни Полуехтовы.

— А давно он жил?

— До революции.

— У вас сохранились старожилы?— спросила Элла, которая любила работать со старожилами.

— Есть один, который помнит,— сказал Василий.— Только не станет он с вами говорить.

— Переубедим,— возразила Элла Степановна.— У меня достаточный опыт. Как его зовут?

— Григорием.

— А фамилия?

— Не знаю. Не говорил он мне своей фамилии.

И хоть Василий не улыбался, смотрел вперед, в голосе его Элла Степановна интуитивно почувствовала издевку. Почувствовав, замкнулась и прекратила расспросы.

Машина выехала на каменное покрытие. Торцы были уложены полукругами, ровно, словно на площади немецкого городка. Грузовик сразу прибавил скорости, покапал веселее.

Андрюша вытянул вперед голову и сказал:

— Одна тайна набегает на другую. Кто мог ожидать?

— А что там?— спросил из угла кузова Вениамин.

— Торцовая мостовая. Это тоже майор-помещик ба- ловался?

— В этих местах помещики не жили,— сообщил Вениамин.— Слабое развитие сельского хозяйства.

Солнце скрылось за синим длинным облаком. Встречный ветер стал зыбким, резким, словно спереди открыли дверь в холодильник. Грузовик дребезжал, ревел, одолевая подъемы.

— А эта дорога только до Ручьев?— спросил Андрюша.

— Дальше пути нет. Тайга, болото, горы,— сказал Эдуард Иванович.— Край света. Так и живем.

Вениамин стал кашлять. Надрывно и скучно. Ему было стыдно, но остановиться он не мог. Эдуард Иванович достал из верхнего кармана пиджака пачку таблеток и спросил:

— Без воды сможешь проглотить?

— Смогу,— сказал Вениа.

— Глотай. К утру пройдет. У меня здесь дисквали-



фикация наступает. Воздух чистый, никто не болеет. И я, фельдшер, по совместительству руковожу культурой.

Василий включил фары. Лесная синь сразу поглотила тайгу.

Через несколько минут машина выкатилась на вершину холма, и впереди в распадке показались уютные, теплые огоньки. Грузовик замер, словно Василий хотел, чтобы его пассажиры ощутили бесконечную благодатную тишь этого вечера.

И вдруг в эту тишину вплелся, не нарушая, а лишь подчеркивая ее совершенство, далекий ясный девичий голос, который пел нечто сказочно печальное, трогательное и нежное.

Голос был лесным, он принадлежал вечеру и небу, луне и первым звездам, шуршанию листьев вековых берез у дороги.

— Что это? — прошептала Элла Степановна.

Василий не ответил. Достал папиросы и закурил, стараясь не шуметь.

— Няяда, — сказал Андрияша, поднимаясь в кузове и всматриваясь вперед. Он был не чужд сентиментальности.

— Шуберт, — сказал Вениамин. — Си-минор.

— Наша, — улыбнулся Эдуард Иванович, и его зубы блеснули голубым. — Ангелина. Занимается у меня в самотельности. Должен отметить, что она отлично закончила сельскохозяйственный техникум и недавно вернулась в родные края. Изумительная у нас молодежь.

Этой фразой и резким голосом Эдуарду Ивановичу удалось нарушить очарование сказки. Грузовик скатился с холма, вызвав негодование собак, миновал крайние дома,

потом Эдуард Иванович постучал в кабину, веля Василию остановиться перед высоким, серебряным от старости бревенчатым домом.

— Здесь мы вас и разместим, — сказал Эдуард Иванович. — Школа у нас начальная, — добавил он, спускаясь на землю. — Небольшая, в данный момент находится в состоянии ремонта. Клуб активно используется молодежью, сам я размещаюсь в здании клуба, в одной комнате. А этот дом доступен. Семья невелика, а от скромной мзды никто не откажется... Вам гостиницу оплачивают?

Эдуард Иванович выразительно поглядел на Эллу Степановну. Ему вообще нравилось глядеть на нее под различными предлогами.

— Мы, разумеется, заплатим, — сказала Элла.

— Лучше к деду Артему, — сказал Василий.

— Нет, мой друг, у Артемия Никандровича антисанитарные условия. Утверждаю как медик. Здесь же... Ты не будешь спорить, если я скажу, что этот дом скрупулезно чист?

Из темноты послышался дребезжащий голос:

— Журнал «Вопросы истории» привез?

Небольшого роста человек стоял неподалеку, Андрияша разглядел острую, клинышком, седую бороду из-под кепки.

— Привез, Артемий Никандрович, — сказал Эдуард. — Познакомься, это гости к нам, экспедиция.

— Экспедиция нам не помешает, — сказал старичок. — Хоть пользы от нее мало.

— Артемий Никандрович — наш краевед, хранитель природы, — сказал Эдуард Иванович.

Старичок поклонился. Об этом можно было догадаться по тому, как бородака совершила резкое движение вниз, исчезла, закрытая кепкой, и возникла вновь.

— Эколог,— поправил старичок.— Балуемся экологией. Это точ-на. Давай журнал.

Эдуард Иванович отыскал журнал в портфеле, а старик вместо благодарности проворчал:

— Ты с Василием поменьше общайся. Ты — интеллигенция, а он — жулик. Точ-на! Взятки детям дает.

— Заткнись, дед,— сказал Василий.

— Не заткнешь. Правду не заткнешь.

— А какие взятки? — вмешался нетактичный Андрюша.

— Шутка это,— сказал Эдуард Иванович.— Вася рыбкой балуется. Уху любит. Самому некогда, так он детям подарки за рыбку привозит. Рыбка у нас славная.

— Ущипу все любят,— донесся из темноты голос.— Это точ-на. Только смотря в каких количествах. Доберусь я до тебя, Василий.

— Иди ты! — озлился Вася.

— Уже ушел,— сказал дед издали.

И снова воцарилась тишь. Где-то далеко хлопнула дверь, выпустив человеческий голос и звук краковяка. Взбрыкнула собака, другая быстро, словно спросонья, ответила ей...

Вдруг тишину разорвал, смысл и отбросил страшный нечеловеческий крик:

— Омниамеамекумпоррррто!

Этот пронзительный крик прокатился над деревней, погрузив ее в оторопь, заставив притаиться все живое, загнав в конуры собак, прозвенев стеклами окон... Некоторое время он еще дрожал в воздухе, затем, с сожалением выпустив из своих тисков деревню, нехотя откатился к горам.

— Что это?! — ахнула Элла Степановна.

— Не волнуйтесь... Не надо... — Эдуард Иванович обернулся к застывшему у грузовика Василию: — Он вернулся. Понимаешь?

— Да,— ответил Василий.— Побегу,— добавил он и тяжело затопал в темноту.

— Что же это? — спросил Андрюша, которому казалось, что он совсем не испугался.

— Не обращай внимания,— сказал Эдуард.— Это местный фольклор.

— Нет,— сказал Вениамин.— Это было живое существо, находившееся в состоянии душевного стресса. И мне показалась знакомой эта фраза... Я ее где-то слышал.

Эдуард Иванович бросил на аспиранта быстрый взгляд:

— Где, не припомнишь?

Постепенно мирные звуки вечера возвращались в деревню. Собаки негромко обменивались впечатлениями, вновь заиграло радио. Деревня делала вид, что ничего не произошло.

И тут со стороны леса, подходившего к самой окрестности, в воздухе материализовалась тонкая белая фигура, которая плыла над сырым выгоном.

Первым эту бесплотную фигуру увидел Вениамин, тихо ахнул и быстро отступил за машину. Он, разумеется, не верил в привидения, хотя в тот момент был склонен поверить во что угодно. Но даже и поверив, Веня никогда

бы не спрятался за машину, не будь на нем безобразных следов черной туши.

Движение Вениамина и даже побудительные причины его не укрылись от Эдуарда Ивановича, который пригляделся к белому призраку и с видимым облегчением воскликнул:

— Ангелина! Гелечка! Мы ждем тебя. Глафира еще не возвращалась?

— Добрый вечер, Эдуард Иванович,— сказала привидение.— Мамы нету. А что?

— Гости приехали из Свердловска. Я подумал, подумал и решил, у вас в доме свободно...

— Пускай живут,— сразу сказала Ангелина.

Она остановилась совсем рядом с Андрюшей, и тот, хоть и было совсем темно, смог разглядеть девушку. Она была высока ростом и крепка в кости. Светлые волосы падали на плечи, а тело загорело настолько, что почти скрывалось в темноте, сливаясь с воздухом, лишь сарафан, белки глаз и зубы были видны отчетливо и, казалось, фосфоресцировали.

— Вы заходите,— сказала девушка.

— Это вы пели? — спросил Андрюша.

— Она, она,— сказал Эдуард Иванович.— Чудесный голос. У меня в ансамбле участвует. В институт готовится.

— Ну что вы,— сказала девушка,— зачем?

— Это был Шуберт,— раздался голос из-за грузовика.

— Кто там? — спросила Ангелина.

— Это наш сотрудник,— сказал Андрюша.— Он сегодня замаскирован под зебру и не хочет пугать местное население.

Вениамин громко скрипнул зубами.

Эдуард Иванович запустил руку в кабину.

— Это от Васи,— сказал он.— Гостицы. Печенье и шампанское.

— Не надо,— сказала Ангелина.

— Не хочешь? Ну и превосходно, изумительно,— обрадовался Эдуард Иванович.— Причаливайте, друзья мои. Завтра нам предстоит большой день.

Элла Степановна с Андрюшей приняли от Вениамина, который забрался в грузовик, вещи и понесли их в дом. Два последних чемодана достались Вене.

— Идите,— сказал Вениамин.— Я потом.

Ангелина прошла в дом первой. Она сразу принялась за хозяйство — делала все быстро, споро, но без спешки, сама ничего не говорила, только отвечала на вежливые вопросы Эллы Степановны. Андрюша тем временем достал колбасу, консервы и вызвался помочь Геле накрыть на стол, но его помощь была отвергнута.

Девушка Андрюше понравилась. И тем, что была высокой, одного роста с ним, и легкостью движений, и чистотой спокойного лица, и скромностью. Пока закипал чайник, Андрюша отнес на холодную половину белье и часть вещей — там, на двух кроватях, будут спать они с Вениамином. Элле Степановне постелили за тонкой перегородкой рядом с большой комнатой.

Только когда Геля собрала на стол, Элла спохватилась:

— Андрюша, где Вениамин? Неужели опять что-то случилось?

— Кует себе железную маску,— сказал Андрюша и пошел искать аспиранта.

Вениамин сидел на крыльце, рядом стояли чемоданы. Он смотрел на звезды и переживал.

— Слушай, здесь ночевать бессмысленно,— сказал Андрюша.— Я ее подготовил, сказал, что ты принадлежишь к особому племени. Выходцы из Африки, вы давно и неудачно скрестились с норвежцами...

— Ах, оставь,— сказал Вениамин.— Ты не понимаешь, она так поет Шуберта, я просто не могу. Побуду здесь. А когда свет потушат, пройду.

— Да ты хоть сейчас можешь пройти. Из сеней налево, не надо в дом входить. Я тебе уже и простыни положил. А чаю попьешь?

— Нет, не хочется,— ответил Веня так, словно отказывался от счастья.

— Ясно,— сказал Андрюша и вернулся в дом. Веня проскользнул вслед за ним и укрылся в холодной горнице, не зажигая света.

Он был искренне растроган, когда через полчаса Андрюша принес чашку с горячим чаем, бутерброд с колбасой, но главное — таз и чайник с кипятком. Веня скреб лицо и руки мочалкой, и в темноте ему казалось, что краска поддается, покидает лицо, и вода в тазике темнеет.

Вернулся Андрюша, зажег свет и сказал, что с тушью наблюдается прогресс. Он улегся и долго не засыпал, рассказывал Вениамину, что будет готовить Ангелину к институту, что ее мать, Глафира, — здешний бригадир. Вениамин ревновал. Так и не увидев Гелю, он уже влюбился в ее чистый голос и склонность к романтике — иной человек не будет гулять в одиночестве по околице и петь Шуберта. А вдруг она ждала Василия?

— Я теперь понимаю, почему Василий не хотел, чтобы мы в этом доме остановились,— сказал, засыпая, Андрюша. Будто угадал мысли Вениамина.

4.

Утром Вениамин проснулся первым. Солнце только встало и било в маленькое оконце. На соседней кровати, такой же, как у Вениамина, с блестящими шарами на спинке, на высокой перине безмятежно спал Андрюша. Было очень тихо, лишь опоздавший улететь на покой комар жужжал под темным дощатым потолком.

Вениамин поглядел на часы. Половина шестого. Неладно, подумал он. Слишком тихо. Должны кричать петухи, лаять собаки, мычать коровы... Странная деревня. Что означал вчерашний вопль? Он как будто нес в себе послание, смысл которого мог открыться лишь Вениамину. Но почему Вениамину?

Додумать Вениамин не успел. Раздался глухой короткий удар, словно выстрелила пушка.

Андрюша, не поняв, что его разбудило, вскинулся, сел в постели и растерянно спросил:

— Что? Где?

Вениамин не ответил. Он слышал другое: удар оказался сигналом, открывшим дверь утренним звукам,—

закричал петух, откликнулся другой. Отчаянно забрехала собака, замычали коровы и запели птахи.

Андрюша помотал головой и нырнул под одеяло.

Вениамину уже не хотелось спать.

Он поднялся, нашел свое полотенце, зубную щетку и пошел искать, где бы умыться. Все житейские удобства он отыскал в нежилой половине дома, откуда вела лестница вниз, к хлеву, в котором зашевелились, увидав его, овцы. Кто-то открыл загородку, выпуская овец, и Вениамин спрятался за углом, потому что был в майке и стеснялся своих тонких бледных рук. А когда он, уже в рубашке и брюках, причесанный и цивилизованный, вышел на двор, там было пусто.

Калитка громко скрипнула, выпуская Вениамина на улицу.

Улица была широкой, зеленой, и посреди нее, будто ручей, струилась пыльная дорога. Дома стояли вольно, обнесенные высокими заборами. Но чтобы никто не подумал, что здесь живут люди замкнутые и скучные, наличники окон, коньки крыши и даже столбы ворот и калиток были резными, а кое-где и раскрашенными.

Улица сбегала к реке и на полпути пересекалась с другой. На перекрестке темнела купа лип, и Вениамин подумал, что такая купа для деревни нетипична. Туда он и направился.

Но остановился на полдороге.

Из купы деревьев не спеша вышел большой бурый медведь, огляделся, наклонил морду, отгоняя собачонку, выскочившую из-под забора, потом медленно затрусил в сторону, вскидывая задом.

Вениамин замер. Дальше идти нельзя. Медведь мог подстергать его за углом. Но что-то надо было делать, ведь в деревне женщины и дети, не подозревающие о страшном звере...

Вид узкой спины Вениамина, которая неуверенно покачивалась в проеме калитки, насторожил проснувшегося и также вышедшего на разведку Андрюшу.

— Эй,— сказал он, дотрагиваясь до плеча аспиранта.— Ты что?

Вениамин странным образом подпрыгнул и обратился к Андрюше дикий взор.

— Там ходят медведи.

— Где ходят медведи? — удивился Андрюша.

— По улице. Я сам видел.

— Надо принимать меры,— сказал Андрюша и побежал к дому. Он еще вечером обратил внимание на ружье, висевшее над диваном в горнице, и теперь сорвал его со стены, подхватил патронташ, сломал ружье о колено, вогнал в оба ствола по патрону. Элла Степановна заворочалась за занавеской, и Андрюша на цыпочках выбежал из комнаты.

Вениамин все так же покачивался в калитке, не зная, что делать. Он отступил в сторону, пропуская Андрюшу, и побежал следом, говоря на бегу:

— Это же чужое ружье! Разве можно брать без разрешения?

— Некогда размышлять,— отвечал Андрюша.— Медведи и волки покоряются только грубой силой!

Из калитки дома, поновее других, покрашенного желтой краской, с голубыми наличниками и красной крышей,

выбежали двое мальчишек лет по семи. Они замерли, увидев, как по улице несется приезжий человек в голубых залатанных штанах и майке с изображением гитары, длинные его патлы развеваются по ветру, а в руках — ружье. А вслед за ним — второй приезжий, поменьше ростом, в городском костюме, с очками на кончике острого носа. Мальчишки присоединились к бегущим.

— Опасность! Все по домам! — крикнул им Вениамин.

Мальчишки по домам прятаться не стали, но крик Вениамина встревожил деревню, и к окнам вдоль всей улицы тут же прилипли женские и старушечьи лица.

Андрюша выбежал на перекресток, и в этот момент из углового дома с надписью «Магазин» вышел бурый медведь. Он зловеще облизывался, и Андрюша с отчетливым замиранием сердца понял, что опоздал — зверь уже успел кем-то полакомиться.

Поднявшись на задние лапы, словно пританцовывая, медведь надвигался на него. Андрюша нащупал курки и нажал на них. Ружье сильно отдало.

Медведь схватился лапами за грудь и, заметавшись, повалился назад, уселся в пыль. Он заревел тревожно и глухо.

Андрюша старался вспомнить, куда он сунул запасные патроны. Тщетно! Тогда он перехватил ружье за дуло, чтобы действовать им, как дубиной. Тем временем медведь снова поднялся, шерсть на груди была опалена выстрелом. Он грозно надвигался на студента. Андрюша понял, что надо бежать, но не успел.

Тяжелые когтистые лапы обхватили его.

Короткая и в целом счастливая жизнь промелькнула перед его глазами, начиная с первых детских воспоминаний о купании в ванночке и кончая последним, не очень удачным экзаменом по латинскому языку... Андрюша потерял сознание.

Медведь, заграбастав охотника, прижал его к широкой бурой груди и, подвывая, понес через площадь.

Увидев его спину, Вениамин понял, что не может оставить товарища в смертельной опасности. Он бросился за медведем и, догнав его, ударил кулаком в спину. Топтыгин даже не обернулся. Он тащил Андрюшу к старому, покосившемуся дому с шестью колоннами, сделанными из вековых бревен и когда-то покрашенными в белый цвет. На ступеньки этого дома медведь и бросил свою жертву.

Вениамин оглянулся, чтобы призвать на помощь людей или отыскать какое-то оружие, но в этот момент со стороны леса послышался громкий треск, и к дому подкатил мотоцикл с коляской, которым управлял мальчик лет двенадцати в больших темных очках, закрывавших ему пол-лица. В коляске сидела грузная пожилая женщина в черной шаля.

Медведь, услышав, как тормозит мотоцикл, обратился к нему оскаленную морду и заревел оглушительно и обидно.

Грузная женщина выбралась из коляски, обвела взглядом собравшуюся толпу, к которой присоединился уже и встрепаный, в пижаме, Эдуард Иваныч, затем остановилась перед медведем.

— Ну! — сказала она. — Нельзя уехать на день? Чего натворил?

Медведь, продолжая стонать, завопил лапами у груди, показывая женщине на рану.

— погоди, — сказала женщина. — Не кричи на всю деревню. Не маленький.

Медведь замолчал, лишь его частое дыхание разносилось над площадью.

— Кто тут нахулиганил? — спросила женщина и перевела взгляд с распростертого Андрюши на Вениамина, сделавшего шаг вперед.

Мальчишка, которого аспирант недавно прогонял, спасая от зверя, вынес ружье и протянул грузной женщине.

— Вот, тетя Глафира. Они с ним бегали, — он показала на Вениамина. — И стреляли.

— Мое ружье, — сказала женщина. — Где взяли?

Андрюша шевельнулся, приоткрыл глаза, медведь покосился на него, и он послушно смежил веки.

— Все ясно, — сказал Эдуард Иваныч. — Это даже изумительно. Это просто великолепно. Я несу полную ответственность. Разрешите представить, Глафира Сергеевна, экспедиция из Свердловска. Приехали собирать народные песни. Интеллигентные, милые люди, фольклористы... Остановились у вас.

— Милые, говоришь? — удивилась грузная женщина. — Утащили ружье, стреляют на улицах. Фольклористы! Ни минуты больше я их здесь не потерплю!

— Простите, — сказал Вениамин, стараясь обойти медведя так, чтобы приблизиться к Андрюше, о котором все забыли. — Это недоразумение. Мы увидели хищника и бросились спасать. Вокруг женщины и дети, как же вы не понимаете?

Объявленный хищником медведь заревел так, что Вениамин отступил снова, а Андрюша сжался в комок.

— Отойди, — сказала Глафира медведю. — Думать нужно, чужие люди, фольклористы, и пристрелить могут. — Медведь отходить не стал, но замолчал. — Эдик, у тебя мазь от ожогов есть? Займись зверем.

— Я не ветеринар, — ответил Эдуард Иваныч. — На это Ангелина есть.

— Боишься? — спросила Глафира Сергеевна. — Миша, заходи в дом, фельдшер тебе рану промоет.

Медведь глубоко вздохнул и, переступив через Андрюшу, пошел в дом.

— Я подчиняюсь силе, — сказал Эдуард Иваныч.

— Подчиняйся, — сказала Глафира Сергеевна. — И учти, что Миша пострадал на работе.

— Бюллетеня выписывать не буду, — буркнул Эдуард Иваныч, запахнул пижаму и пошел вслед за медведем.

Андрюша, поняв, что опасность миновала, сел и схватился за голову. Голова гудела.

— Что? — холодно спросила Глафира Сергеевна. — Ранен? Тоже помощь нужна? погоди, сначала Мишу починят, потом тебя.

— Нет, — сказал Андрюша. — Спасибо. — Он встал. Его американская майка с гитарой была разорвана, а из джинсов выдран значительный клоч.

— Поймите, — сказал Вениамин, — мы действовали из лучших побуждений. Мы совершили естественный благородный поступок.

— Ладно, — сказала Глафира Сергеевна. — Дома разберемся.

5.

Элла Степановна узнала о драматических событиях только за чаем, который пили впятером: Глафира Сергеевна Полуехтова, бригадир колхоза, фактически руководительница деревни Полуехтовы Ручьи, ее внук Коля, тот, что приехал с нею на мотоцикле, и члены фольклорной экспедиции.

— Ну как,— повторял Вениамин,— как мы могли догадаться, что медведь ручной?

— Не ручной,— возразила Глафира Сергеевна.— Он на работе.

Она налила чаю в блюдце, шумно потянула.

— На нем не написано,— Андрюша уже оправился от потрясения, но аппетит к нему еще не вернулся, потому он сидел на диване и штопал джинсы.— Кем же он работает?

— Из пушки стреляет. Больше некому,— сказала Глафира Сергеевна.— Мужиков в деревне недобор, все на работах, а традиции, сами понимаете, надо поддерживать.

— Вы хотите сказать, что у вас есть пушка?— Элла Степановна почему-то не так удивилась необычной работе медведя, как действующей пушке в далекой деревне.— Настоящая? Это же опасно.

— Без пушки мы, простите, не можем,— сказала Глафира, с наслаждением хрустя рафинадом.— Пушка у нас уже двести лет стреляет.

— А если вы в кого-нибудь попадете?

— Холостыми стреляем,— возразила Глафира Сергеевна.— Нам союз охотников выделяет черный порох. По безналичному расчету.

— А почему медведь?— спросил Вениамин.— В других деревнях тоже все заняты...

— В других деревнях с пушками плохо,— сказал Андрюша, перекусывая нитку.— Очень мало пушек в других деревнях.— Он обернулся к Глафире Сергеевне:— А пушка старая?

— Пушка старая,— сказала Глафира Сергеевна. Андрюша ей не нравился. Неопрятен, не стрижен, бегаёт по деревне с чужим ружьем.— Из пушки за двести лет ни в кого не попали, а ты, голубчик, в первый же день медведя покалечил.

Элла Степановна достала блокнот.

— Глафира Сергеевна,— сказала она.— Пожертвуйте еще пять минут. Вы утверждаете, что традиция уходит корнями в глубокое прошлое. В легендарное прошлое...

— Не в легендарное, а в историю. Майор Полуехтов постановил сигнал давать, вот и тянется... Вы уж простите меня, в правление пора, звонка ожидаю из района. Советование по льноводству в области, на кого хозяйство оставляю?

Глафира выпрямилась, развела широкие плечи, свела к переносице соболиные брови.

— Я пошла, а вы уж больше не самоуправничайте, мало ли чего натворите, фольклористы.

— Простите,— сказала Элла.— Мальчики хотели творить добро.

Глафира Сергеевна надела сапоги, старый мужнин

китель и ушла в правление. В доме остался Коля, смысленный, синеглазый, белобрысый.

— Хотите, про пушку расскажу?— сказал он.

— Нам бы лучше услышать это от твоей бабушки,— сказала Элла Степановна.— Ближе к источнику.

Коля прошелся по комнате, остановился у лавки, на которой лежал фотоаппарат Андрюши.

— Светосила вас устраивает? У этих «юпитеров» она маловата.

— Чего?— спросил Андрюша.— Ты откуда знаешь?

— Я «канон» предпочитаю, японский,— сказал мальчик.— С «никконом» резковато получается.

— Ага,— согласился Андрюша.— Резковато, значит? И откуда у тебя «канон» и «никкон»?

— Ясное дело, из Японии,— сказал Коля.— Легенду то о пушке будете записывать? А то мне идти пора.

— Запишем,— сказал Андрюша. Мальчик ему по нравился. Живой ребенок, не стесняется, водит мотоцикл...

Андрюша включил магнитофон. Коля покосился на кассету, откашлялся и медленно заговорил, придавая голосу басовитость:

— Дело было еще до революции. Здесь стояла крепость, которая охраняла Россию от викингов и французов. Вениамин отложил учебник португальского языка, протер очки.

— Как же сюда викинги добирались?— спросил Андрюша.

— Не перебивай, пленку зря тратишь,— сказал Коля.— С моря добирались, через тундру, тайгу, рвались к Свердловску. Во главе крепости стоял майор Полуехтов, мы тут полдеревни Полуехтовы, в его честь. Это был отважный офицер, гвардеец, пленец Петра, и он сюда попал за то, что был участником героического восстания декабристов.

Голос Коли окреп, он ходил по комнате и махал руками.

— И вот однажды, когда весь гарнизон спал, утомленной борьбой со стихией, в разгар бури, к крепости подкрались фашисты. Примерно полк фашистов из дивизии «Мертвая голова».

— С танками?— спросил Андрюша.

— Еще одна перебивка, и я кончаю рассказ,— пригрозил Коля.— И вам никогда не узнать, чем все кончилось.

— Молчу,— сказал Андрюша.

— Так вот... фашисты тихо подкрались к крепости, только поляна отделяла их от гарнизона. Еще один бросок — и путь на Свердловск открыт. Но в этот момент раздался залп пушки! Майор Полуехтов вскочил с походной раскладушки и бросился во двор. Солдаты за ним. И что же они видят? В воротах еще дымится пушка, а подле нее бурый медведь. Сотни фашистов валяются замертво. Тогда Полуехтов закричал: «Эскадрон, сабли наружу! За мной!» И бросился в атаку. Бой был неравным, и все защитники крепости пали смертью храбрых. Только и фашисты все погибли. Вся дивизия «Мертвая голова». Вот и все.

— Как все?— удивился Андрюша.— А как же пушка и медведь?

— Пушку оставили как память о Полуехтове. Можете поглядеть, она в дрезьях стоит, на площади. И постано-

вили, чтобы медведь с тех пор каждое утро приходил и стрелял в честь подвига майора. Но это не сказка, а уже в самом деле.

— Как слабо поставлено здесь преподавание истории,— сказала Элла.

— Мифотворчество,— сказал Вениамин.— Современное мифотворчество. Майоры, фашисты, даже город Свердловск.

— Что же я, не понимаю, что мифотворчество? — обиделся вдруг мальчик.— Я не хуже вас знаю, что фашистов здесь не было. Разве это что-нибудь значит?

— К сожалению, ничего не значит, Коля,— согласилась Элла Степановна.— Спасибо тебе за интересный рассказ.

— Пожалуйста,— успокоился Коля.— Я пойду. У меня дел много.

Он достал из-под лавки большую спортивную сумку с надписью «Олимпиада-80», перекинул ее через плечо, от дверей сказал:

— Обедать если будете, то к двенадцати-тридцати, как штык.

Андрюша сменил кассету.

— Челуха,— сказал он.— Ребенок нас разыграл.

— Это не так и важно,— сказал Вениамин.— Зато мы присутствуем при рождении фольклора.

— Меня волнует другое,— сказал Андрюша.— Пушка существует, а медведь из нее стреляет. И это не легенда.

— Нет, не легенда,— согласился Веня.— Помочь тебе джинсы зашивать?

— Зачем? Лишняя дырка им не помешает.

Дверь скрипнула, возник Эдуард Иванович.

— Доброе утро,— сказал он радостно.— Должен вам сообщить, что Мишка в полной безопасности. Я промыл ему раны. С риском для жизни. Вы слышали, Элла Степановна, о событиях сегодняшнего утра?

— Слышала,— сказала Элла.— Простите нас.

— Я этому Мишке не доверяю,— сказал Эдуард Иванович.— Это зверь большой хитрости и коварства. У него взгляд преступника.

— Но все-таки из пушки стреляет,— сказал Андрюша.

— Элементарная, простите, дрессировка. Я сам видел, как зайцы в цирке стреляют. Там шнур висит, а Мишка за него дергает. Вот и вся тайна.

— Нет, Эдуард Иванович,— сказала Элла.— Я не согласна с вашим отношением к этому животному. Это красивая и древняя традиция. А традиции надо беречь.

— Да какая там древняя! Приблудился медведь, может, из зоопарка сбежал. А если бы он, простите, задрал вашего молодого сотрудника? Что бы вы сказали в Академии наук?

— Она бы промолчала,— ответил за Эллу Андрюша.— Потому что иной участи я не заслуживаю.

— А я в вашем поступке усмотрел благородство,— не согласился Эдуард Иванович.— Так вы не забыли, что нам пора с деревней познакомиться? Как, Элла Степановна, не возражаете?

— Я не пойду,— сказал Андрюша.

— Это еще почему? — удивилась Элла Степановна.

— Мне пленки разобрать надо.

— Молодому человеку стыдно выходить на улицу. И я его понимаю, ох как понимаю,— закучинился Эдуард Иванович, и Андрюше стоило больших усилий не ответить.

6.

Элла Степановна шла посередине. Справа Эдуард Иванович, слева Вениамин. Андрюша поглядел им вслед в окно и подумал о том, что Элла, к сожалению, в присутствии Эдуарда расцветает. Хотя фельдшер явно того не стоит. При внешних и душевных качествах начальницы экспедиции можно отыскать себе поклонника интереснее.

Андрюшин недобрый взгляд не смог пронзить оконное стекло, и потому Эдуард Иванович ничего не почувствовал. Он описывал местные достопримечательности, элегантно поводя руками и стараясь показаться более осведомленным, чем был на самом деле.

Эдуард Иванович попал в Полуехтовы Ручьи всего полтора года назад в поисках тихого места, где можно передохнуть от приключений бурной и не всегда счастливой жизни. И хоть он устроился здесь надолго, даже собирался откупить дом у тех Полуехтовых, от которых в деревне осталась только бабка Федора, хоть хор, которым он руководил не без энтузиазма, выезжал уже на районный смотр самодеятельности и получил там диплом с золотым обрезом, все же он оставался в Ручьях чужим не только потому, что местные жители считали его таковым, но и потому, что в жизнь деревни он не особо вглядывался, истории ее не знал и ею не гордился. Однако переезжими Эдуард показывал себя старожилом и единственным в деревне интеллигентом.

— Дома у нас вековые,— говорил он.— Бревна с возрастом только крепче становятся, а резьбу, обратите внимание, давно собираюсь переснять и зарисовать — специалисты будут взволнованы. Не правда ли, изумительные узоры, восхитительные?

— Резьба требует сравнительного анализа,— сказал Вениамин.

— Правильно. Вот и центральная площадь. Условно. Возникла от пересечения двух улиц деревни.

— А сколько их всего? — спросил Вениамин.

— Две. Двадцать два двора. Магазин, правление бригады, тут же клуб, тут же медпункт.

Остановившись на углу, Эдуард Иванович показал на давешний дом с колоннами. Видимо, строитель хотел создать нечто фундаментальное и обязательно белокаменное, но из-за нехватки каменщиков или мрамора и портик, и колонны, и ступени — все было деревянным, беленым. Лишь два небольших льва, по сторонам лестницы, были из камня, точно такие же, как на лесной дороге. Только там они сидели, а здесь мирно легли, хоть и продолжали скалиться.

К колоннам были прибиты жестяные таблички с неровными официальными надписями: «Бригада Полуехтовы Ручьи», «Медпункт», «Клуб», «Ансамбль народного танца «Ручьи», «Кинотеатр».

— Центр культурной жизни,— сообщил Эдуард Иванович.— Здесь я иногда ночую, а уж дни провожу постоян-



но. Справа начальная школа, на этом краю магазин. Вот и все.

— А пушка там? — Вениамин показал на купу деревьев, из которой выходил медведь.

— Пушка там, — сказал Эдуард Иванович. — Давно пора на металлолом сдать. Когда-нибудь крупно кто-нибудь пострадает. От взрыва. Или от медведя...

Под вековыми деревьями было полутемно и прохладно. Стволы расступились, и внутри, почти невидимая постороннему глазу, обнаружилась небольшая площадка, на которой, вросши до половины колес в землю, стояла старинная бронзовая пушка.

Пахло порохом. Из пушки недавно стреляли.

— А как же медведь время узнает? — спросил Вениамин.

— Бог его знает. Наверное, по солнцу, — сказал Эдуард Иванович. — Хотя этому медведю я не доверяю.

Вениамин раздвинул кусты за пушкой. Там обнару-

жился каменный столб, скошенный сверху, как обелиск. На сторонах его были вырублены двуглавые орлы, над ними надписи: «До Москвы 1386 верст», «До Санктпетербурга 1938 верст».

Ногами раздвинув крапиву, Вениамин обошел столб и прочел еще две надписи: «До Екатеринбурга 746 верст», «До Царицыного ключа 9 верст».

Вениамин потер руку, обожженную крапивой, выбрался снова на полянку. Эдуард Иванович, нежно схватив Эллу за руку, делал вид, что переживает, но говорил трезво:

— Сегодня же вечером продемонстрируем вам в клубе успехи деревенской самодеятельности. Должен сказать, что наличие целеустремленного человека, душой прикипевшего к народным талантам, является определяющим в их развитии. Вы меня понимаете?

— Эдуард Иванович, — сказал Вениамин. — А что такое Царицын ключ?

— Не знаю,— ответил Эдуард Иванович.— Таким образом, мы с вами, Элла, трудимся на одном, так сказать, поприще.

— Это где-то недалеко,— сказал Вениамин.

На мягкой земле возле пушки были видны продолговатые когтистые медвежьи следы.

— Населенного пункта под таким названием мне не приходилось встречать,— сказал Эдуард. Элла легким движением отобрала у него руку, и Эдуард кинул укоризненный взгляд на Вениамина.

Вениамин пошел вокруг пушки и больно ударился носком о вросшее в землю чугунное ядро. Из пушки когда-то стреляли всерьез, подумал он. В каждом народном предании есть доля правды — может, и в самом деле здесь стояла крепостца и в ней сидел с солдатами майор Полуехтов? Землепроходец? Надо будет поговорить со стариками, а еще вернее — заглянуть в архивы в Свердловске. Людская память куда менее надежна, чем документы...

— Галяэстомнисдивизаинпарррртрисррес! — раздался страшный переливающийся, гортанный вопль.

От неожиданности все замерли.

— Это мне знакомо! — вскричал Вениамин.— Я близок к решению!

Черная тень пронеслась между ветвей, посыпались на землю листья. Показалось, что стало темнее.

Эдуард Иванович сделал хватательное движение руками, надеясь достать эту тень, но движение было незавершенным, словно на самом деле в мыслях фельдшера и не было реального желания схватить страшно кричащее существо.

— Опять? — спросила Элла.

— Трррес,— сказал Вениамин.— Я это расшифрую.

— Просто дикий крик,— сказал Эдуард Иванович.— Пошли, покажу вам нашу сцену и красный уголок. Мы получаем все основные центральные издания, включая журнал «Эстрада и цирк».

Вениамин провел рукой по стволу пушки. Луч солнца упал на темный металл. Божья коровка размером с грецкий орех ползла к солнечному пятну. Было тихо.

7.

Андрюша зарядил камеру, положил в сумку телевик и запасные пленки. Не сидеть же весь день дома из-за того, что совершаешь не совсем удачный героический поступок.

Он перекинул сумку с камерой через плечо и только спустился с крыльца, как в калитку вбежала Ангелина с кринкой в руке. При дневном свете она казалась иной, более обыкновенной.

— Вы уже встали? — удивилась Ангелина.

— Скоро девять,— сказал Андрюша.— Все ушли, я один задержался. Миновало множество событий. Утро было бурным.

— Жалко. Я с фермы бежала, хотела вас парным молоком угостить. Городские поздно встанут. Я знаю, сама в городе поздно вставала. А вы спешите?

— Нет,— сказал Андрюша.— Я с удовольствием.

Ангелина вдруг покраснела, видно, взгляд Андрюши показался ей слишком восхищенным. Уловив ее смущение, Андрюша смутился и сам и потому первым, не оглядываясь, пошел в дом.

— Я тоже с вами молочка выпью,— сказала Ангелина.— Садитесь. А они куда ушли?

— Эдуард Иванович им деревню показывает.

— Чего у нас показывать? — сказала Ангелина, доставая из буфета чашки, а с полки пустую литровую банку.— Он и не знает. Чужой. Лучше бы Колю позвали.

— Коля нам легенду рассказал, а потом убежал.— Андрюша с интересом смотрел, как Ангелина налила полбанки молока, потом зачерпнула ковшом холодной воды и разбавила молоко.— Зачем так? — спросил он.

— А вы из кринки не станете,— сказала Ангелина и улыбнулась.— Вы подумали, я жадничаю.

— Разумеется,— сказал Андрюша.— Я подозрителен.

— Попробуйте, если не верите.

Глаза у нее стали веселые, синие, в голубизну. Молоко лилось в стаканы густым киселем.

— Так и сказали бы, что сливки.

— Это молоко,— сказала Ангелина.— Такое доим.— Она фыркнула, нос дернулся вверх, жемчужные зубы сверкнули на солнце. Андрюша сидел, разинув рот, и такое восхищение было на его лице, что Ангелина отмахнулась, сказав сквозь смех: — Чего уставился? У меня жених.

— Василий?

— Нет, Василий — только претендент. Безнадежный. Жених у меня в Норильске. Мы в училище по переписке солдат выбирали, фотографиями менялись. Он в меня влюбился, а я нет. Но человек надеется.

— Значит, и не видела?

— Может, увижу. А ваш товарищ музыкальный. Шуберта знает. Я его в темноте не разглядела, а голос приятный.

Ангелина подлила в стакан воды, получилось молоко, жирное, густое.

В окно постучали. На подоконнике с той стороны сидел громадный черный ворон.

Ангелина отворила окно, ворон перелетел на стол, сурово посмотрел на замершего Андрюшу, кивнул ему, потом повернулся к Ангелине, кивнул и ей.

— Сейчас,— сказала Ангелина, доставая с полки кусок хлеба. Ворон схватил ломоть большим массивным клювом, как плоскогубцами. Перепрыгнул на подоконник.

— Это еще что за явление народу? — спросил Андрюша.

— Григорий,— сказала Ангелина.— Что-то он в последнее время осторожный стал, опасается. А раньше совсем ручной был.

— У вас не деревня, а зоопарк какой-то,— сказал Андрюша.

Ворон шумно хлопнул крыльями и улетел.

— Ты медведя имеешь в виду? Он в лесу живет.

— Приходящий, значит? А почему он из пушки стреляет?

— Ой, это тебе лучше мама расскажет! Сколько себя помню — стреляет. Круглый год. Без этого нам нельзя — даже коровы без пушки в стадо не пойдут.

Раньше, когда я девчонкой была, у нас медведица служила, потом подохла. Она этого Мишку с малолетства сюда водила, приучала. Пошли, что ли? А то мне обратно на ферму пора.

— Спасибо за молоко,— сказал Андрюша.

Они вышли. Громадный черный ворон сидел на крыше и жевал хлеб.

8.

Хоть Ангелина и утешила Андрюшу, что смеяться не будут, все-таки он через деревню не пошел, а свернул в другую сторону, к околице. За льяным полем виднелась речка, узкая и чистая. Солнце поднялось высоко и припекало, но от голубых гор, поднимавшихся над близким темным лесом, тянул ветерок.

С дороги открылся умиротворенный вид на деревню. Андрюша достал камеру. И тут услышал за спиной голоса.

Голоса стихли. Босые пятки, отбивавшие дробь по дорожке, стихли тоже. Разумеется, они остановились и наблюдают.

— «Зоркий-Эм» у него. С «Юпитером». Я знаю.

— Какой «Зоркий»? Что я, «Зоркого» не узнаю?

Ребята углубились в спор, уходить не собирались, видно, ждали, когда фотограф обернется и разъяснит. Андрюша понял, что пора общаться, опустил свою «Практику» и обернулся.

— Ого! — сказал он.

— Ого! — сказали два мальчика лет по десяти.

Мальчики узнали в фотографии героя, которого утром медведь таскал по площади, а Андрюша увидел, что мальчики волокут привязанную к длинной палке рыбину размером побольше метра. Даже удивительно, что такая поместилась в речке.

Рыбина чуть шевелила хвостом.

— А вы за мельницей приехали? — спросил один из ребят.

— Нет,— сказал Андрюша.— Песни записывать будем. И сказки.

— Дед Артем говорил, что мельница представляет исторический интерес. Ее обязательно увезут. Древняя она, понимаешь?

— Водяная?

— Не, ветряк...

— Покажете?

— А пофотографировать дашь? А то у Кольки Полуехтова «Канон» японский, а у нас только «Смена».

— Договорились,— сказал Андрюша.— Когда?

— Завтра с утра зайдем. Сейчас, видишь, дело есть.

— А рыба-то какая? Сом?

— Ну, ты, видно, городской. Разве у сома лицо такое? Да мы на сома и не пойдем. Он в омуте живет, с дом ростом. И его нельзя трогать, у него золотое кольцо на жабре. Его специально выпустили. Для учета. А это — селедка...

Мальчишки потащили рыбину дальше.

Андрюша постоял немного, дождал, пока они скрылись за крайним домом, и пошел дальше к реке. У тро-

пинки, по краю льна, росли васильки. Он, правда, не сразу догадался, что это васильки — они были похожи на махровые гвоздики голубого цвета. Андрюша нарвал небольшой букет для Эллы Степановны.

— Спасите! — раздался крик от реки.— На помощь! Грабят!

Андрюша относился к тому разряду людей, для которых любой крик о помощи — приказ действовать. Забыв об утренней истории и медведе Мише, он кинулся по откосу вниз и влетел, ломая ветки, в заросли у речки, крича:

— Держитесь! Я иду!

Жертвой нападения оказался вчерашний старичок, с седой эспаньолкой, мирно сидевший на пеньке.

— Что случилось? — крикнул Андрюша.— Кто напал?

— Кто напал, тот сбежал,— сказал старичок, поднимаясь на ноги и еле доставая Андрюше до груди своей блестящей потной лысинкой.— Спасибо тебе. Ой, поясница болит! Это же надо — так толкать пожилого человека! Пойди, корзинку мою подбери — в кустах она.

Андрюша пошел в кусты. Там на боку валялась корзина, из нее высыпались красные яблоки. Старичок подошел сзади.

— Ты их подбери,— сказал он,— будь любезный. Мне наклоняться больно.

Андрюша стал подбирать яблоки. Это оказались не яблоки.

— Это что? — спросил он.— Ананасы?

— Малины, что ли, не видал?

— Такой не видал,— сказал Андрюша.— Малина обычно мельче.

— Это обычно, а у нас крупнее.

— Кому,— спросил Андрюша,— ваша малина понадобилась?

— Не догадываешься! — изумился дед, прищурился.— Да ты дипломат! Из-за тебя же я пострадал. Это точно! Попал я в лапы народному мстителю!

Старичок погрозил в кусты кулаком, и издали донесся обиженный рев. Андрюша вздрогнул. Ему не хотелось снова встречаться с медведем. К счастью, старичок разделял опасения Андрюши.

— Побегали,— сказал он.— А то Мишка опомнится, сообразит, кто мне на помощь подоспел. Он же тебя за взвод пехоты принял. Это точно.

Старичок подхватил корзину и засеменял наверх, к тропинке. Андрюша поспешил за ним, очень стараясь не обогнать старичка.

9.

У клуба-медпункта на длинной лавочке под бревенчатыми колоннами сидели десять старух в высоких кружевных кокошниках, разноцветных, до земли, платьях и с выражением торжественного достоинства на лицах.

— Вот,— сказал Эдуард с некоторым облегчением.— А я боялся, что не придут в разгар трудового дня. Но пришли. И даже облачились. Это великолепно. Здравствуйте, товарищи пенсионерки!

Старухи наклонили головы, здороваясь, и Элле показалось, что своим коллективным взором они пронзили ее насквозь, знают, где родилась, как училась в школе и почему у нее не сложилась личная жизнь.

— Замечательно,— сказал Эдуард.— Вот наш народный хор. А перед вами, товарищи пенсионерки, специальная экспедиция Академии наук, приехали записывать и изучать. Большое внимание уделяет наше правительство сохранению и утверждению народного творчества. Прошу взаимно знакомиться! — Эдуард Иваныч отступил на шаг и сделал широкое движение рукой, как сеятель. Затем добавил: — Пошли внутрь помещения. Там поговорим, а то дождик собирается...

Вениамин в клуб не пошел. Эта мирная на вид деревня скрывала в себе тайны, ускользающие, но ощутимые, невыдуманные. Тайна утреннего выстрела из пушки вроде бы разрешилась. Но факт стрельбы из пушки не открывает причин этой стрельбы. Есть дрессированный медведь. Но зачем он?

Вениамин огляделся, раздумывая, куда направить свой путь. Он казался себе самому витязем на распутье. И потому решил подождать, как распорядится судьба,— должен же быть знак, который направит его в нужную сторону.

Намек материализовался через две минуты и принял форму знакомого грузовика, который медленно выехал из улицы на площадь. Вениамин сначала решил, что в деревне есть особые ограничения для единственной машины: может, охраняют медведей. Но тут же выяснилась причина столь медленного движения: Василий, сидя за рулем, разговаривал с какой-то девушкой, чьи ноги были видны по ту сторону грузовика.

— В кино вечером пойдешь? — спросил Василий, глядя из кабины в сторону и вниз, так что Вениамину был виден только его крепкий коротко остриженный затылок.

— Мне заниматься надо,— ответил почти заглушенный мотором девичий голос, который Веня узнал бы из тысячи.

— Я вот и без образования зарабатываю. Главное — уметь использовать обстоятельства.

— Кого цитируешь? — спросила Ангелина.

— Я не цитирую, я сам придумываю,— сказал Василий.— Ты не думай, для меня авторитетов нету.

— Поезжай в город,— сказала Ангелина,— молоко скиснет.

— Наше не скиснет,— сказал Василий.— Я его водой из ключа разведу, и мне выгода, и народу лучше.

— Ты не шути! — сказала Ангелина, прибавила шагу, и Вениамину было видно, как загорелые ноги переместились вперед, но Василий чуть прибавил скорости и догнал девушку.

— А в кино пойдешь? — спросил он.

— Не пойду.

— Ученые приехали? Я им покажу, где раки зимуют.

— Брось ты свои угрозы,— сказала Ангелина.

Дальше разговора Вениамин не слышал, потому что грузовик и Ангелина отошли далеко.

Вениамин побрел по дороге, любуясь резьбой на наличниках и столбах, греясь под северным нежарким, но уютным солнцем, глядя с нежностью на жеребенка, кото-

рый выскочил на улицу, оглянулся, взбрыкнул и погнался за курами, а те лениво разбегались, уступая ему дорогу. У крайнего дома, от которого дорога спускалась в низину, Вениамин остановился. Столбы ворот, седые от старости, представляли собой солдат в высоких гренадерских шапках. Носы у солдат давно уже откололись, как и дула ружей, но глаза гневно глядели вперед из-под насупленных бровей. Сюжет резьбы показался Вениамину необычным — ни в одной из специальных статей, несмотря на свою любознательность и осведомленность в народном творчестве, он о таком не читал. Надо сказать Андриюше, чтобы сфотографировал, подумал Вениамин и в этот момент услышал над головой стройное многоголосое пение, ровное и негромкое.

В окне высокого этажа показалась девичья головка, будто там догадались, что с улицы подслушивают. Брови удивленно взлетели при виде худого молодого человека в очках, при галстукке, со следами полосатости на лице. Девушка пропала, песня оборвалась, и тут же во всех четырех окнах возникли девичьи, женские и старушечьи головы, глядевшие на Вениамина с веселым интересом.

— Здравствуйте,— сказал Вениамин.

— Здравствуйте,— ответили во всех окнах.— Вы из экспедиции?

— Он за Мишкой бегал,— сообщила первая девушка.

— Они за мельницей приехали,— сказала женщина во втором окне.

— Нет,— сказали в третьем,— они песни собирают.

— Идите сюда,— сказали в четвертом,— мы вам споем.

— С удовольствием,— сказал Вениамин, забыв на минуту о своей раскраске.

На пороге большой, в два света, комнаты Вениамина встретила статная старуха с гладко зачесанными волосами. Девушки и женщины, пока Веня поднимался в дом, успели рассестись за валики, схожие с диванными, на которых были натянута кружева, разобрать вересковые коклюшки.

— Добро пожаловать,— сказала торжественно старуха,— в ручьевскую кружевную артель.

Назвавшись директоршей артели, она повела аспиранта вдоль валиков, говоря солидно, медленно, но без перерыва, как профессиональный экскурсовод.

— Наши кружева некогда славились даже за пределами области и в 1897 году на выставке в Брюсселе получили серебряную медаль.

— Большую серебряную медаль,— вставила толстуха в сильных очках.

— Это неважно, мы не спесивые,— сказала директорша.— Однако промысел наш захирел и почти иссох. Только в последние годы начала возрождаться слава ручьевских кружев. Но вот беда — в области наш узор не берут, говорят, что не народный, приходится ширпотребом заниматься.

— Ширпотребом! — раздалась возмущенные голоса.

— А вы только поглядите, что мы умеем делать! Ведь этого больше никто не может.

Кружевницы повскакивали с мест и сгрудились за спинами директорши и Вениамина, за большим столом, на котором лежал громадный альбом в дряхлом сафья-



новом переплете. В нем были наклеены образцы кружев — некоторые пожелтели от старости, другие — новые.

Вениамин и в самом деле удивился, увидев эти кружева. Тонкие нити сплетались в охотничью сцену — мужчина в камзоле и треуголке охотился на уток; на следующей странице дамы в пышных платьях играли в жмурки с изысканными кавалерами на фоне изящных павильонов. Готический замок соседствовал с русской церквушкой, и вокруг ходили хороводом девицы в кокошниках...

— Невероятно, — сказал Венья.

— Вот то же самое они нам и сказали, — подтвердила статная директорша. — Сказали, что это не входит в рамки и, значит, это не искусство. Вы знакомы с такой узкой психологией?

— К сожалению, знаком, — сказал Вениамин.

— Они говорят — не народное, — вмешалась девушка в очках, — а у нас в деревне так плетут третий век подряд.

— Третий век, — прошипела древняя голубая бабушка из угла.

Вениамин взглянул в ту сторону и увидел над ее головой два потемневших от времени портрета в потертых золотых рамках. Художник, который писал их, видно, не обучался в академии, пришел из иконописцев, но был талантлив и наблюдателен. В портретах чувствовалась крепкая рука и уверенность в себе.

Справа висел портрет мужчины в зеленом мундире с красными отворотами и обшлагами, с золотыми пуговицами и в треуголке, обшитой золотым галуном. Лицо

мужчины было сурово, подбородок крепкий, а глаза светлые, голубые, как у всех кружевниц.

— Кто это? — спросил Вениамин.

— Майор Полуехтов, — сказала древняя бабушка. — Ясное дело.

Но Вениамин уже не слышал. Он смотрел на второй портрет. На нем была изображена молодая женщина, тоже голубоглазая, с полными, чуть загнутыми в углах губами, доверчивая и добрая. Платье было открытое и обнажало округлые плечи и высокую грудь, закрытую кружевом.

— А это государыня императрица, — прошамкала бабушка. — Елизавета Петровна в бытность свою цесаревной.

— Это не более как сомнительная версия, — сказала директорша. — Мы думаем, что это жена Полуехтова.

— Нет, — сказала бабушка, — императрица любила нашего майора невестинной любовью, потому он сюда и попал.

Вениамин уже не слышал спора, горевшего, видно, не первый год. Он смотрел на портрет и страдал, ощущая бездну времени, отделявшую его от молодости той, что была изображена на портрете. И неважно было — принцесса, императрица, невеста, жена... ее нет, Вениамин опоздал, трагически опоздал родиться...

Он не помнил, как оказался на улице, хотя вроде бы его проводила до калитки директорша артели, а он вроде бы обещал ей поговорить со специалистами в Свердловске и постоять за ручьевские кружева. Он слышал лишь стук собственного сердца и знал, что полюбил, безнадежно и навсегда.

Дальше дед с Андрюшей шли не спеша. Андрюша остановился там, где оставил фотоаппарат. Там же лежал букет голубых махровых цветов.

— Погоди,— сказал вдруг дед строго.— Ты зачем эти цветы погубил?

— Красивые,— сказал Андрюша.— Пускай в банке постоит.

— А ты чего в своей жизни посадил, молодой человек? Ты чего создал? Рвать научился! Рвать все умеют! Это точно.

— Это же васильки. Сорняки.

— Дурак,— сказал старик.— Рожь здесь растет обыкновенная, семена из района получили. А васильки уникальные, только в наших местах произрастают. Так что подорвешь экологию, и не будет больше такого сорняка.

— Ну и хорошо,— упрямылся Андрюша.— Урожай увеличатся.

— Опять дурак,— сказал старик.— Уничтожишь ты этот так называемый сорняк невиданной красоты, а на нем, может, особый вид бабочек обитал, он тоже вымрет? Тебе их не жалко?

Дед протянул вперед жилистую коричневую ладонь, и сверху, из глубокой небесной синевы, послушно опустилась ему на ладонь оранжевая бабочка с синими пятнами на крыльях.

— Ты с этим видом знаком?— спросил дед.

— Я бабочек не изучал,— сказал Андрюша,— может, она на соснах живет.

— Эндемик,— сказал дед.— Понимаешь? Все в природе уравновешено и взаимосвязано, как говорил мой друг Дарвин.

— Кто?

— Дарвин-младший, внук, я с ним состоял в переписке.

Очевидно, старик не врал. Бабочка вспорхнула с ладони, сделала круг над букетом васильков, огорченная экологическим бедствием, пришедшим с Андрюшей, и пропала в жаркой душистой синеве.

— Что же мне теперь делать?— спросил Андрюша.

— Дари уж, кому хотел. Только на будущее осторожней, береги природу. Пора нам здесь заповедник устраивать. Ты мальчишек двух не встречал, Сеньку и Семена?

— Видел.

— Из-за них, стервцов, я Мишке малину уступил, за ними погнался. Опять браконьерствовали.

— Вы рыбу имеете в виду?

— Ее самую.— Видно от малого роста, дед говорил громко, уверенно, с нажимом на некоторые слова.— А ты что, в поп-группе выступаешь?

— Не понял?— сказал Андрюша.

— Волосы у тебя дикие. И характер буйный. На медведях бросаешься. Я решил было, что ты на саксофоне играешь. В ансамбле. Я, понимаешь, больше классический джаз уважаю. На уровне диксиленда. Ты как к диксиленду относишься?

— Положительно,— сказал Андрюша.— А почему медведь из пушки стреляет?

— Традиция,— сказал дедушка.— Хочешь поглядеть, как он это делает?

— Конечно, хочу. Только он меня не узнает?

— На работе смирный. Понимает, что может зарплату лишиться. Он за место держится. Сам-то он бескорыстный, но семья у него, медведица строгая. Да ты не бойся, в случае чего, я ему объясню. Ведь это я шефство над пушкой осуществляю. Это точно.

— Так чего же он у вас малину отнял?

— Ты бы молчал— сам изранил, довел зверя до крайности. Он же в принципе дикий зверь.— Дед рассердился. Даже остановился, топнул ногой и строго спросил:— За мельницей приехали?

— Почему все про мельницу спрашивают? Мы же фольклористы.

— Понимаю,— сказал старичок.— Я все равно к мельнице бы дорогу не указал. Мельница нам самим нужна.

— А мне не нужна,— сказал Андрюша.

Они дошли до крайней избы, остановились. Старичок сказал:

— Вон на той стороне второй дом— мой. Запомнил? Жду к себе.

Старичок быстро пошел через улицу к своему дому.

Андрюше не хотелось возвращаться домой. Он уже понял, что в деревне все знают о его утреннем подвиге, но относятся к этому без особой издевки. Может, поискать Эллу? Все-таки он член экспедиции, и его фотографическое мастерство может пригодиться.

Тут он увидел знакомых ребяташек, которые натягивали веревку между могучими липами. Андрюша присел на корточки, было тихо, мирно, деревня ему нравилась, утренние приключения уже ушли в прошлое. Он глядел на Сеню и Семена и думал, что они чем-то— разрезом глаз или длинными белесыми ресницами— похожи на Ангелину.

— Прыгать будешь?— спросил Семен.— У нас тренировка по прыжкам в высоту. Скоро тренер вридет.

— Вы тренируетесь, я погляжу.

— Гляди,— сказал Сеня,— за погляд денег не берем. Только если какой-нибудь новый стиль знаешь, не скрывай. А то мы все фолсбери-флопом прыгаем. А он имеет пределы.

Семен разбежался и прыгнул через веревку. Не фолсбери-флопом, а перекидным, да при том зацепился за веревку на высоте метра с небольшим, грохнулся, хорошо— земля мягкая, трава.

— Разминка,— сказал он,— неудачное приземление.

Теперь разбежался Сеня, веревку он преодолел и сказал Семену:

— Поднимай выше.

— Правильно,— сказал подошедший невесть откуда Вениамин, снимая очки и передавая их Андрею.— Я принимаю участие. Вы не возражаете?

— Прыгайте,— сказал Семен.— Эту высоту будете брать или поднимем?

— Поднимем,— сказал Вениамин.— Во мне подъем чувств.

Он затрусил к веревке, затормозил перед нею и подпрыгнул. Веревка ударила его по коленям, и Вениамин перевалился, шлепнулся на живот и замер. Подниматься

было лень — жаркая истома завладела воздухом. Веня отполз в сторонку, в тень, перевернулся на спину и закрыл глаза.

Сеня с Семеном подняли веревку повыше, до полутора метров. Сеня преодолел ее с первой попытки, Семен со второй — стилем фолсбери-флоп. Андрюша поглядел на редкие кучевые облака и сказал:

— Надо мне честь города защищать. Разойдись, братва!

Он хорошо разбежался, перепрыгнул с запасом и сказал:

— Разрешаю поднять планку еще на три сантиметра.

На следующей высоте сошел Сеня, но Семен остался, Андрюша его обошел только по числу попыток.

— Наша взяла, — сказал Андрюша, — а вы говорили.

Он захыхался, устал. И как-то вылетело из головы, что его противникам лет по восемь, не больше.

— Сегодня ваша, завтра наша, — сказал Семен. — Мы еще в длину не прыгали. Смотри, тренер пришел.

Коля Полуехтов, с сумкой «Олимпиада-80» через плечо, остановился поодаль.

— Как успехи, малышня? — спросил он.

— Скромные, — сказал Сеня.

— Стараемся, — сказал Семен. — Без тебя трудно.

Коля подошел к веревке, ладонью проверил высоту — получилось до его носа.

— Солидно, — сказал он. — Метр пятьдесят три. С какой попытки брали?

— Андрей взял со второй, — сказал Семен. — Я — с третьей.

— Нет, — Коля поглядел на Андрюшу снизу вверх. — Для тебя это не достижение. В тебе живого роста, наверно, метр восемьдесят.

— Метр семьдесят шесть, — сказал Андрюша.

— Свой рост брать надо без усилий. Это твой предел?

Мальчишки смотрели на Колю с уважением, верили каждому слову.

— Не знаю, — сказал Андрюша. — У меня другие цели в жизни.

— Цели прыжкам не помеха, — Коля говорил учающим голосом. Андрюшу это разозлило.

— А ты свой рост можешь взять?

— Не проблема, — сказал Коля и, не снимая сумки и не раздеваясь, даже без разбега, присел, оттолкнулся и перемахнул через веревку. Потом обернулся к Андрюше. — Ты на меня не обижайся. Я к зиме буду два метра брать. Такая у меня цель. Ну, ладно, вы тут отдыхайте, а у меня дела.

Коля пошел через дорогу, к дому, а Сеня сказал вслед:

— Редкого упорства он у нас.

— Энциклопедию читает, — вздохнул Семен. — Уже третий том.

Из калитки вышел пес, поглядел по сторонам, затрусил к околище. Вид у пса был деловой, задумчивый.

— За коровой пошел, — сказал Сеня.

По улице не спеша шли Элла Степановна и Эдик. У калитки они остановились. До молодых людей донесся вопрос Эдуарда:

— Вы удовлетворены встречей?

— Спасибо, Эдик, — сказала Элла Степановна. — Ваша помощь совершенно неоценима.

— Ну что ж, и нам надо идти, — сказал Андрюша, подождав, пока Эдуард откланяется.

II.

Глафира задержалась в правлении, вела телефонные переговоры с районом. Ангелина осталась на ферме, там заболел теленок. Обед готовила Элла, а Коля истопил баню, и экспедиция как следует вымылась. Баня оказалась настолько эффективной, что лицо Вениамина приобрело естественный бело-голубой цвет. Правда, он сам этого не заметил, так как его неожиданная влюбленность в портрет воздвигла стену между ним и действительностью. Элла Степановна, узнав о происшедшем, искренне расстроилась.

— Придется мне сходить и поглядеть, что там за портрет, — решила она.

Коля убрал со стола посуду и достал с полки четвертый том энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

— Почитаю немного, — ответил он. — До вечерней тренировки время есть.

— Андрюша, — спросила Элла. — У тебя магнитофон в порядке? С завтрашнего дня начинаем запись.

— Техника у меня готова... — ответил Андрюша. — Только я завтра утром на мельницу сходить хотел.

— На какую мельницу? — возмутилась Элла. — Мы приехали...

— Знаю, за песнями, — согласился Андрюша. — Но наш долг не проходить мимо исчезающих памятников старины. К тому же она бродячая, на колесах. Говорят, в последний раз ее в Волчьем логу видели. Это километра три отсюда.

— Какие колеса! — удивился Коля, отрываясь от энциклопедии. — Обыкновенная мельница. Только в прошлом году она на холме стояла, за речкой, а потом не стало ее. Сейчас вот в Волчьем логу объявилась.

— И ты в это веришь! — воскликнула Элла. — Ты же пионер!

— А чего же не верить?

— И как ты это объясняешь? — спросил Андрюша.

— А чего объяснять? Это все привидение секунд-майора шалит, — сказал Коля. — Оно на мельнице ходит и шалит. Все знают.

— Ну, это никуда не годится! — сказала Элла. — Я с твоей бабушкой поговорю.

— Поговорите, — сказал Коля и продолжил чтение энциклопедии.

— Местный фольклор, — сказал Вениамин. — Обычный местный фольклор. Рождается на глазах. Мельницы, может, и нет... Вот пройдет несколько месяцев, и будут обо мне рассказывать, как я влюбился в портрет, а он ожил и стал человеком. У Гоголя...

— В тебе живет Пигмалион, — сказал Андрюша.

— Но портреты не оживают, Вень, — сказала Элла. — Выкинь это из головы.

— Я пойду, — сказал тогда Вениамин. — В артель. Погляжу на портрет.

Коля вздохнул и снова отложил энциклопедию.

— Ну дети, прямо дети,— сказал он.— Что, у вас фольклористы все такие психованные?

— Меня это смущает,— серьезно ответила Элла.— Хотя и твой, Коля, рассказ о мельнице меня не утешил.

— Я все-таки пойду,— сказал Вениамин.— У меня предчувствие...

Он направился к двери, но в этот момент дверь открылась, и вошла Ангелина.

— Вы уже пообедали?— спросила она с порога.— А я спешила...

Тут раздался глухой и продолжительный удар.

Вениамин со всего размаха грохнулся на пол.

Он лишился чувств.

12.

— Эх,— сказал Коля, окончательно закрывая энциклопедию.

— Я что-нибудь не то сказала?— испугалась Ангелина.

— Он переутомился... Андрюша, воды,— сказала Элла, наклоняясь над Веней.

— История загадочная,— сказал Андрюша.— Вы знакомы?

Ангелина отрицательно покачала головой, зачерпнула из ведра кружку воды, дала Элле, Элла поднесла к губам Вениамина, но тот не прореагировал на это. Элла вцепилась аспиранту в пульс, а Андрюша перехватил кружку и вылил ее на голову своему коллеге.

Вениамин захлебнулся, чихнул, закашлялся, вскочил, увидел Ангелину и попытался тут же снова грохнуться в обморок, но этого не допустил Андрюша.

— Стой! Сначала объяснись!

— Это она...— промолвил Вениамин.— Я так и знал.

— Кто она?

— Портрет,— сказал Веня.— Я не зря надеялся.

После этого падать вновь в обморок было уже не нужно, да и неудобно. Веня смертельно смутился, оттолкнул заботливые руки Эллы, резко поднялся и, пошатываясь, отошел к окну.

— Все ясно,— сказал Андрюша смущенной Ангелине.— Наш ученый сегодня побывал у ваших кружевниц и увидел там женский портрет. Он влюбился в него с первого взгляда. А тут тыходишь...

— Это ваш портрет,— сказал Вениамин, не оборачиваясь.— Это вы.

— А если это был портрет императрицы Елизаветы Петровны?— спросил Андрюша.— Понимаешь, с кем ты теперь имеешь дело?

— Мне все равно,— глухо сказал Вениамин, глядя в окно.— Я потрясен. Я не знаю, что мне теперь делать.

— Сходить к колодцу,— сказал Андрюша.— Чай будем пить.

— Не надо,— сказал голос от двери.— Чай погодит.

В дверях стоял вошедший незамеченным шофер Василий, который держал в кулаке два билета в кино.

— Добрый вечер,— сказала Элла Степановна.— Как приятно, что вы нас навестили.

Василий даже не взглянул на нее.

— Ты в кино идешь или не идешь?— спросил он сурово Ангелину. И сам ответил:— Не идешь.

— Если ты ревнуешь,— сказал Коля,— то зря. Веня в портрет влюбленный.

— Камуфляж,— сказал Василий.— Ты мне мозги не пудри.

— Клянусь вам!— резко обернулся от окна Вениамин.— Клянусь, что я не видел Ангелину раньше. И мое отношение к ней вторично!

— Почему вторично?— удивилась Ангелина.

— А вы садитесь, посидите с нами,— сказала Элла.— Хотите, кто-нибудь из нас в кино с вами пойдет?

— Чего?— Василий только сейчас вспомнил про билеты. Он разжал кулак. Билеты закружились и упали на пол. А Василий подошел к Вениамину и сказал с угрозой:— Иди к своему портрету, понял? На Ангелину ни взгляда, ни вдоха, понял?

— Я не могу дать вам такого обещания,— сказал Вениамин.— Простите меня, пожалуйста. Это выше меня.

— Мое дело предупредить,— сказал Василий. Он смотрел на аспиранта с презрением и не уходил, не сказав последнего слова, но тут за окном мелькнула черная тень, и раздался крик:

— Меакульпа!

Лицо Василия исказилось.

— Проклятие!— закричал он страшным голосом и выбежал из дома. Взревел под окном грузовик.

— Кто же это?— спросила Элла.

— Я думаю, что птица,— сказал Андрюша.— Та самая, да?

— Гришка,— сказала Ангелина.— Это Гришка. Вася за ним вторую неделю гоняется.

— Не догонит,— сказал Коля.— Хочешь, посмотрим? Андрюша вслед за Колей выбежал на улицу.

Солнце клонилось к закату. Тени от домов и деревьев стали длинными и лиловыми, а трава казалась еще светлее и зеленее.

Далеко над улицей медленно летела громадная черная птица, за нею неслись грузовик.

— Не догонит,— повторил Коля,— ты не беспокойся. Андрюша хотел сказать, что и не беспокоится, но едва раздался голос Эдуарда Иваныча:

— Удивительно! Взрослый человек, а такая страсть!

— Страсть?— удивился Андрюша.— К Ангелине?

— О, нет! К таксидермии.

— Не понял,— сказал Андрюша. Он не знал такого слова.

— Вася мечтает сделать чучело из этого рекордного экземпляра и послать в Академию наук.

— Это не чучело!— возмутился Коля.— Гришка триста лет жил и еще проживет.

Неподалеку возникли Сеня с Семеном.

— Я пошел,— сказал Эдуард Иваныч.— В клубе дела. Если захочешь, Андрюша, приходи. Гитару бери, послушаем.

— Спасибо,— сказал Андрюша.— Я вот о мельнице думаю.

— О мельнице?— улыбнулся Эдуард Иваныч.— Старухи уверяют, что там вроде бы приведение проживает.

— Живет,— подтвердил Сеня.— Все знают, что живет.

— А кто-нибудь видел?— спросил Андрюша.

— Пойдешь, сам увидишь,— сказал Коля.

— Пойдем,— сказал Андрюша.

— Сейчас?— Коля посмотрел на небо.— Стемнеет скоро.

От реки донесся натужный вой двигателя. Все обернулись туда.

В облаке пыли появился грузовик. Набирая скорость, он промчался по улице. Мелькнуло лицо Василия, пригнувшегося к рулю.

Грузовик выскочил на дорогу, пронесся по аллее берез, свернул за холм и исчез.

— Нет,— сказал Эдуард Иванович.— Пойду на репетицию. Совершенно недопустимо ездить по улицам с такой скоростью. А вам...— он печально поглядел на Андрюшу.— Идти на мельницу не рекомендую. Вечером в лесу опасно, мало ли что поудится. К тому же мельницы, по моим сведениям, давно уже не существует...

— Не существует?— сказал Сеня обиженно.— А я что, слепой, что ли? Что я, школу-интернат в Волчьем логу выдал?

— Все ясно,— сказал тогда Андрюша, оглядев молодежь.— Я иду за фотоаппаратом, через минуту выступаем.

13.

Андрюша схватил сумку с камерой и тут же выскочил из дома.

Малолетняя гвардия переминалась с ноги на ногу. Здоровый народ, подумал Андрюша, не болеют, сливки вместо молока пьют, занимаются спортом, телевизор смотрят, а вот верят в привидение секунд-майора. Стыдно.

— Далеко идти?— спросил он.

На лицах гвардии наметилось некоторое разочарование. Видно, надеялись в глубине души, что городской ученый пошутил.

— Нет,— сказал Сеня.— Если, конечно, не заблудимся.

Не заблудились. Правда, добирались до Волчьего лога больше часа. Шли напрямик через сосновый бор, затем по долгому склону, поросшему можжевельником, через небольшое болото, по лугу, где стояли стожки сена, потом попали в глухой бурелом, что остался от давнишнего лесного пожара.

В лесу было много грибов, крепкие боровики — шляпки с тарелку — умоляли собирать их, но собирать было некуда. Через полчаса Сеня с Семой устали, пришлось передохнуть на полянке, усыпанной черникой. Пока сидели, не сходя с места наелись черники до синевы на языке, горстями стаскивая ягоды со стеблей.

Потом лес стал гуще, будто никто никогда по нему не ходил, но вдруг впереди обнаружился просвет. Солнце только-только село, и в лесу сразу стало неуютно. Путешественники поспешили к свету.

Оказалось, это заросшая по грудь дорога, угадать

которую позволяли лишь канавы по сторонам. Правда, посреди нее трава была примята, видно, кто-то по этой дороге порой ездил.

— Тут когда-то скит был,— сказал Сеня.— Дикие отшельники прятались. Только их скит в озеро провалился.

— Сказки,— возразил Семен.— Лесоразработки тут были.

Дорога заросла крапивой, ее приминаешь, она поднимается лениво, с раскачкой, норовит хлестнуть по лицу смертельной болью. Из леса тянуло вечерним холодом, а на дороге еще было светло, и жужжали, спешили добрать дневную норму пчелы, стрекозы парили над головами.

Справа открылась низина.

— Вот он, Волчий лог,— сказал Сеня.— Тут мельница стоит.

Он поспешил через лужайку, остановился, огляделся.

— Вот. Здесь она стояла.

Трава в середине поляны была примята большим квадратом, особенно глубоко, в землю, уходили следы двух параллельных бревен. Внутри квадрата трава была низкой и жухлой и белесой.

Коля пошел кругами, все шире, наконец крикнул:

— Она в эту сторону ушла.

Андрюша отмахнулся. Мистики он не любил. Мистика не входила в круг привычных для него понятий, а раз так, ее существовать не могло. Но похоже было, что они пришли именно в Волчий лог, а здесь недавно еще стояла мельница. Только мельница ушла.

— Я серьезно говорю,— сказал Коля.— Она следы оставила.

Мельница, видно, ползла по траве, кое-где вырывая ее целыми пластами. Борозды вели к дороге.

— Зачем?— спросил Андрюша.— Кому это нужно?

— Кому?— переспросил Семен.— Ясно, кому. Секунд-майору.— Он протянул Андрюше что-то блестящее.— Смотри.

Это была старая медная пуговица, гладкая, выпуклая, размером с трехкопеечную монету.

— Он в мундире ходит,— сообщил Сеня.— Мундир у него военный тех времен. Пуговицы такие. Это все знают.

— Чепуха,— сказал Андрюша.— Если он привидение, то он нереальный. Откуда у миража медные пуговицы?

— Не знаю,— сказал Семен.— Значит, так нужно.

Следы мельницы доходили до лесной дороги, потом сливались с колеями.

— Когда же она ушла?— спросил Андрюша задумчиво.— Сегодня?

— Нет, что ты,— сказал Коля,— с тех пор дождь был. Все следы залило. А то бы мы лучше разобрались.

Не сговариваясь, пошли дальше. Солнце село, жужжали комары. В глубине под большими деревьями посинело, краски размылись, тени стали непрозрачными. Но на дороге все еще было светло.

— Может, вернемся?— спросил Сеня.— Скоро стемнеет.

— Нет,— сказал Коля.— Мы до протоки дойдем. Не могла мельница далеко уйти. Она бы в реке утонула.

Андрюше, хоть он и был виновником похода, стало

не по себе — не приходилось раньше встречаться с бродячими мельницами, секунд-майорами и прочей нечистью, которой, разумеется, нет, потому что не может быть, но которая все-таки существует, а возвращаться придется по темному лесу, с ним трое мальчишек, еще потеряется кто-нибудь, а лес здесь бесконечный, и он, Андрюша, с ним не знаком. Еще сто шагов, сказал он себе, и повернем...

14.

Мельница обнаружилась через двести шагов, на другой поляне, у тихой, заросшей рогозом протоки. Стояла она неподалеку от дороги и так хорошо спряталась в ивняке, что, если бы не следы в том месте, где она сползла с дороги, ее бы и не заметить.

Она оказалась куда меньше, чем представлял себе Андрюша: если бы Дон-Кихот захотел с ней сразиться, не надо было бы садиться на коня. Да к тому же она где-то потеряла крылья. Просто избушка с высокой четырехскатной крышей. Маленькая дверца, даже Коле пришлось бы согнуться, входя туда, да узкое окошко.

В синеватом воздухе было видно, что в мельнице горит свет — прямооугольник окна казался оранжевым.

— Это мельница? — спросил Андрюша тихо.

— Она, кому же еще здесь быть, — ответил шепотом Сеня. — Я ее в Волчьем логу и видел.

— В ней кто-то живет?

Дети поглядели на Андрюшу, как на сумасшедшего. Они не сомневались, что там обитает именно секунд-майор, который теряет медные пуговицы.

Желтизна окошка должна была бы внушать мысли об уютной комнатке, о самоваре, шипящем на столе, о кренделях и задушевной беседе, но и в самом деле Андрюше почему-то представилась там, внутри, злобная баба-яга, которая орудует лопатой, стараясь засадить в печь очередного дурака.

— Я все-таки схожу, — сказал Андрюша, не потому, что действительно желал этого, а потому, что не мог так просто сдаться и повернуть.

— Мы здесь стоим, — ответил Сеня.

Андрюша оставил мальчишкам сумку и сам пошел к мельнице, но не напрямик, через поляну, а ближе к кустам, так, чтобы привидение, вздумай оно выглянуть оттуда, его не заметило бы. Хотя, конечно, привидений не бывает.

Под ногой хрустнула ветка, Андрюша отпрянул в сторону, угодил в неглубокую яму и застыл в неудобной позе. Ему показалось, что шум раскатился на весь лес. С минуту он стоял на одной ноге и, только убедившись, что никто, кроме комаров, не обращает на него внимания, двинулся дальше.

Окошко оказалось высоко, чтобы заглянуть в него, пришлось подняться на цыпочки, опершись о стену. Бревна были холодными и чуть влажными, между ними вылезла серая пакля. Стараясь унять стук сердца, Андрюша заглянул внутрь, но увидеть ничего не успел, потому что его внимание было отвлечено дыханием за спиной. Он нервно обернулся. Сзади стоял Коля.

— Ты чего? — прошептал Андрюша.

— Они убежали, — прошептал в ответ Коля. — Сеняка с Семёном. Чего мне одному стоять. Страшно. А что там?

— Тише. Сейчас! — Андрюша снова приподнялся и наконец смог разглядеть, что происходит внутри.

Мельница представляла собой небольшую тесную комнату, заставленную какими-то ящиками и бочками. Она была скупо освещена железнодорожным фонарем. При его неверном свете Андрюша увидел стоящего спиной к нему человека со знакомым борцовским затылком. В руке его поблескивал стальной прут. Человек разговаривал с кем-то, загораживая собеседника широкой спиной.

— Отвечай, — говорил он. — Отвечай, или хуже будет.

Собеседник молчал. Сверкнул стальной прут, рука резко опустилась, раздался короткий гортанный крик боли.

— Что? Что? — шептал сзади Коля.

— Там убивают, — обернулся к нему Андрюша. — Или допрашивают. Но это не привидение.

— Подсади, — попросил Коля.

Андрюша поднял Колю на руки, и в этот момент обладатель широкой спины повысил голос:

— Я тебе голову оторву, и никто не узнает. Понял, сволочь?

— Доннерветтер! — послышался гортанный голос.

— Ругаться, да? — снова удар.

— Это Васька, — обернулся к Андрею Коля. — Васька-шофер.

Андрюша, не отпуская Колю, заглянул в окошко. Спина Василия сдвинулась, и глазам открылась невероятная картина: на крюках, вбитых в стену мельницы, был распят громадный черный ворон Гришка. Василий молотил его железным прутом, а ворон упрямо отклонял в сторону голову и норовил при этом ударить мучителя клювом.

— Гришка! — ахнул Коля.

Возглас Коли донесся до Василия, тот резко обернулся.

— Убью! — закричал он страшным голосом и, не выпуская из рук прута, бросился к двери.

Коля рванулся из рук Андрюши, оба упали на землю. Страх заставил их ползти, потом подняться на четвереньки и понестись к кустам. Им казалось, что разъяренный Василий уже настигает их...

Но этого не случилось. Сзади раздавался короткий крик ужаса. Топот преследователя оборвался, и Андрюша, кинув взгляд назад, увидел, что Василий замер, словно натолкнулся на стену.

— Смотри! — крикнул Коля, вскакивая на ноги.

По тонкому ватному слою вечернего тумана, укрывшему поляну, медленно, невесомо, зловеще надвигалась человеческая фигура, одетая странно и изысканно: в длинный зеленый камзол с красным воротником и обшлагами рукавов, в белые, в обтяжку, штаны, белые чулки и башмаки с пряжками. Лицо этой фигуры прикрывала зеленая треуголка, в руке был старинный пистолет.

Затрещали кусты — туда бросился Василий.



А Андрияша, хоть и не верил в привидения, ощутил такой ледяной и глубокий страх, что ноги сами повлекли его куда-то в сторону. Перед глазами мелькала спина удирающего Коли, потом надвинулась стена темных деревьев. Что-то ударило по ногам, Андрияша полетел в кусты и упал рядом с Колей.

Полежав какое-то время, Андрияша осторожно поднял голову и выглянул в просвет между кустами. Невесомое в синих сумерках привидение подходило к мельнице.

— Бежим, пока привидение далеко, — прошептал Коля.

— Погоди, — сказал Андрияша, к которому возвращались присутствие духа и обычный скепсис.

— Это его мельница, — сказал Коля. — Васька туда забрался, и ему теперь непоздоровится. Секунд-майор его за такое преступление из-под земли достанет.

Андрияша приподнялся на локтях, глядя в даль.

И увидел, как черная тень выскользнула из двери мельницы и взмыла к небу.

— Он его выпустил, — сказал Андрияша. — Подождем еще?

— Ты как хочешь, — сказал Коля. — С меня хватит.

— Ладно, — согласился Андрияша, который вдруг почувствовал, что очень устал и хочет домой.

Они не успели подняться — неподалеку хрустнула ветка. Кто-то шел осторожно и медленно.

— Васька! — шепнул Коля.

Но это был не Васька. Из кустов на поляну, почти растаявшую в сумерках, — туман, полосами поднимавшийся от протоки, уже заполнил ее, — беззвучно вышла еще одна фигура. Еще одно военное привидение. Мундир его был синим, с красным воротником и обшлагами, штаны, в отличие от первого привидения, были красными и заправлены были в высокие узкие сапоги с раструба-

ми. Синяя треуголка была обшита позументом, блестящим под светом только что вышедшей луны.

— Снова секунд-майор,— прошептал Коля.— Это перебор.

— Наверно, он из другого полка,— сказал Андрияша.

Привидение оглянулось, словно вынюхивая живых, потом двинулось к мельнице. Шло оно по колена в тумане, и зрелище было загадочным и потусторонним.

В этот момент дверь в мельнице растворилась вновь, и оттуда, поправляя треуголку, вышел первый секунд-майор. Он сделал несколько шагов, прежде чем увидел своего двойника. В тот же момент и двойник увидел его.

Привидения остановились, приглядываясь друг к другу.

— Дубли,— прошептал Коля.

Привидения будто приросли к месту. Секунды тянулись медленно, страшное бесконечное безмолвие зависло над поляной. Андрияша слышал, как часто и нервно бьется его сердце.

И вдруг оба призрака повернулись и, убыстряя шаги, пошли в разные стороны: первый — к оврагу, второй — к дороге. Они шли все быстрее, летели над туманом... и растаяли в нем, словно их и не было.

Андрияша с Колей, не сговариваясь, вскочили и молча побежали по темному лесу.

Было совсем темно, когда они в километре от деревни выбрались на дорогу. Почти перед околицей издали послышался гул мотора, и, отпрыгнув в кювет, они проследили, как по шоссе, дребезжа, промчался грузовик. Они переглянулись и прибавили шагу — деревня была рядом.

В домах уже зажглись огни, слышно было, как по камням бормочет ручеек. От крайнего дома поднялись две тени — Сеня и Семен, подбежали к дороге.

— Мы вас ждем,— сообщил Сеня.— Даже замерзли.

— Сбежали,— сказал презрительно Коля.

— А мы привидение видели,— сказал Семен.— Так бежали, что чуть ноги не поломали.

— Мы их пачками видели,— сказал Андрияша.— Они у вас в лесу, как грибы. Василий проезжал?

— Только что проехал. А что?

— Ничего,— сказал Коля,— спокойной ночи, малыши.

15.

— Ты где пропадал?— спросила Элла, увидев Андрияшу.— Я уже готова была поднимать на ноги всю деревню.

— Мы с Колей в лесу гуляли,— сказал Андрей.— А где наша молодежь?

— Веня с Ангелиной в клуб пошли. Там репетиция хора. Ангелина поет, а Веня хотел послушать. Нет ли там интересных мелодий.

— Ясно,— сказал Андрияша.— Веню вела бескорыстная любовь к фольклору.

— Если ему нравится Ангелина, в этом нет ничего страшного,— сказала Элла.— Тебе это чувство пока незнакомо.

— К счастью,— сказал Андрияша. В тот момент podobные чувства были от него и в самом деле далеки.

Коля разжигал печку, поглядывая на Андрияшу. Он не понимал, чего Андрияша таится, не рассказывает о привидениях начальнице, но сам был человеком сдержанным и в чужие дела не вмешивался. Тем более тут же пришла Глафира, тяжело прошла к столу и села.

— Уморилась до смерти,— сказала она,— рабочих рук не хватает. Хоть детей поднимай. Артель закрывать будем.

— Тетя Агафья не согласится,— сказал Коля, раздувая печь.— У нее план.

— Не знаю, что и делать. А тут еще совещание по льну. А у вас как день прошел?

— Эдуард Иванович познакомил нас с женщинами. Они мне обещали помочь. Вениамин сейчас в клубе, на репетиции.

— Он в Гельку влюбился,— сказал Коля.

— Чего? Уже успел? Ах она, мерзавка,— рассердилась Глафира.— Человек ученый, на работе, а она ему голову крутит!

— Нет,— сказал Андрияша,— она не виновата. Веня у кружевниц портрет увидел и восхитился. А Ангелина оказалась копией портрета... Тут его сердце и не выдержало.

— Ох, не смейся, Андрияша,— сказала Элла.— Ох, не смейся. Когда-нибудь и сам попадешь в ситуацию похуже этой.

— Понятное дело. Девка в городе пожила, теперь тоскует,— сказала Глафира.— А тут образованный человек, в очках. Но меня больше Василий беспокоит.

— Мы Васю сегодня в лесу видели,— сказал Коля.— На мельнице. Мы Андрею мельницу показывали.

— В Волчьем логу?

— Нет, она дальше ушла,— сказал Коля серьезно.— Мы ее у Максимовой протоки нашли. Василий там Гришку пытал!

— Не может быть!— ахнула Элла.— Какого Гришку? Почему не остановили? Почему мне ничего не рассказали?

— Погодите,— сказала Глафира, тяжело поднимаясь из-за стола.— Ты, Николай, рассказывай по порядку. Меня давно этот Васька смущает. Чего пытал, чего узнать хотел?

— А мы не видали,— сказал Андрияша.— Понимаете, он стоял к нам спиной, а там плохое освещение...

— А потом он нас услышал и погнался. А тут привидение...

— Привидение?— спросила Элла.

— Секунд-майор,— сказала Глафира.— Я, правда, его не видела, но некоторые встречали.

— Но ведь этого быть не может,— сказала Элла.

— Правильно,— согласилась Глафира.— Рассказывай дальше, Николай.

— Нечего рассказывать. Привидение пришло, в мундире и с пистолетом, Васька бежать, мы тоже.

— И все?

Коля поглядел на Андрияшу. И Андрей понял, почему. Пока речь шла об одном привидении, вроде бы можно было в это верить.

— Не все,— сказал Андрюша.— Привидений было два.
— Чего меня морочить вздумали?— нахмурилась Глафира.

— Ей-богу, два,— сказал Коля.— Только один в зеленом мундире, а другой в синем. Первый в мельницу пошел, Гришку выпустил...

— Значит, беспокоится, ход бережет,— сказала Глафира.

— Гриша не скажет,— заметил Коля.

Андрюше стало вдруг грустно. Он здесь чужой. Вроде бы видит, что и другие, вроде бы с ним разговаривают, за столом сидят, в лес ходят, а от этого лишь накапливаются недоразумения и тайны. То нападешь на медведя, а оказывается, что нападать не положено, то ищешь по лесу мельницу, и никого не удивляет, что мельница бродячая, а в ней допрашивают Гришку, тебе это кажется загадкой, а может, все просто объясняется, да некому объяснить?

Наступила пауза, которую ни Элла, ни Андрей не посмели нарушить. Элла накручивала на палец рыжий локон и старалась убедить себя, что хозяева шутят. Глафира снова уселась за стол, задумалась, потом надела массивные модные очки и начала просматривать газету — передовицу про сенокос.

— Гляди-ка,— сказала она.— «Путь революции» шестьдесят два процента скосил. Вы такое видели? Да они и не начинали за Сотьвой косить!

— Вчера косили,— возразил Коля.— Известное дело, у них студентов тридцать человек.

— Студенты по лесу ягоды собирают,— сказала Глафира.— Поверь уж мне, поспешил Кондратий с отчетом. Ой, поспешил.

— Значит, вы наблюдали фигуры в офицерских одеждах?— тихо спросила Андрюшу Элла.— А что если здесь дислоцирована воинская часть? Они же имеют право в свободное время гулять в лесу.

— Если и была дислоцирована,— вздохнул Андрюша,— то лет двести назад, как в Конотоп перевели. Жаль, темно было, не сфотографируешь.

— Милиция по Василию плачет,— сказала Глафира, откладывая газету.— Сколько лет мельница на месте стояла. Кому-то это нужно, не пойму. А ну-ка, Николай, добеги до Артемия, позови. Надо мне с ним поговорить.

Старик Артемий вошел в комнату несмело, задержался в дверях. В руке — обвязанный веревкой старый чемоданчик, с такими ходят водопроводчики.

— Вечер добрый,— сказал он, поглаживая седую бороденку.— Не побеспокоил?

— Заходи, дед,— сказала Глафира, снимая очки, кладя на стол и припечатывая тяжелой ладонью, словно муху.— Садись.

Дед присел на стул.

— Чего приглашала?— спросил он.

— Претензии у меня к тебе. А какие, знаешь?

— Знать, конечно, не знаю. Не имею возможности. Но догадываюсь. На работу я сегодня не вышел. Это точно!

— Занемог снова? А косить кто будет?

— Правильно! Но не занемог. А волновался. За здоровье Михаила, сама понимаешь. Испугали они его,—

дед вежливо наклонил голову к Андрюше.— Без злого умысла, но подстрелили. А он у нас нервный стал, очень нервный. Малину у меня отобрал. Но завтра с утра, Глафира. Это точно! С косой на поляну! Без обману, это точно!

— А то смотри, что пишут. «Путь революции» уже шестьдесят два процента скосил.

Дед вытащил из кармана серого пиджака старинный лорнет в золотой оправе, растворил его и наклонился над передовицей. Все молчали, пока дед, шевеля губами, читал сообщение о ходе косовицы.

— Да,— сказал он наконец.— Кондратий, можно сказать, преувеличил. Это точно!

Коля достал горшок с картошкой, Элла помогла ему, поставила рядом сковороду с рыбой, а Андрюша резал хлеб.

— Ты мне скажи, где Гришка?— спросила Глафира.— С ним чего не случилось?

Дед откашлялся, но промолчал.

— Чего молчишь? Люди это приезжие, все равно не поймут.

— Видел сегодня Гришку,— сказал дед.— Видел. Прилетел он. Крыло у него поврежденное, двух перьев на хвосте нет. Дал я ему политическое убежище.

— Василий?— спросила Глафира.

Дед удивился. Сильно удивился, вцепился себе в бороденку, дернул ее книзу, глаза остекленели.

— Василий? Чего Василий?— спросил он.

— Ну, не хочешь, как хочешь,— сказала Глафира.— Только учти, старый, вот эти ребята в лесу были, мельницу нашли. Василия там видели. И Гришку.

— Мельницу? В Волчьем логу?— спросил дед.

— Не,— сказал Коля.— Дальше, у Максимовой про- токи.

— Ага,— согласился дед.— Дальше.

— А Гришка к тебе когда прилетел?

— Да полчаса не будет, как прилетел.

— А что сказал?

— А что он скажет, птица глупая.

Элла с Андрюшей слушали этот разговор, и смысл его был близок, почти раскрыт, но догадаться самим невозможно.

— Значит, ты ничего не знаешь?— спросила Глафира.

— Знать не знаю, это точно. Но обязательно догадаюсь, ты меня, Глаша, знаешь.

— Садись тогда, поешь с нами.

— Мне ни к чему, благодарствую. Я ужинал.

— А ты поешь. Не отказывайся. И люди с тобой поворят. Ты ведь им тоже не без пользы... Странно мне. Вроде бы людей знаю и места, всю жизнь здесь прожил, а вот теперь чего-то не понимаю. Словно злой дух какой вмешался. Ну, просто не понимаю!

— Я так тоже думаю,— сказал дед. Достал щеточку, принялся чесать бородку.— Тоже думаю, что есть какой-то злой дух, только не пойму еще, как его фамилия.

— Значит, не веришь?

— В кого не верю?

— В секунд-майора.

— Нет,— сказал дед скорбно,— верю. Не хотел бы,

да верю. Сам видел. В лесу. Сегодня. Ходит, шастает. А чего ему надо, спрашивается?

— Вот поедим,— сказала Глафира,— и принимайся, дед Артем, за рассказ.

— О чем рассказывать-то?

— Не притворяйся, чемодан-то чего притащил? Кто не знает, что ты в нем свои бумаги хранишь.

— Берегу,— согласился дед,— от дурных людей.

16.

Дед достал длинный костяной мундштук, потом из другого кармана — расшитый бисером кисет с табаком, закрутил самокрутку, вставил ее в мундштук.

Элла с Колей убрали со стола. Дед поставил на стол чемоданчик, развязал веревки — и тот сразу распахнулся, из него ворохом полетели листы бумаги.

— Деревня наша,— сказал дед, раскладывая бумаги по столу,— имеет историю долгую и необыкновенную. А известна она узкому кругу людей, потому что другие не интересовались. Ты посмотри на своих гостей, Глафира. Они по специальности все волчьи углы облазили, а вот до нас только к концу двадцатого века добрались. Вот ты, рыжая,— это относилось к Элле, и та не обиделась.— Скажи, почему Ручьи Полуехтовы.

— Помещик был Полуехтов,— сказала Элла.— Нам Эдуард Иванович рассказывал.

— Эдуарда Ивановича меньше слушай. Он человек пришлый, гордый, а без любопытства. Как приехал, так и уедет.

— Эдуард Иванович много делает для самостоятельности,— сказала Глафира.

— Когда по делу говоришь, Глафира, я к тебе всегда прислушиваюсь. Но когда о самостоятельности или, допустим, об американском джазе, то лучше помолчи. Ясно?

Глафира улыбнулась. За окном стало совсем темно, луна повисла над занавеской.

Дед Артем хитро прищурился, отложил лорнет, выставил бороденку, потом закачался медленно и ритмично, руки его поднялись над коленями, словно на коленях лежали гусли и дед собирался себе аккомпанировать.

— В некотором царстве,— начал он нараспев,— в некотором государстве...

— Послушай, Артемий,— перебила его Глафира.— А нельзя ли попроще?

— Попроще нельзя,— сказал Артемий.— Ты забыла, кого принимаем? Принимаем мы специалистов по фольклору — для них, что начинается с трезвых дат и фактических сведений, в уши не пролезет. Продолжаю. Значит, в некотором царстве, в некотором государстве жили-поживали добрые крестьяне, землю пахали, горя не знали, подати платили, лен молотили...

Андрюша включил магнитофон, и дед наклонился к нему поближе, чтобы магнитофон чего не пропустил, а сам поглядывал на зеленый дрожащий огонек индикатора, следил за качеством записи.

— Тебе ли фольклор придумывать?— усомнилась Глафира.

— Кто-то должен это делать? — сказал дед. — Не оставлять же на откуп неграмотным бабкам. А ты чего «телефункен» не купишь?

— Чего?— не понял Андрюша.

— Качество невысокое,— сказал дед.— Наше производство.

— Не отвлекайся,— сказала Глафира.— Думаешь, если новая аудитория, на тебя управы нету? Вот велю Кольке рассказывать...

— Нет, Кольке нельзя,— не согласился дед,— он романтик. Он обязательно прирет. Про крепость и индейцев.

— Тогда я сама расскажу.

— Давай, чего мне, я разве возражаю? Ты бригадир, ты здесь исполнительная власть. Давай, рассказывай.

— Дело в том,— сказала Глафира,— что дед наш — краевед. Он три отпуска в Ленинграде провел, в архивах, в музеях. Все наши легенды и сказки научно объяснил, но, разумеется, личная скромность его подводит, да и недостаток образования...— Глафира говорила, ухмыляясь, поглядывала на деда, тот вертелся на стуле: и приятно было слушать, и самому поговорить хотелось.

— Ладно,— сказал дед.— Я сам продолжу.

Он обеими руками подвинул к себе кипу бумаг. Бумаги оказались различными — старыми, мятыми записками, машинописными страницами, фотокопиями документов, исписанных писарской вязью...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Позвольте вам посулить всяческих благ...

**Анатолий
ПУДВАЛЬ**

Авторитет и популярность Демьяна Бедного в первой половине 20-х годов были необыкновенно велики. Книги его не залеживались, хотя выходили ежегодно не по одному названию и неслыханными по тем временам тиражами.

«Уралкнига» не была бы акционерным книгоиздательским и книготоргующим обществом, то есть существующим за счет паев и поэтому обязанным приносить пащикам определенный доход, если не попыталась бы использовать эту популярность в своих целях. Издав в 1923 году «Вон самогон!» В. Маяковского, «Партизан» Вс. Иванова, «Неделю» Ю. Либединского, «Рассказ о кандалах» Н. Ляшко, «Буденный» Н. Асеева, главный упор «Уралкнига» сделала на Демьяна Бедного — выпустила тиражом по 60 тысяч экземпляров сразу три его народных сказки — «Клад», «Диво дивное», «О красном петухе и мужицком грехе». И внакладе, судя по всему, издатель не остался, поскольку на будущий год было решено предложить читателю уже большой сборник избранных произведений поэта.

И все бы ничего, если б не удивительная, какая-то наивно непосредственная простота издательских прав «Уралкниги», если б не ее бесперомонно-свойское обращение с авторами и их трудами. Порой уральские издатели полагали: достаточно того, чтобы автор понравился им, и совсем необязательно спрашивать у него согласия на издание его произведения, а тем более — заключать какой-то договор. Демьян Бедный в этом смысле не был ни первым, ни последним. Однако именно из-за него «Уралкниге» пришлось пережить несколько весьма неприятных моментов.

Редакционно-издательский сектор «Уралкниги» решил в 1924 году

вписать в свой актив книгу избранных произведений Демьяна Бедного. Стихи были отобраны из периодики, из других изданий. Правда, в плане сборник пометили не как перепечатку, а как оригинальное издание. И рукопись и ее оформление получили одобрение редакционного совета. И вот тут-то кому-то пришла в голову мысль известить обо всем и Ефима Алексеевича, испросив у него, автора, — пусть уже после времени — разрешения на издание книги. Как жаль, что мы не располагаем этим письмом! Но зато ответ Ефима Алексеевича перед глазами (он сохранился в фондах Государственного архива Свердловской области, как и прочие документы, которые будут приведены ниже).

«Ессентуки. 7 июля 1924 года.
В издательство УРАЛКНИГА.
На № 2594.

Братишки!

До сих пор вас называли — «УРАЛКНИГА». Что с вами сделалось? Почему вы переменяли свой золотой (для себя, а не для авторов!) характер? Впрочем, вы остались изрядными юмористами, обратившись ко мне за разрешением печатать «уже набранный и иллюстрированный» сборник моих произведений. Изворачивайтесь, как знаете, потому что мне неохота из-за вас ссориться с Госиздатом.

Вы там что-то из моих стихов уже издавали. Но хотя бы для ознакомления по одному экземпляричку послали автору.

Жду от вас дальнейших сюрпризов.

С неизменной симпатией к вам
Демьян Бедный».

Как видим, ожидаемого разрешения получено не было. «Уралкнига» решила провести обходной маневр —



18 июля из Екатеринбурга в благословенный район Кавказских Минеральных Вод полетела телеграмма:

«Ессентуки. Партком. Демьяну Бедному.

Издаем небольшой сборник ваших избранных стихотворений размером 8 печатных листов.

Ничего подобного московским издательствам.

Продолжаем юмористику двоечиие телеграфируйте адрес для высылки книжек гонорара.

3043. Уралкнига Райвид».

Заведующий редакционно-издательским сектором Николай Яковлевич Райвид, кажется, своего добился. Ответная телеграмма от 22 июля 1924 года гласила:

«Екатеринбург. Уралкнига.

Согласно вашему 3043 высылайте Ессентуки директорский павильон Демьяну Бедному».

Но в письме Ефима Алексеевича еще был камушек в уралкниговский огород по поводу уже изданных, так сказать, явочным порядком его стихов, которые не грех бы прислать «хотя бы для ознакомления по одному экземпляру». Надо уладить недоразумение и здесь. 28 июля вслед за телеграммой из Екатеринбурга отправляется еще и письмо.

«№ 3204. Ессентуки. Директорский павильон. Демьяну Бедному.

Высылаем Вам не только по одному, но по пять экземпляров уже изданных нами Ваших произведений: 1. Диво-дивное, 2. Клад и 3. О мужицком грехе.

Одновременно высылаем Вам гонорар за эти произведения в размере 150 рублей

Вы можете на деле убедиться, что у нас действительно золотой характер... и для авторов.

Собрание избранных Ваших сочинений находится еще в печати, по выходе вышлем авторские и гонорар.

С комму. приветом.

Секретарь ред.-изд. сектора Анненкова».

Юлия Ильинична Анненкова постаралась оправдать ожидание Демьяном «дальнейших сюрпризов»

от «Уралкниги», как он писал о том 7 июля: обещано было многое, а выполнено — почти ничего. Ну что ж, зато через полтора месяца в екатеринбургском архиве осело еще одно письмо поэта.

«Демьян Бедный.

Москва, Кремль.

Сентября 6 дня 1924 г.

«В Уралкнигу».

Уважаемые товарищи!

У меня к вам вот какого рода просьба:

Был я в Екатеринбурге в начале 1921 года во время профдискуссии и приятно ознаменовал там себя несколькими (пятью или шестью) фельетонами о профсоюзах. Вот (точные, точные!!) копии этих-то замечательных фельетонов и запонадобились до зарезу. Заплатите хорошей переписчице из тех пятнадцати червонцев, которые были вами мне посланы письмом на Кисловодск, но которых я по-днесь не получал. «На посуле, как на стуле: посидишь да и встанешь».

Так как я из Евпатории уезжаю на днях, то фельетоны перешлите по адресу — «Москва, Кремль».

Туда же можно и новые посулы посылать.

С тем позвольте вам посулить всяческих благ
Демьян Бедный».

Подписал машинописный текст Демьян красным карандашом.

Им же подчеркнуто слово «копии» и сверху в скобках вставлено дважды повторенное определение «точные» с двумя восклицательными знаками: коли не можете, мол, быть точными в своих заверениях и обещаниях, то хоть копии фельетонов пусть будут точными.

Наискось по левому верхнему углу письма красными чернилами резолюция председателя Правления «Уралкниги» Бориса Александровича Либермана:

«т. Райvidу.

Сговориться с т. Ликиловой об этих фельетонах.

18.9.24».

Ниже — указание следующей инстанции, по-видимому, уже самого т. Райvida:

«Написать Д. Б., что нашли всего четыре фельетона, последние ему отослать.

26.9.24».

Наконец внизу приписка простым карандашом, скорее всего исполнителя двух резолюций:

«Фельетоны высланы 26/IX-24 г. за № 4319».

Примечательно, что 1 мая того самого 1924 года, к которому относится эта переписка, Ефим Алексеевич сам был в Екатеринбурге (на открытии Дома крестьянина имени В. И. Ленина), но отчего-то в «Уралкнигу» не заглянул...

Сборник избранных стихов Д. Бедного «К борьбе, труду, победе» объемом восемь печатных листов и тиражом пять тысяч экземпляров вышел в декабре 1924 года. Не знаю, были ли посланы авторские экземпляры (и посылали ли их вообще), а что касается гонорара, то в одном из документов акционерного общества «Уралкнига» значилось, что «на 15 мая 25 г. подлежит уплатить... за издание: ... Д. Бедный. К борьбе, труду, победе — 450 руб».

Прошло после этого всего 49 дней, и — грянула буря.

«РСФСР.

Государственное издательство, Москва, 3 июля 1925 г. № ЮБ/082.

В Правление Акционерного общества «Уралкнига».

Акционерным обществом «Уралкнига» в 1925 году выпущена в свет книга под названием: Демьян Бедный — «К борьбе, труду, победе» — Избранные произведения. Видя того, что Госиздат РСФСР заключил в 1924 году с Демьяном Бедным авторский договор на право издания всех его произведений, Юридическое Бюро Госиздата просит Вас не отказать сообщить, имеется ли у Вас также договор с Д. Бедным, и если имеется, то не откажите прислать копию договора.

В случае оставления Вами без отзыва настоящего письма в течение 5-ти дней со дня получения его, Юридическое Бюро будет считать, что такого договора у Вас не имеется.

Юрисконсульт Я. Луначарский».

Пометка в правом верхнем углу этого грозного запроса гласила: «Ответ ожидается к 15/VII с. г.» — подпись же юрисконсульта как две капли воды была похожа на росчерк наркома по просвещению Анатолия Васильевича Луначарского (а он побывал в Екатеринбурге только что, в начале января). Поэтому проект ответа в редакционно-издательском отделе «Уралкниги» (да, сектор вырос уже в отдел) был составлен почти молниеносно и, как мне кажется, чуть ли не блестяще по всем юридическим и канцелярским правилам.

«На Ваш запрос... имеем сообщить следующее... До введения в действие... это последнее регламентируется... не содержит карательных мер за нарушение...» и т. д. и т. п. Суть этих безукоризненных построений сводилась к тому, чтобы доказать юрисконсульту с наркомовской фамилией, что «небольшой по своему размеру... сборник политико-просветительного значения для деревни», к тому же составленный из перепечаток уже опубликованных стихов, подготовлен еще до «введения в действие согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 30/I-25 г. основ авторского права», «по изложенным выше основаниям договора с Демьяном Бедным на издание указанного сборника не заключалось». Словом, нарушений никаких нет, и «Редакционно-Издательский Отдел Акционерного Общества Уралкнига полагает, что изданием упомянутого Сборника он только закономерно выполнил поставленную Уставом О-ва задачу политического просвещения масс».

Все прекрасно! Правда, для нас, теперь уже в какой-то мере посвященных в некоторые секреты фирмы, все-таки, мягко говоря, странным кажется упор в проекте ответа на то, что сборник избранных Демьяновых стихов — перепечатка. Ведь мы же знаем, что в издательском плане-отчете о произведениях, изданных в 1924 году, под декабрём значится выход сборника «К борьбе, труду, победе» и помечено, что произведение это — «ориг.».

Наверное, может вызвать лишь улыбку и утверждение, что «сборник... небольшой по своему размеру».

Это в восемь-то печатных листов — небольшой? В шесть с лишним тысяч стихотворных строк — небольшой? Что же тогда — большое?

Вероятно, какие-то сомнения, подобные этим, возникли при чтении проекта ответа и в те дни. Так или иначе, но ни скорой (как настаивал издательский юрисконсульт), ни обычной почтой в Москву его, судя по всему, не послали. А вышестоящее начальство, ознакомившись с проектом, по-видимому, нашло его не только не совсем убедительным, многословным, но еще и как бы оправдывающимся. Поэтому в левом верхнем углу проекта наискось по машинописи были начертаны четыре тезиса, которые надлежало употребить в истинном ответе:

«Об издании сборника «К борьбе, труду, победе» т. Демьян Бедный был в свое время поставлен в известность и возражений против издания с его стороны не имелось, что видно из его сообщения нам по этому поводу.

Сборник «К борьбе, труду, победе» был фактически издан в 1924 г., но, ввиду выхода его из печати к концу 1924 г., он был помечен 1925 годом.

О существовании у ГИЗа генерального договора с Демьяном Бедным мы узнали впервые из В/письма...»

В конце концов ответ получился сдержанно-женским, без всяких юридических изысканий и экивоков.

Однако и он не пресек коварного любопытства юрисконсульта ГИЗа. Теперь Я. Луначарский просил «не отказать прислать копию сообщения Д. Бедного о неимении возражений против издания Вами вышеназванной книги».

Вот уж чего «Уралкниге» не хотелось делать ни в какую!

Что бы там ни было, но в телеграмме Демьяна из Ессентуков все же прямого согласия поэта на издание его книги не содержалось (не говоря уж о письме от 7 июля!). И редакционно-издательский отдел, Правление всячески тянули время в надежде, авось да свердловские (за время переписки Екатеринбург успел стать Свердловском) юристы найдут какой-то выход или же юрбю-

ро Госиздата забудет о своем запрете, авось да все утрясется... Но не забыли, не утряслось. 27 августа 1925 года о все еще ожидаемой «высылке копии сообщения Д. Бедного» напомнил уже старший юрисконсульт ГИЗа, да при этом и предупредил, что «неполучение... этой копии вынудит Бюро принять меры к защите интересов Госиздата».

Надпись чернилами наискось листа с этим напоминанием: «Дайте скорей ответ, доложив мне об этом. Б. Либерман», — была похожа скорее не на указание председателя Правления подчиненным, а на заклинание. Но какой же еще ответ можно было дать? Все-таки выслать копию коварной Демьяновой телеграммы? Или — его письма?!

Оставим окончательное разбирательство в этом щепетильном деле в компетенции юристов и администрации ГИЗа и «Уралкниги». Прочтем лишь еще одно письмо, обращенное непосредственно к Демьяну и содержащее некоторые любопытные детали к характеристике уральских издателей.

«№ 991. 22/XI—25.

Москва, Кремль. Демьяну Бедному.

Уважаемый товарищ Демьян Бедный!

Нашему представителю в Москве вчера перевели телеграфно 450 рублей для уплаты Вам за сборник «К борьбе, труду, победе».

150 рублей за сказки перешлем через недельку.

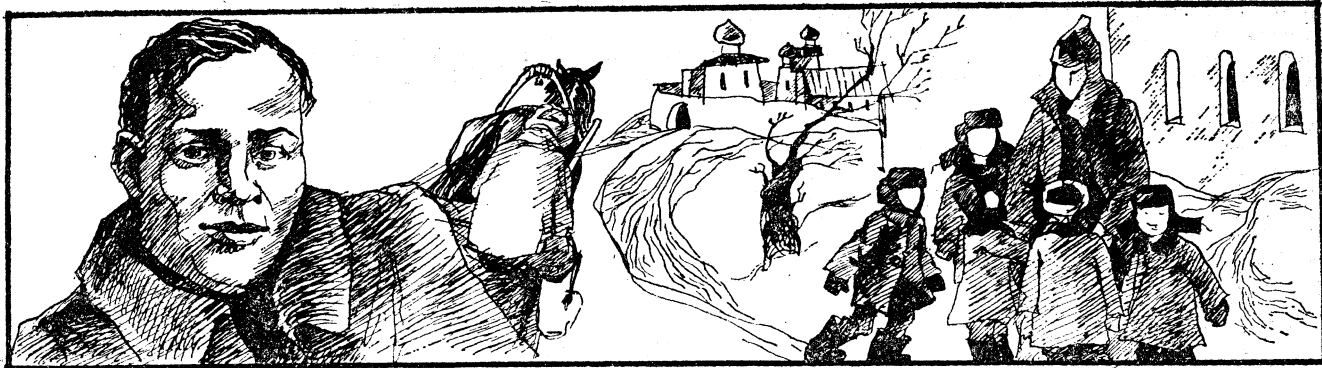
С коммунистическим

приветом.

Секретарь Ред.-Изд. Отд. Ю. Анненкова».

Вот так: за издания двухгодичной давности — «через недельку»!

Сколько цепкими оказались нравы, вынесенные из практики чисто коммерческих, капиталистических издательств, если они были в порядке вещей в деятельности «Уралкниги», начавшей работать пять лет спустя после революции!



«Нашествие» на Малую Благодать

**Александр
ШАРЦ**

*Рисунок
Е. Круских*

В конце марта 1926 года Пермский окружком комсомола послал меня в командировку на Юговской завод. Служебные дела я завершил быстро и, собираясь обратно в Пермь, с утра сидел в райкоме комсомола, просматривая напоследок кое-какие бумаги. И вдруг в маленькую комнату, где я сидел, втиснулся боком Гайдар — улыбающийся и с дымящейся трубкой во рту.

— Здравствуй, комсомолец! Мне нужно в школу-коммуна, — и, увидев меня, добавил: — Может, вы проводите?..

С Аркадием Гайдаром я встречался в Перми много раз, он знал меня как рабкора газеты «Звезда». Я согласился ехать с ним.

— До школы больше трех верст, — говорю, — мы, пожалуй, попросим лошадку в райисполкоме...

Пришли в конюшню райисполкома, где нас приветливо встретил Михенч — конюх и заведующий.

— Все лошадки в разгоне, — вздохнул он. — На конюшне одна уросливая Графиня. Но до Малой Благодати донесет, кнутовищем можете ей на гору взобраться...

Графиню запрягли в сани. Я сел за ямщика, а Гайдар ко мне спиной. Дорогой он начал что-то говорить, но слишком неразборчиво, не вынимая трубки изо рта. Я сначала поворачивался и переспрашивал его, но, не получив ответа, перестал обращать внимание. В дороге человек нередко разговаривает сам с собою вслух.

Школа-коммуна находилась на высокой горе, которая называлась Малой Благодатью. Рядом — поляна десятины в три да озеро с чистой

и холодной водой. До революции здесь был мужской монастырь. После разгрома белогвардейцев монахи разбежались и в монастыре открыли школу-коммуна, куда привезли 60 беспризорников.

На половине крутой горы Графиня остановилась. Ни понукания, ни вожжи, ни кнут не могли сдвинуть ее с места. Мы вылезли из саней, и тут вдруг лошадь галопом понеслась в гору.

— Что делать теперь? — сказал Гайдар. — Пошли пешком.

С трудом шагали по тяжелому весеннему снегу. Вскоре увидели, что навстречу нам бегут ребята. Первым несся Димка Хохол.

— Александр Кузьмич, — слышу, — вас не убила Графиня? Нас послал заведующий узнать, почему лошадь одна прибежала?

Я представил ребятам молодого писателя.

— Гайдар! Гайдар! — закричали они. — Очень здорово вы написали про Лбова! Что еще пишете?

Шумной ватагой мы подошли к школе. У ворот стоял заведующий Иван Петрович Зеленин, очень представительный, с большой седою бородой. Он пригласил нас в помещение. Но ребята, не обращая на него внимания, вели какой-то тайный разговор с Гайдаром. Как потом оказалось, он предложил им поиграть в войну. Одной рукой он показывал на каменные сараи, другой — на недостроенную ограду. Потом распахнул свою старую шинель, нахлобучил буденовку и начал излагать план военных действий...

— Зачем он к нам приехал? — спросил меня Иван Петрович.

— Честно говоря, не знаю. Сегодня мне нужно быть в Перми. Гайдара я оставляю вам, и вы с ним сами обо всем побеседуете.

Между тем игра в войну уже началась. Одни ребята оседлали высокий каменный забор, в руках других были лопаты. Вместе с Гайдаром они дружно строили укрепления из снега...

Подойти к Гайдару, поговорить с ним мне так и не удалось.

Приблизительно через неделю меня вызвал к себе заведующий Пермским окроном Иван Андреевич Мальцев. Он встретил меня довольно сурово.

— Какая надобность была позвать в школу Гайдара? — спросил он.

Я рассказал, как все получилось. — У нас ведь есть другие школы-коммуны, где хорошо поставлено дело, — не унимался Мальцев. — А вы фельдтониста везете в плохую школу...

В это время в кабинет зашел И. П. Зеленин. Спокойно и рассудительно он начал говорить:

— Нашу школу-коммуна не очень часто посещают: раз в год, а то и реже кто-нибудь заглянет. Я бы не сказал, что народ у нас плохой, как говорят инспекторы. Мне кажется, что дисциплина низка потому, что мы не даем ребятам быть ребятами.

И рассказал нам о событиях того дня.

В коммуна Гайдар заявился в окружении ребят. Он, словно не заметив преподавателей, сразу же организовал с мальчишками военную

игру: кучи снега превратились в бастионы, у ребят появились в руках самодельные деревянные ружья и сабли. Преподаватели даже испугались, увидев на ограде монастыря две пушечки — монахи на пасху из них стреляли. На колокольне ударили в вестовой колокол. Гайдар залез на самый высокий сугроб и стал командовать.

Бой продолжался до позднего вечера. Но шум сразу прекратился, когда Гайдар объявил:

— Враг разбит! Айда ужинать и спать! Завтра — новое наступление!

После ужина уставшие «воины» крепко спали. Педагоги, посовещавшись, решили, что завтра Гайдара, возмутителя спокойствия, во что бы то ни стало надо отправить в Пермь. Завхоз вызвался съездить в райисполком и попросить там хороших лошадей.

Наступило утро, а завхоза все не было. После поспешного завтрака ребята высыпали во двор, и началось такое, что вчерашний день показался лишь прелюдией к бою. Появились носилки, хотя раненых не было, в одном из классов организовали лазарет. Началась опять стрельба.

Создалось впечатление, что такую «войну» ребята готовили давно, прочитав повесть Гайдара «Жизнь ни во что. Лбовщина». Может, они и писали ему письма, приглашали в гости?

Лишь к обеду на паре хороших лошадей приехал завхоз. Однако Гайдара увезли только поздно вечером, когда закончилась «война»...

После этого «нашествия» Гайдара в школу-коммуну в округе ждали разгромного фельетона в «Звезде». Но фельетон не появился в газете. Вскоре я зашел в редакцию «Звезды». Ответственный секретарь Савватий Михайлович Гицц сказал, что Аркадий Гайдар уехал в Москву, оттуда направится в Среднюю Азию и вернется ли в Пермь — неизвестно. Гицц сказал, что в редакции лежит его повесть «Р. В. С.».

С 11 по 28 апреля 1926 года в «Звезде» печаталась повесть Гайдара «Р. В. С.». Ребята из Малой Благодати тайно ездили в Пермь, чтобы еще раз заполучить к себе в гости Гайдара, но его не было в городе...

Хотя Гайдар тогда ничего не написал о Юговской школе-коммуне, но в архиве газеты «Звезда» есть немало его фельетонов на темы воспитания. Писатель выступал в защиту ребячьего в ребятах, бичевал формалистов от педагогики, высмеивал их черствые души, а иногда и ставил неожиданные эксперименты, как та игра в «войну», затеянная им на Малой Благодати...

Поэт-революционер

Валерий
ПОНОМАРЕВ

В декабре 1907 года социал-демократы Вятки возобновили выпуск своего нелегального органа «Рабочий листок». Первый номер начинался стихами:

Хотят убить в нас дух могучий
Нагайкой, пулей и штыком,
Но в темноте под грозной тучей
Крепимся мы и бури ждем.
Товарищи! К борьбе готовый,
Везде встает рабочий класс,
И жаждой счастья жизни новой
Горят сердца восставших масс.
Их руки крепки, души смелы,
Их путь свободен и широк,—
Пускай же их святому делу
Послужит вольный наш станок!!!

Автор стихов долгое время не был известен. Сейчас, после проведенных поисков, можно с уверенностью сказать, что строки эти принадлежат Михаилу Васильевичу Котомкину. М. В. Котомкин родился в 1885 году в городе Царевосанчурске Вятской губернии. В 1904 году, будучи учащимся Вятского сельскохозяйственного училища, вступил в РСДРП. М. В. Котомкин — активный участник трех революций, в годы гражданской войны — комиссар на Восточном фронте, затем — председатель Уфимского губисполкома, был делегатом VIII съезда Советов, неоднократно встречался с В. И. Лениным, в течение семи лет работал заведующим приемной М. И. Калинина, в годы Великой Отечественной войны участвовал в народном ополчении, умер в 1954 году.

М. В. Котомкин как поэт сейчас почти неизвестен, а было время, когда его стихи знал и любил простой народ.

В черные годы реакции М. В. Котомкин жил в Петербурге. В это время его стихи публиковались в журнале «Пробуждение», в «Народном журнале». Они наполнены болью за судьбу родины, дышат грустью, тоской:

Перестань, замолкни, арфа золотая,
Не развеять песней срам родного края!

Он пророс глубоко сорною травой,
Нет больному сердцу от него покою...

Осень 1918 года. На Восточном фронте Красная Армия ведет жесто-

ченные бои с колчаковцами. В те дни почти в каждом номере газеты «Известия 2-ой Армии Восточного фронта» печатались стихи за подписью Иван Кулик — такой псевдоним взял себе Михаил Котомкин. В конце того же года они были изданы политотделом армии под названием «Песни Ивана Кулика». Один экземпляр этого скромно оформленного сборника хранится сейчас в Свердловском краеведческом музее.

В книжку вошло сорок шесть стихотворений. Написанные на довольно высоком уровне поэтического мастерства, они были заряжены оптимизмом, верой в прекрасное будущее, звали в бой с врагом. Таково стихотворение «Крестьянину»:

Ты — крестьянин, я — рабочий,
Братья мы с тобой.
С колыбели наши очи
Выжжены слезой.
Нас баюкали метелю,
Голод нянчил нас,—
Так идем же вместе к цели
В этот грозный час!
Много нас, как волны моря,
Мы идем-идем,
Чтобы мир нужды и горя
Сжечь своим огнем.

Автор назвал стихи песнями. Конечно, не все их можно считать таковыми, но некоторые строчки так и просятся на музыку:

Мы солдаты революции,
Ее красные сыны.
Для защиты Конституции
Мы сошлись со всей страны.
Выше знамя, тверже шаг,—
Трепещи, проклятый враг!

В последующие годы стихи М. В. Котомкина печатались в газетах «Правда», «Вперед», «Уфимские известия», в журналах «Меч и молот», «Пахарь», «Уфимский сборник Октябрьской революции». Мирный труд на заводах, на полях стал главной темой его творчества.



Оста- новки в пути

Леонид
ФОМИН

Рисунки
Ю. Калмыкова

Этюды? Маленькие рассказы? Новеллы? Право, не знаю, как и назвать то, что написал. Это — своеобразные остановки в пути, мгновения жизни, зарубки на память, которые сами оформляются в мысли, раздумья и запоминаются на годы.

Красота

Каждое утро, в одно и то же время, ровно в восемь, она приходила на остановку и дожидалась своего троллейбуса. Она ездила только третьим маршрутом, изредка, если угадывала, садилась на восемнадцатый автобус — он шел в том же направлении и лишь в центре Москвы, где-то у Садового кольца, сворачивал.

Я тоже ездил этим маршрутом, и тоже в это время, и каждое утро видел ее. Видел недолго, две, от силы пять минут, но каждодневно, постоянно, из месяца в месяц. Она ничем не отличалась от прочих московских девушек — джинсовые брюки, легкая капроновая куртка, большие часы на руке, рубиновый, с бликами, перстенок на безымянном пальце. Разве что не было на ней парика, какие тогда — к лицу, не к лицу ли — так бездумно носили многие модницы.

И еще она не курила.

Я привык к ней, как к старой доброй знакомой, хотя никогда не разговаривал, даже не здоровался и не знал ее имени. Я только догадывался, кто она, куда ездит на «тройке», и по моим догадкам выходило, что она — какой-то рядовой служащий: может быть, машинистка, может быть, секретарша или то и другое вместе.

Но я, конечно, мог и ошибиться. С полной определенностью, пожалуй, можно было сказать, что девушка она очень обязательная и, по всей



вероятности, строгая. Строгость, а точнее, некую отчужденность подчеркивала вся ее ладная спортивная фигура, какая-то задумчивая отрешенность, манера держаться независимо, как бы всегда настороже. Ожидая троллейбус, она ни с кем не вступала в разговоры, ни о чем не спрашивала. Если, случалось, обращались к ней («Сколько времени?» «Давно ждете?»), отвечала коротко, односложно, не глядя на человека.

В троллейбусе она никогда не садилась, сразу проходила к заднему стеклу и, взявшись за поручень, глядела на убегающие от нее дома и тротуары.

Я не знал, где она выходила, но, наверно, близко от моей остановки, потому что на этой, где выходил я, она мельком взглядывала на часы, поправляла на плече ремень сумочки и поворачивалась лицом к салону.

Она была очень красива, эта моя знакомая незнакомка. Никто не мог пройти мимо нее, не обратив внимания, не придержав взгляда, не удивившись тайно («Экое, мол, сотворение земное!») и потом неотвязно думая о ней, непонятно чего ожидая, сравнивая, вспоминая... Сверстницы разглядывали ее с откровенным любопытством, не скрывая зависти и какого-то глубоко спрятанного недоброежелательства; дамы задумчиво умолкали, и глаза их наполнялись тихой печалью; мужчины, забывшись, подолгу не отводили от нее зачарованного взора. Ну, а про добрых молодцев и говорить нечего...

И девушка устала от всеобщего внимания, устала от своей красоты. С некоторых пор она как бы перестала принадлежать самой себе, не могла быть раскованной, естественной, потому что всегда была на виду, как яркий одинокий цветок на скошенной луговине. Ей надо было либо приспособливаться ко всем, отвечать на шутки, улыбки, заигрывания, либо замкнуться, дабы не расточать себя на это всеобщее внимание. Она выбрала последнее. Последнее выработало характер, определило линию поведения.

Нет, она, вероятно, оставалась все той же, самой земной и простой в домашней жизни, может быть, среди неширокого круга друзей

и близких знакомых, а замкнулась только для многих, чужих, повседневных. Иначе она не могла, не хватало ее для всех.

И в этом я убедился вскоре, все в том же троллейбусе третьего маршрута.

Смуглолицые витязи, очень уверенные в своей неотразимости, тесно обступили красавицу, насильно повернули от окна, с нездешним акцентом дружно посыпали комплименты:

— Девушка, а, Сулико! Одын вэчерок на Арбате!

— Бэрашэк ясноглазый, до Батума на руках унесу!

— Нэсмияна...

Она долго отбивалась от наседавших парней, в прекрасных глазах ее плакали мольба и бессилие, она попыталась выйти на первой же остановке, но ее не пустили. Тогда она, как в молитве, подняла руки и закрыла лицо ладонями. Закрыла красоту...

Обещание

Они стояли в зале столичного аэровокзала вот уже около двух часов. Не просто стояли — трудно расставались.

— Ты для меня такой же, каким был, и навсегда останешься таким. Что бы ни случилось! — никого не замечая вокруг, убежденно сказала она. — Я тебя после этого несчастья еще больше полюбила...

Она была невысокого роста, можно сказать, была маленькой, даже с пышной прической едва доставала его подбородка и потому пружинно вытянулась на носках, плотно приникла к нему, положила гибкие руки на его плечи.

— Почему ты так переменялся ко мне? Разве был к тому повод? Если ты выполнишь свою угрозу — я умру... Не веришь? Умру — и все! Неужели это может случиться?

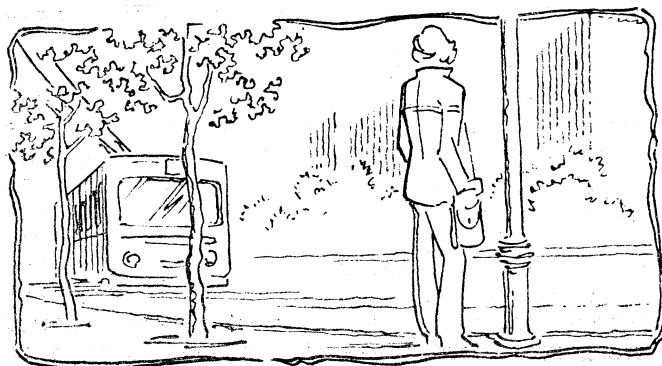
— Перестань, Надя, — сказал он и, как ребенок, поцеловал ее в лоб.

— Я без тебя не могу прожить и дня, — снова заговорила она, — а тут... целых полгода! Если только полгода...

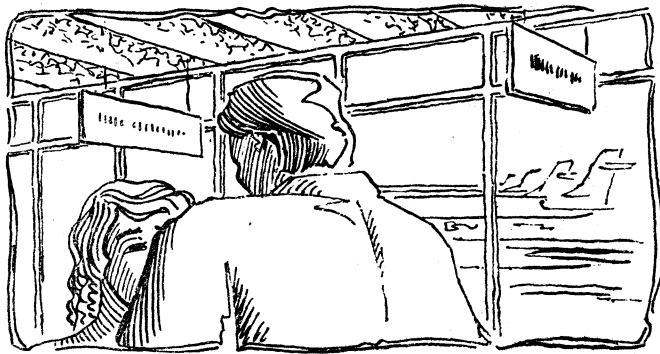
— Но ведь я должен уехать. Обязательно должен. Ты же все понимаешь сама.

— Понимаю... Но почему ты оставляешь меня? Как мне приказать себе, заставить себя... Как поверить тебе, что вернешься? Нет, не могу... — и она сняла руки с его плеч, бессильно опустила их, уткнулась лицом ему в грудь. Мелко затряслись острые лопатки под кофточкой, слышались тихие всхлипы.

Парень был заметно старше ее (или так казалось), высок, статен, с седыми мягкими волосами, низко зачесанными на виски. Кисти рук и безбровое лицо его хранили следы жестоких



ожогов. Красные, отвратительные рубцы исполо-
совали лоб, щеки, изуродовали нос. Слепяще-
белая нейлоновая рубашка еще больше контра-



стировала с этой шагренево́й кожей на шее, на подбородке. Кожей, вероятно, не своей...

— Ты не обманешь меня, ты обязательно вернешься, что бы ни случилось! — повторила она с надеждой, словно бы убеждая себя и заклиная его. — Слышишь, вернешься!

Глаза ее все еще плакали, но сердце уже освободилось от боли, свежо и ясно светилось лицо. Он пальцами вытер ей слезы.

— Ничего не случится, Надя, — твердо сказал он. — Все будет хорошо.

В это время диктор объявила регистрацию билетов на самолет, следующий рейсом до Одессы. Напряженно дослушав объявление, Надя потерянно отступила от парня, но тут же снова бросилась к нему, обвила руками и почти закричала требовательно и безнадежно:

— Нет, не могу я тебя отпустить, я должна быть с тобой! Как же ты поедешь в незнакомый город один, ведь ты же — слепой!

— Я просто плохо вижу, Надя, — спокойно уточнил он и властно отстранил ее от себя.

— Ты... ты извинись передо мной, ты никогда не говорил, что не вернешься! — не унималась Надя, тормоша его, вымаливая утешения. — Извинись — и я поверю тебе, буду спокойна.

И тогда он сказал:

— Будь спокойна. В Одессе — лучшие врачи. И если даже мне не восстановят зрение — я вернусь. Обещаю, Надя!

Избы

Идешь иной раз деревенской улицей и радуешься, глядя на крепкостенные русские избы, на затейливую резьбу фронтонов, на узорчатую роспись наличников, на веселые оконца, заставленные геранями да фикусами. Сколько выдумки и усердия приложил хозяин, чтобы сделать свой дом уютным и нарядным. И, право же, старался

он не только для себя, своей отрады, коль его домом засматриваются прохожие. Так и тянет остановиться возле него, и я часто без всякой нужды присаживаюсь на обязательную беседку у палисадника и подолгу любуюсь домом.

Все здесь, радует глаз — и сам дом, и кружевные рябины под окнами, и приземистая банька на задах усадьбы, и колодец, вода в котором отливает небесной лазурью.

Но иногда на этих же сельских улицах встретишь такое, что только руками разведешь. Вот среди прочих стоит добротный дом. Новый, бревна толстенные, не подсоченные, так и блестят медовой смолой на солнце. Огородик есть, а в нем — с одного края высажены молодые черемушки, с другого — через колючую проволоку лезет на свободу обклеванная курами ботва моркови да редьки. С первого взгляда кажется, что хозяева еще не успели обжиться и потому все так неустроено — и сам дом, и около него.

Но вдруг с удивлением замечаешь, что крыша дома покрашена в разные цвета: одна половина — зеленая, другая — желтая. И наличники на окна по-разному выделаны: где зеленая крыша — один фасон, где желтая — другой. А на той половине, где желтая крыша и где редька растет за колючей проволокой, еще и ставни заготовлены. Их не успели навесить, стоят они до поры, приваленные к стене. А потом уже видишь, что и ворот двое и что сделаны они тоже на разный манер. И еще, и еще разделения пошли, вплоть до отдельного, закрытого на замок колодца и надписи на калитке про злую собаку.

Все ясно: в доме живут два хозяина. Ну и пусть бы, чего здесь плохого, только что же они насмеются над своим домом? Посмотрит прохожий и уж не порадует. «Ну и ну, — скажет, — работающие вроде люди, дом вон какой отгрохали, а не хватило совета, не дружны меж собой...» Тешут, малюют его всяк на свой лад, выказывают неуважение друг к другу и вообще к красоте какой-либо. Стоит такой дом среди прочих как бы рассеченный надвое, уродливо-некрасивый и бросается в глаза именно тем, что его разделили.



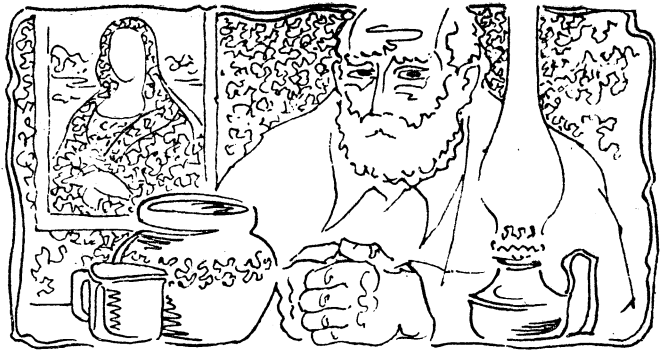
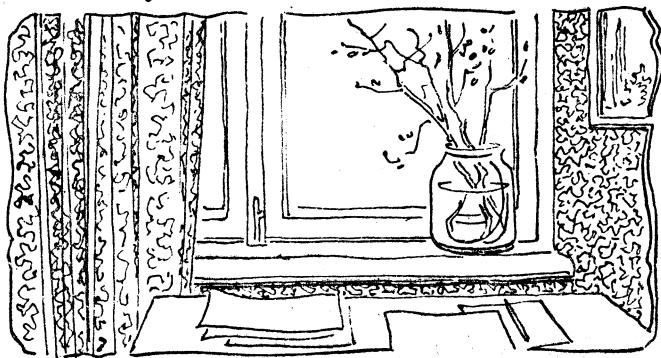
Песня

Я проснулся в предчувствии чего-то радостного, праздничного, с необыкновенной легкостью во всем теле, и даже не поверил в первую минуту, что это — явь, уже не сон: рассветный полумрак в зашторенной комнате, привычные бумаги на столе, а за окном слышалась песня скворца. Она меня и разбудила, она и настроила, еще сонного, на праздничный лад.

Я торопливо подошел к окну. На улице было тускло, морочно, монотонно шумел мелкий нудный дождик, сырая зябкая мгла обложила небо и землю. Так же морочно было вчера и позавчера. Такая непогода угнетала, не хотелось выходить из теплой избы, а тут...

Я поискал глазами скворца и неожиданно увидел его на карнизе, под крышей соседнего дома — тоже прятался от дождя. Наохлившись, приспустив крылья, взъерошив мокрые перышки под горлом, он самозабвенно высвистывал и прищелкивал клювом, будто закликая весну, веселое солнце и синее небо.

Глядя в ненастное окно, я вспомнил поздний октябрьский день прошлой осени. Пролетная стайка птиц расположилась на отдых в багряных, наполовину опавших кустах калины. День стоял прохладный, солнечный, один из тех, который можно сравнить с прощальной улыбкой уходящего года. Я тихо шел меж кустов и вдруг услышал приглушенное, до боли милое и такое непривычное сейчас щебетание, скурлыканье, посвисты. А потом рассмотрел в редкой листве и самого певуна. Выцветший до пестроты, от всего отрешенный, он пел как бы в забытии, вполголоса, словно бы стесняясь самого себя, этой своей неурочной песни. И мне тоже передалось тогда его настроение, светло и безоблачно сделалось на душе. Скворец прощался с летом, с родной землей, но не чувствовалось тоски, безысходности в его песне, потому что не вечны тучи, не вечен дождь — будут в жизни теплые дни, будет любовь, будет и яркое солнце.



Портрет

Пасечника Дубова нельзя было назвать общительным человеком не только потому, что жил он уединенно, как и всякий заправский пасечник, на дальней заимке, но и по складу его характера. Раз в полмесяца, а то и в месяц он приезжал в село на старом, сплошь обмотанном изолянтной велосипеде, ставил его к завалинке магазина и занимал очередь. Дубов закупал продуктов ровно столько, сколько мог увезти на багажнике и в рюкзаке. Покупал всего помаленьку: хлеба, муки, крупы, сахару, чаю, толокна и многое другое, что было в магазине и что наказывала купить жена.

В нечастые его приезды мне так и не довелось с ним познакомиться, хотя и был к этому интерес: вокруг заимки сохранились еще нетронутые первородные леса, с ягодниками, грибами и, надо полагать, с дичью. Да и то не секрет: ночевать по осени куда приятнее в теплой избе, чем у костра...

Стоя в магазине, Дубов ни с кем не заводил разговора, лишь степенно склонял голову на приветствия, терпеливо пропускал без очереди шустрых бабенок, у которых вечно «топится баня», брезгливо отстранял локтем наседавших к прилавку пьяных мужиков. Еще могучий в свои семьдесят с лишним лет, высокий, не сутулый, с курчавой белой бородой, похожей на молодого барашка, он спокойно смотрел на людей, каждого понимая по-своему.

Здесь не подходит слово «авторитет», но оно так и просится в применении к Дубову. Никто его толком не знал, видели редко, но люди, завидев его, уважительно притихали, не суетились. При встрече уступали ему дорогу и, что редко бывает теперь, здоровались с мало знакомым человеком.

Накупив продуктов, он долго, основательно укладывал их в рюкзак, в берестяной пестерь, привязанный за лямки той же изолянтной к багажнику велосипеда, и незаметно уезжал. И опять его никто не видел до нового приезда.

И все же один случай свел нас. Случай, кото-

рый в общем-то не имеет отношения к моему расказу.

У соседки захворала дочка. Ну ладно бы переболела, как все дети, недолго и беспоследственно, а у нее случилось какое-то осложнение. Никакие лекарства не помогали. Мать девочки, Валентина, жаловалась в магазине женщинам:

— Как листочек иссохла вся, не знаю, чем и кормить...

А Дубов оказался в это время здесь же, среди женщин:

— Сколько девке годов-то? — неожиданно спросил он.

— Да семь уже, в школу нынче должна пойти. Поправилась бы к сентябрю...

Потом Дубов еще что-то порасспрашивал у нее, а на другой день, в воскресенье, я увидел его приметный велосипед у ворот соседки.

Не знаю, что уж у нее делал Дубов, только говорила после Валентина, навез он всякой лесной травы, кореньев, сотового меду, еще чего-то полезного от пчел, наготовил разных отваров, настоев, наказал, когда и по сколько давать, — и уехал. Через день девочка сама попросила есть, еще через два — совсем повеселела, а к концу недели уже играла с подружками на полянке возле дома.

И вот пришла Валентина ко мне.

— Не заехал бы ты к Дубову на заимку? Все равно ведь ездешь на охоту. Я бы стряпни свеженькой с тобой послала...

А мне и верно, только бы предлог побывать у Дубова. В тот же вечер и собрался.

Дубов встретил меня на крыльце с лампой в руке. Долго махал голиком на увертливого пса, пока не загнал в конуру, шагнул навстречу.

— От Валентины, говоришь? Зря она только с гостинцами... Не война ведь, поди, не сидим голодом. Ну, раз приехал, ставь мотоцикл вон туда, под лабаз, к велосипеду, и пошли в избу.

Тут он назвал свое имя и отчество, сильно стиснул в шершавой пятерне мою руку.

В доме Федор Иванович сбросил с печки обрешанные под тапочки валенки, велел надеть, позвал к столу. Поставил на приемник, чтобы было повыше, лампу с чистым, не закоптелым стеклом, добавил огонька. И сразу осветилась вся изба: большая русская печь, длинные крашеные лавки вдоль стен, цветастые половики, полаты — все как надо, все по-крестьянски. И пахло в избе надежной домовитостью — квасом и жирными мясными щами.

И только старая, висевшая среди икон цветная репродукция Моны Лизы никак не вписывалась в интерьер, бросалась в глаза своей необычностью здесь. Репродукция, наверно, была вырезана из журнала, скорее из «Огонька», помещена в рамку под стеклом и так же, как иконы, оконтурена золотистой фольгой.

Два дня я прожил у Дубова и все же не ре-

пался спросить, почему портрет Моны Лизы висит с иконами.

— Знаешь, кто это? — спросил он, который раз перехватив мой озадаченный взгляд.

— Как не знать, знаю. Видел даже в оригинале, в Москву привозили.

— А я вот не знаю! — хлопнул себя Федор Иванович по коленям. — Понять не могу! То, что Мона Лиза она, ну, по-другому еще Джоконда, знаю. Прочитал. Не могу понять другое: пошто она такая? В толк не возьму, что там на картине делается? Посмотри, позади-то — не то пустыня какая, не то поруха, а она или улыбается, или осуждает кого. Мудрая, видать, была баба, мать, поди, чья-то, вот и смотрит на нас так, с укором: «Эх, мол, люди вы люди!» Война там, что ли, была? Или плохо я вижу? Что там за ней-то?

И когда я сказал, что картине этой уже пять веков, что многие большие знатоки до сих пор бьются и понять не могут тайну ее замысла, той самой полуулыбки, полуупрека, Дубов поднялся с лавки, перекрестился на портрет и тихо сказал мне:

— Поверишь вот, нет, три войны я прошел, вроде бы честно прожил свой век, а все равно сидит во мне большая вина, саднит, как рана, перед такими вот бабами. Не умеем, не можем мы, мужики, добыть им надежного миру. Чтобы рожали и растили они детей не для смерти и не для травли друг на дружку. Радовались чтобы жизни, какие бы они матери ни были и где бы ни жили...

Федор Иванович утер пальцами повлажневшие глаза.

— Видеть что-то плохо стал... — попытался он скрыть свою взволнованность. И тут же, заминая неловкость, крикнул жене:

— Настасья, ставь-ко самовар!

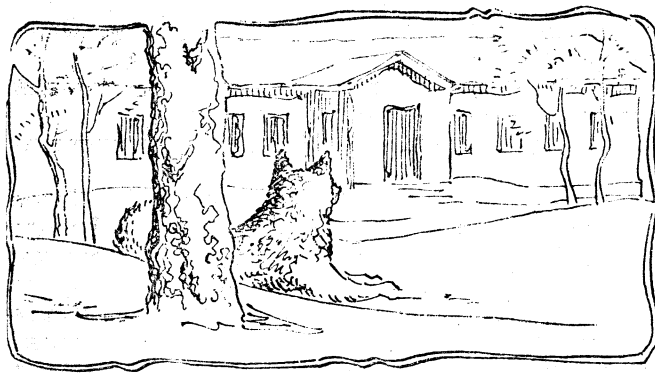
Но и за чаем Дубов не мог уняться:

— Послушаешь вот приемник — что только творится на белом свете! Никак без миру люди прожить не могут. Кого-то бомбят, кого-то расстреливают, кого-то грабят. То там, то здесь войны. Наслушаешься вечерами всего, а потом и уснуть не можешь, лежишь и спрашиваешь себя: все ли ты сделал, чтобы оборонить родную землю от новой войны, не рано ли убрался в лес?

Вот и смотрю на эту богородицу. Который год смотрю. И устыжаюсь ее взгляда, ее улыбки...

Ожидание

Ефим Петрович долго и тяжело просыпался. Он сильно мерз, и ему мерещилось то открытое окно, то распахнутые настежь двери, а сейчас почувствовалось и вовсе неловкое: будто стоит он посреди озера на краю полыньи и его окатывает из ведра сын Алешка.



— Да перестань ты! — отбивался старик. — Разве можно такие шутки шутить с отцом!

Но Алешка только скалил свои большие здоровые зубы и все поливал, поливал ледяной водой...

В полубреду Ефим Петрович собрал на себя все, что смог достать рукой: на стеганое одеяло натянул полушубок, на полушубок — старый войлочный потник от седла, лежавший подле кровати вместо коврика.

Таким его и застал Алешка, случайно забежавший за какой-то надобностью. И понял: дела неважны, без врача тут не обойтись. Накануне они привезли сено, и, когда переметывали его с саней на лабаз, отец неосмотрительно сбросил телогрейку. Тут его, потного, и прохватило.

Мешкать было нельзя, и Алешка сразу засобирался: запряг в кошевку мерина, набросал сена, одел отца, кое-как вывел его из избы — и поехали.

Жили они на лесном кордоне в пятнадцати километрах от села, где находилась больница-стационар. Ефим Петрович уже два года как вышел на пенсию, но продолжал работать лесником. Потому и лошадь держал при себе. Да и как не работать, если любил свое дело и чувствовал силу. К тому же был одинок — бессердечная жена Стеща бросила их с маленьким Алешкой еще в молодости и теперь болталась неизвестно где. Второ́й раз жениться Ефим Петрович так и не собрался. Разные на то были причины, но главная все же в том, что уж слишком он привязался к смышленому малышу. Не захотел ни с кем разделять свою единственную отраду. Так и вырос Алешку один.

А как выросил, сын незаметно отошел от него. Ну сперва была армия. Потом институт. После института с дипломом лесоведа и молоденькой женой Алешка снова приехал в родное лесничество, но только не в отцовский дом, а в казенную квартиру. Алешка не сплеховал, все обговорил с начальством загодя, и управление лесного хозяйства выделило специалистам-молодоженам не только квартиру в добротном деревянном доме, но и оказало прочную материальную подмогу.

Обособился Алешка. Ефим Петрович был не в обиде: все же люди самостоятельные, своя семья, вот дети пойдут — пусть живут да радуются. А он уж тем доволен, что сын рядом.

Так оно и получилось: в первый же год родился внук, а через два — еще один. Закругила Алешку семейная жизнь, все реже навещал он отца, а потом и вовсе перестал бывать. Разве только когда что пособить. Но и в этом Ефим Петрович особой нужды не испытывал, сам управлялся по хозяйству. Наоборот, чаще помогал сыну. Вот и в этот раз, с сеном...

Понимал Ефим Петрович, что у теперешней молодежи свои интересы, не быстро-то она тяготеет к старикам.

Алешка не обратил внимания на собаку Серку, и она, верная своему собачьему долгу не бросив хозяина, неспешно трусила позади кошевки. Серка — породистая лайка, умная псина, десятый год живет у Ефима Петровича, знает, что с ним плохо, иначе бы он за два дня хоть раз вышел во двор и накормил ее. Вот и бежала сейчас за кошевкой, голодная, но терпеливая, бежала, чтобы узнать, куда Алешка везет хозяина.

К больнице они подъехали вечером. Алешка привязал лошадь к березе, бросил ей сена, а сам направился в больницу. Вскоре он вернулся с мужчиной в белом халате. Мужчина держал в руках носилки. Вместе они положили Ефима Петровича на эти носилки и унесли.

Серка, запрыгнув в кошевку, стала ждать хозяина. Ждала она долго, но так и не дождалась. Алешка пришел один. Он опять не обратил никакого внимания на Серку, только выгнал ее из кошевки, отвязал лошадь и быстро поехал обратно. Серка сначала тоже было побежала обратно, но в конце села отстала от лошади. Потопталась, покрутила головой и вдруг припустила к больнице. Алешку она знала хорошо, бывала с ним на охоте, бывала у него дома, но хозяина знала куда больше, ценила куда лучше и не могла уйти без него.

Все тут было для нее не знакомо — и этот просторный больничный двор, и обшарпанные березы в нем, и люди, проходившие мимо, и сама больница с неизъяснимо противными запахами.

Первым делом Серка обежала этот дом, проверила, обнюхала все, сунулась даже, цапнула лапой неплотно прикрытую дверь — и она отворилась. Здесь, в коридоре, увидела носилки, на которых унесли хозяина. Для верности и их понюхала, и из многих отвратительных запахов, исходивших от носилок, все же выделила один — запах одежды своего хозяина. Но тут открылась вторая дверь, и женщина, тоже в белом халате, затопала, закричала на Серку, схватила швабру. Серка выскочила из коридора.

Она вернулась к березе, где Алешка привязывал

вал лошадь, легла на оставленное сено, опять стала ждать хозяина. Сначала она смотрела на двери, на выходявших из нее людей, а когда стемнело и перестали ходить, перевела взгляд на светящиеся окна. Особенно на то, к которому чаще подходили в одинаковой одежде люди.

Так она ждала хозяина всю ночь. Ждала и весь следующий день. Хозяин не выходил. Серка еще раз заглядывала в больничный коридор понюхать носилки, но их там уже не было.

Наступила вторая ночь. Сено собрал дворник и выбросил за ограду, а Серке, чтобы не отира-лась здесь, пригрозил метлой. Но когда дворник ушел, она вернулась к березе, вырыла в глубоком снегу ямку. Доскреблась аж до самой земли, отоптала стылую траву, покрутилась и улеглась. Так, бывало, ночевали они в лесу с хозяином.

На третий день Серка нашла помойку, а в ней — несколько сухих хлебных корок. Никогда она не лазила по помойкам, вообще не знала о них, а вот теперь голод заставил. С той поры, как заболел хозяин, она ничего не ела и эти хлебные корки проглотила, почти не жуя. Можно было еще кое-чем поживиться, но сзади подкрался дворник и изо всей силы ударил метлой. Серка взвизгнула, убежала за ограду.

Наступила четвертая ночь, пятая, шестая... Место под березой, где теперь постоянно находилась Серка, округло заледенело и походило на лежку, какие оставляют после дневки в мартовском снегу лисы. Помойка давала ей кой-какое питание.

— Чья это там собака? Дворника, что ли? — спрашивал один больной у другого, стоя у окна.

— Если бы дворника, не лупил бы. Жизни ей не дает. Да и конура хозяйской собаке полагается. Так, бродяжка...

— Не думаю. Лайка все же. Смотрит-то как на нас! Все глаза проглядела. И каждый день, каждый день! Скорей всего кого-то потеряла.

И как-то незаметно, уже не двое, а многие больные стали подходить к коридорному окну и подолгу смотреть-гадать, что же это за страждущая псина? И она не уставала смотреть на них, и тоже по-своему гадала: где же тот, кого она ждет, и радостно подпрыгивала, призывно влავала, виляла хвостом, если вдруг замечала среди людей одного, похожего на ее хозяина...

Теперь даже тяжелобольные, неходячие, прослышав о собаке, спрашивали у товарищей: «ждет?»

— Ждет! — отвечали им, и лица больных светлели.

Прошел месяц с того дня, как Ефима Петровича с воспалением легких привез Алешка в больницу, а Серка все неотлучно ждала его. Тем временем наступила весна, днями все выше вставало солнышко, под березами с южного обогрева

обоначились затайки. Теперь можно было проводить ночи под любой березой, а Серка ложилась на старое место, в свое гнездо.

— Почему она все под одной и той же березой? — как-то спросил тот самый, чаще других наблюдавший за собакой больной. И себе же ответил: — Потому что эта береза ближе других к нашему общему окну. Честное слово, если бы не эта собака, я бы, наверно, еще долго не поднялся с постели!

И его поняли, не засмеялись над ним...

Наконец, наступил день, когда и Ефим Петрович вышел из палаты, направился к окну. И вдруг закричал:

— Да ведь это Серка! Ты почему здесь-то?!

— Она давно тут, — сказали ему, — еще с холодов.

Ефим Петрович не был сентиментальным человеком, а теперь как-то сник, глаза повлажнели. И заговорил тихо:

— Подумай-ка, родной сын не удосужился попроведать меня, а она, Серка, считай, всю болезнь у моей кровати высидела. Теперь-то уж я наверняка выживу... Вот приструнить бы дворника. Чтoб не махался лишку-то. И она меня дож-дется...

Перезимовала

Отшумели, отгуляли февральские вьюги, стихло все, и март пришел с нехолодными звездными ночами, с запашистыми утренниками, с полуденными обогревами в темных сосняках. Уже кое-где вытаяли еланки с жухлой бурой травой, и над ними первыми вестницами скорого тепла порхали яркокрылые бабочки-крапивницы. А в один из дней с низких, влажно дышащих туч забрызгал мелкий-мелкий дождик. И даже не дождик, какая-то морось, туманная и по-летнему теплая.

Синица задумчиво сидела на самой верхушке невысокой голой березки, покорно мокла в этом дожде-тумане, вся расслабленная, с опущенными крыльями, с обвисшим мокрым хвостиком — та-



кая смиренная и не похожая на себя, что я подумал: заболела. Давно ли она, хлопотунья, челноком шныряла по веткам, в поисках пропитания буквально совала свой нос в каждую щелку и щелочку, выдирала из пазов избы паклю, настырно долбила выставленные на мороз каменной твердости пельмени. А тут — на тебе, пригорюнилась!

Но нет, синица отряхнулась от воды, оправила перышки на груди, тонюсенько кому-то пропищала. И мне почудилось в этом ее писке печально-сладостное воспоминание: «А что было! Было-то что!»

Родина

По-разному ее ощущаешь, по-разному приходит то сокровенное, неподкупное и очень личное чувство сопричастности к ней. Порой это случается в самом малом и самом неожиданном. Вот и в этот раз...

Ноги скользили по сухим, потрескивающим сосновым иголкам. Будто в распахнутые ворота, прошел я меж громадных сосен с черными солнечными подпалинами у оснований и остановился на круче берегового откоса. Внизу по-весеннему полноводно текла Чусовая. На широкой ее глади переливались алые отсветы заката.

Земля дышала сладковато-паточным запахом набухающих почек, прелой травой, березовым соком. Временами накатывались волны речной свежести, крепко сдобренной ароматом цветущей черемухи.

Черемуха. Она росла здесь повсюду — на покосных лужайках, по откосам берегов, пробивалась в светлые березовые колки, в хвойное темное лесье. Поселилась и на старицах — тут ее было особенно много, так много, что иные кусты ухватились корнями за кромку дерна да так и повисли, остались над рекой. Малоприметное деревце в иное время года, теперь черемуха в лесу была первой красавицей. Без белого опушения не оставалась, кажется, ни одна, даже самая малая черемуха. А большие, развесистые сплошь усыпаны белым, с нижних ветвей до вершины. И отсюда, с кручи берегового откоса, казалось, что в косогоре, на лугах и дальше по реке — всюду опустились на землю и недвижимо замерли курчавые светящиеся облака.

По влажной квелой траве, осторожно минуя сине-сиреневые россыпи медуниц, я прошел на чистую еланку и, присев на замшелый валун, залюбовался-заслушался тихой музыкой леса.

Где-то в стороне ворковали горлицы. Их ласковая весенняя ворожба слышалась из щетинистого горельника, и я долго искал птиц глазами, пока не увидел всех на сухой еловой макушке. Изда-



лека, должно быть, со старой гари, им вторил ленивым бормотанием тетерев. В теплых лужах по-своему славили весну лягушки. Неслышные днем, сейчас они повысовывали из воды глазастые головы и старались перекричать одна другую. Эти лягушачьи «концерты» бушевали повсюду, кваканье, урчание, всхлипы слились в сплошной бурлящий звук, похожий на дружный дождь. Над еланкой с тяжким гудением пронеслись бронзовотелые майские жуки, звонко стучались о деревья и, упав, затихали.

Мягкая мгла медленно опускалась на лес. На серой поляне явственнее обозначились желто-белые бутоны подснежников. Когда был день, они упорно следили за солнцем, поворачиваясь за ним на тонких ворсистых стебельках, а сейчас свернули лепестки, поникли. Заснули к ночи, сохраняя тепло. Не зря народ называет подснежники еще и сон-травой.

Перед глазами чуть дрогнула ветка вербы. По ее лощеной, будто лаком покрытой, коре карабкался шустрый жучок. И вдруг — щелк! Лопнула созревшая почка. Жучок темной капелькой мелькнул вниз. Через минуту разорванная рубашка почки раздалась, и я увидел, как поднимается из нее, расправляясь, светло-зеленый скомканный листочек.

Когда стемнело и меж деревьями кудельными прядками всплыл туман, я поднялся с валуна и вольно-привольно вздохнул. В лесной избушке на берегу меня ждал запашистый чай с баранками, волглое сено на нарах да короткая ночь с думами о вечной молодости Родины.



Тайник на Косотурской

**Юрий
ОКУНЦОВ**

Совсем недавно молодой рабочий златоустовского машиностроительного завода имени Ленина Геннадий Гмырак в подвале своего дома № 22, что на ул. Косотурской, обнаружил тайник. Из глубокой каменной ниши на свет были извлечены тронутый ржавчиной револьвер и объемистый газетный сверток. Поклонников чисто материальных ценностей сразу же придется разочаровать — ни золота, ни бриллиантов в пакете не оказалось. Но для историков-краеведов клад этот представляет больший интерес, нежели, например, кубышка с золотом.

Наряду с шестизарядным револьвером внушительного калибра в тайнике находилось много денежных знаков времен гражданской войны и, что самое интересное, несколько любопытных документов. Прежде всего внимание привлекает сберегательная книжка № 15809 с двуглавым орлом на обложке и фиолетовым штампом «Вклад завещан». К 1917 году на текущем счету неко-

его Носкова Василия Александровича лежало 388 рублей 80 копеек.

Следующий документ, по всей вероятности, принадлежит отпрыску обладателя сберкнижки. Это свидетельство было выдано 21 августа 1907 года вторым столом канцелярии Уфимского губернатора. Текст его хочется привести полностью, уж очень оно любопытно и по форме и по содержанию.

«Дано от Уфимского губернатора сыну Златоустовского мещанина Дмитрию Васильевичу Носкову, вследствие его ходатайства на предмет представления по принадлежности для поступления на военную службу вольноопределяющимся, в том, что он Носков ни в чем предосудительном в нравственном и политическом отношении замечен не был, что и удостоверяется надлежащим подписанием и приложением казенной печати. Губернатор А. Ключевский».

Вместе с документами в свертке оказалась целая кипа денег и цен-

Содержимое тайника

Фото А. Заева



ных бумаг. Носков имел шесть свидетельств Государственной ренты по 500 рублей каждая, что позволяло ему стричь купонов ежегодно на 120 рублей. Купоны отрезаны вплоть до марта 1919 года, рассчитаны же они до декабря 1924 года. Но, видно, и после этого срока их хозяин надеялся получить причитающиеся ему проценты. На облигациях внутреннего займа 1915 года достоинством 50 и 500 рублей, сохраненных инспектором народных училищ, стоят штампы, удостоверяющие, что они «имеют хождение наравне с государственными кредитными билетами».

Господин Носков обзавелся в свое время и облигациями пресловутого «Займа Свободы», выпущенного Временным правительством 27 марта 1917 года. Под истощившими призывами «спасти Россию и воевать до победного конца» красуются на них подписи десяти министров-капиталистов.

До лучших времен были припрятаны также несколько пачек разномастных банкнот. Здесь и 211 рублей николаевскими кредитными билетами достоинством от 1 до 25 рублей, и 117 рублей казначейскими знаками Сибирского временного правительства, и целая стопа краткосрочных обязательств адмирала Колчака на сумму восемь тысяч рублей.

Своеобразную коллекцию завершает вексель на 400 рублей, выписанный 1 мая 1914 года нотариусом Гладышевым, державшим контору в Златоусте, на той же самой Косогурской улице. Вексель выписан на имя Петра Васильевича Носкова. Всего в свертке оказалось денег и ценных бумаг на 12 тысяч 436 рублей 80 копеек.

Можно было предположить, что клад этот относится к периоду освобождения Златоуста от белогвардейцев и оставлен напуганным обывателем, который рассчитывал скоро вернуться. Но каково же было удивление работников музея, когда выяснилось, что клад этот был завернут в газету... «Пролетарская мысль» за 1935 год. Человек, сорок пять лет назад спрятавший, а вернее — перепрятывавший обнаруженные ныне вещи, был ярким врагом Советской власти. Ненависть абсолютно лишила его здравого смысла, если во время успешного строительства социализма в Советском Союзе он еще ждал возврата к старому. И не просто ждал, а готовился мстить — об этом красноречиво говорит револьвер, хранить который в то время было крайне опасно. Беспочвенным мечтам этого господина не суждено было сбыться.

Съедобные деньги

**Виктор
РОЦАХОВСКИЙ**

На заре человеческой цивилизации торговля была меновой: товар на товар. В VIII веке до нашей эры в Лидии появились первые деньги — металлические бляшки. Примерно в то время монеты стали чеканить и в Древней Греции. Правда, тогда они не назывались еще монетами. Так их окрестили позже, в III веке до нашей эры, в Древнем Риме. Был там храм богини Юноны Монеты, и именно при этом храме стали чеканить деньги-бляшки. Так и пошло отсюда: бляшки Монеты или просто — монеты.

Бумажные деньги появились в обращении много позже, в конце XVII века. Тогда, в 1694 году, первые банковские билеты выпустил английский банк. В дальнейшем в большинстве стран для расчетов и платежей стали использоваться два вида денег — металлические и бумажные. В прошлые века монеты, как правило, чеканились из драгоценных металлов — золота, серебра и их сплавов, а мелкая разменная монета — из меди. Нок 20-м годам нашего столетия монеты из драгоценных металлов практически исчезли из обращения во всех странах. Взамен стали использовать сплавы меди, никеля, алюминия...

Кроме таких — общеизвестных — денег, в разные времена и в разных странах применялись и другие виды денежных знаков.

В той же античной Элладе, хотя и стали чеканить золотые бляшки более двух с половиной тысячелетий назад, еще долгое время сохранялась традиционная денежная единица — вол. Один вол равнялся пяти овцам. В Древнем Риме был другой курс: вол оценивался в 10 овец.

На островах в южной части Тихого океана еще и в наши дни имеют хождение монеты-раковины. Носят их обычно не в кошельках, а на шее — в виде бус. Производством таких денег занимаются жители островка Лоуласи. Цена этих денег зависит от цвета раковин. Наибольшую стоимость имеют красные раковины, поскольку их труднее всего добывать из морских глубин. Наименьшая цена у черных ракушечных монет.

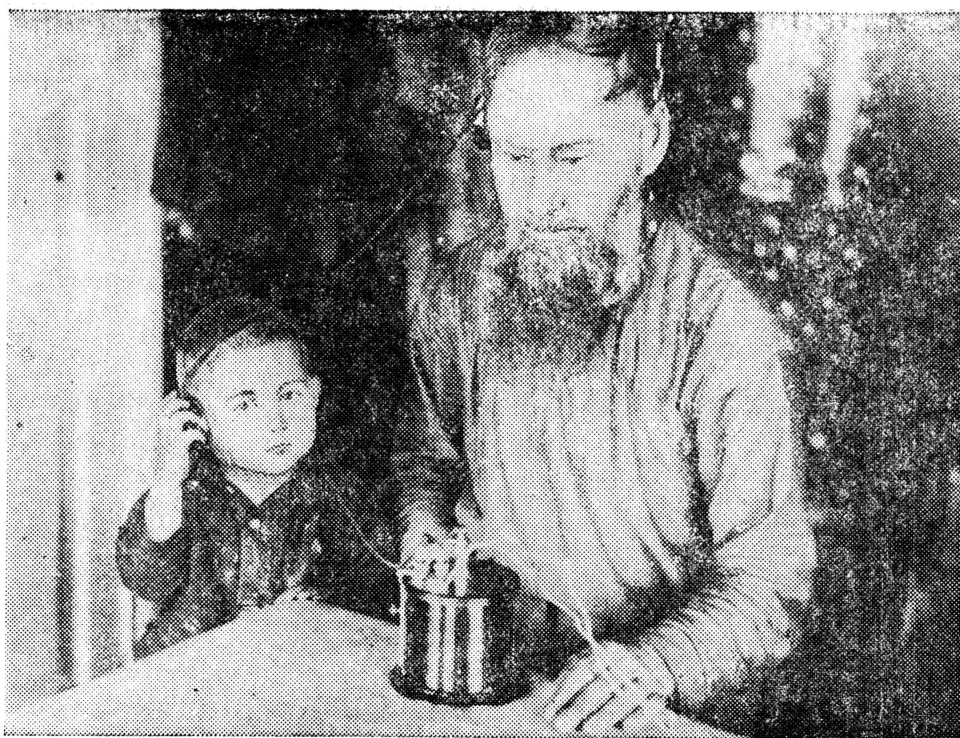
Джап, небольшой островок в Микронезии, имеет площадь всего сто квадратных километров. Известность он приобрел благодаря каменным деньгам, которые зовут-

ся тут коротким словом фе. Эта сверхтяжелая валюта появилась в обращении еще 2000 лет назад. Она такая деньга двух метров в диаметре, с отверстием посередине равнялась стоимости судна. Поставленные у ворот дома, каменные деньги были символом зажиточности.

История денежного обращения знает и деревянные деньги. И выпущены они были не в какой-нибудь экзотической стране, а в Германии, в период инфляции после первой мировой войны. Имели они вид банкнот, сделанных из тонких деревянных пластинок. Подобный же материал использовался одно время для этих же целей в американском штате Вайоминг. С той только разницей, что германское казначейство выпускало деревянные деньги взамен бумажных, а в Вайоминге их делали как эрзац-монеты.

Существовали и пушные деньги. Они широко применялись в Сибири, на Камчатке, на Дальнем Востоке в дореволюционные годы. Тогда купцы на факториях вели счет и продажу своих товаров только по шкуркам — иных денег там не существовало.

Но самыми интересными, пожалуй, являются съедобные деньги, то есть средства обращения и платежей в виде съестных припасов. До самых последних времен в Мексике и некоторых других странах Латинской Америки в ходу для мелких платежей были бобы какао. И японцы жители острова Ниас (Индонезия) используют в качестве разменной монеты куски сушеного мяса. А в деревнях на Суматре мерой товарного обмена служит кулек риса определенного веса. В восточных районах Индии вместо монет используются плоды саговой пальмы, на Никабарских островах (в Индийском океане) — сросшиеся орехи, в Тибете — тоже орехи, только грецкие. Племя пангва на островах Океании применяет в качестве мелких денег плоды маниоки. К пищевым деньгам можно отнести и соль, которая широко применялась для платежей у многих народов. У некоторых племен Центральной Африки солью рассчитываются за покупки еще и сегодня.



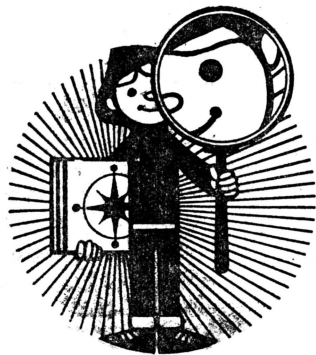
Снимок из «Крестьянской газеты»

Дочь П. П. Бажова Ариадна Павловна в своей книге «Глазами дочери» пишет, что отец «...возвращался из командировки с тяжелым портфелем и фотоаппаратом через плечо».

В 20-х годах Бажов работал в отделе писем «Уральской областной Крестьянской газеты», в глубинку часто ездил с фотографом Н. Татарченко. Вероятно, сотрудничество с опытным мастером не прошло бесследно, и Бажов сам взялся за фотоаппарат.

Газета печатала очень много снимков — до двадцати в каждом номере. Но фамилии автора фотографий не указывала. Поэтому с уверенностью сказать, что такой-то снимок сделан П. П. Бажовым, нельзя. Однако предположить, что писатель сам иллюстрировал свои очерки, вполне можно. Раньше, бывало, он писал. «Едем с фотографом...». А вот печатается очерк, в котором говорится: «Трясусь на телеге один...» А очерк сопровождается снимком — дед и внук слушают радио. Тогда это еще был детекторный приемник с наушниками. Подпись была совсем бажовской: «...когда с внучком оба по уху наденем... и хорошо».

Может, этот снимок действительно сделан П. П. Бажовым?



МИР

НА ЛАДОНИ

Новая сила Вахша

Уральские машиностроители усовершенствовали гидрогенераторы недавно построенной Нурекской электростанции на реке Вахш в Таджикистане, что позволит увеличить общую мощность девяти агрегатов на десять процентов — а это 270 тысяч киловатт. Или иными словами, завершение этой модернизации равнозначно монтажу еще одного блока — десятого. Таким образом, бурный Вахш будет работать на электростанции еще активнее, река покажет свою новую силу.

Перемаркировка мощности гидрогенераторов на Вахше — результат планомерной и сложной исследовательской работы инженеров объединения «Уралэлектротяжмаш», которые и создали сами эти агрегаты.

Потребность электроэнергии растет на юге Таджикистана и прибавка мощности электрических гигантов на Вахше позволит расширить в республике энергоемкие предприятия цветной металлургии, химической и горнорудной промышленности.

...Вахш, как известно, течет с Памира, а инженерные идеи, позволяющие заставить его во всю силу работать на благо людей, приходят с Урала, из Свердловска... Напомним, что Нурекская гидроэлектростанция — необычная, она имеет плотину трехсотметровой высоты — самую высокую в мире.

А. КОПАЙСКИЙ

Загадка Джатинга

Ученые давно уже пытаются разгадать причину ежегодных массовых самоубийств птиц в районе деревушки Джатинга (индийский штат Ассам). Осенью, в безлунные и дождливые ночи, когда дует сильный ветер, пернатые разных видов собираются в огромные стаи и, влекомые какой-то таинственной силой, летят на огни этой деревушки. Одни

из птиц с размаху ударяются о землю и гибнут. Другие кружат в воздухе над светильниками, кружат до тех пор, пока не падают мертвыми от истощения. Индийские орнитологи высказали несколько гипотез относительно этого непонятного явления, но ни одна из них не дает ответа, почему загадочное самоубийство птиц происходит именно в Джатинге, именно там и нигде больше. В чем дело?..

Р. ВИКТОРОВ

Эти пушки молчат...

Эти знаменитые пушки-шестидюймовки стоят у фасада Евпаторийского краеведческого музея. Они — бесценные реликвии города-курорта. Советская власть в Евпатории была установлена при активной помощи черноморских моряков и пушек-шестидюймовок береговой батареи. Кстати, пушки эти уральские: они были отлиты 80 лет назад на Пермском заводе, о чем свидетельствуют клейма и надписи на стволах и близ осей.

Фото И. Дерюгина



Сабля Наполеона

В Москве в Историческом музее хранится сабля императора Наполеона. На клинке по-французски написано: «Наполеон Бонапарт — первый консул республики Франция». Эфес украшает львиная голова с кольцом.

Сделал саблю известный французский оружейник Бутте, а преподнесена она была Наполеону конвентом после египетского похода.

А как попала сабля в Россию? Бонапарт подарил

ее адъютанту Александра I Шувалову, когда русский офицер сопровождал Наполеона в ссылку на Эльбу. После революции оружие французского императора каким-то образом оказалось в одном из красногвардейских отрядов на Украине. Известно, что оно было вручено красногвардейцу Г. Штанько. Потом сабля несколько раз переходила из рук в руки. В 1926 году клинок попал в Исторический музей.

Б. ЕФИМОВ

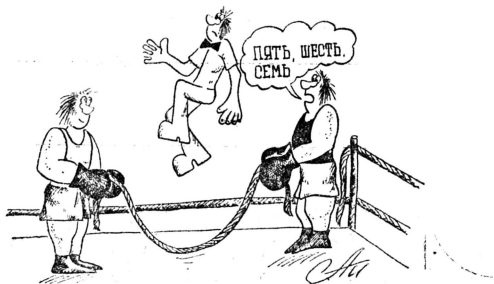


Рисунок С. Айнутдинова (г. Свердловск)

Подводные лодки семьи Пиккар

Известный исследователь Жак Пиккар сконструировал и построил подводную исследовательскую лодку-малютку «Ф.-А. Форель». Ее вес десять тонн, длина семь с половиной метров, экипаж три человека. Лодка способна погружаться на глубину до 550 метров.

Лодка-малютка — двадцать восьмой проект подобного судна, разработан-

ный семьей Пиккар, и третий — успешно построенный. Первую лодку, первоначально упорно не желавшую опускаться в подводный мир, создал еще в 1964 году глава семьи Август Пиккар.

Лодка-малютка обождалась примерно в миллион швейцарских франков. На проектирование ушло два года, а на строительство — десять месяцев. Предполагается, что новое детище семьи Пиккар будет выполнять и научные, и хозяйственные работы.

Девичья война

Много лет крестьяне округа Ардеш, что во французских Пиренеях, кормились от местных лесов, пасли там овец и коз, собирали хворост, вырубали небольшие участки под пашню.

Этим льготам, существовавшим чуть ли не со времен средневековья, был положен конец Лесным законом 1827 года. И начались постоянные стычки крестьян с лесниками, а затем и с полицией. Не однажды вооруженные пиками и ножами повстанцы, к которым

иногда присоединялись отставные ветераны наполеоновской армии, наводили страх на местные власти, на жандармов и солдат.

Восставшие обычно входили в деревни воинским строем, под звуки барабанов, нередко в масках для маскировки, выпускали длинные льняные рубахи поверх штанов... За это повстанцев стали называть девицами, а столкновения, продолжавшиеся с перерывами около сорока лет, вошли в историю под полуофициальным названием девичьей войны.

И. ГАРЯЕВ



— Убедился, что джинсы фирменные?

Рисунок К. Ибрагимова (Даг. АССР)

Незатейливые фантики

Как-то, разбирая старые вещи и бумаги, я обнаружил жестяную коробочку. В ней лежали конфетные обертки — фантики. Начал перебирать разноцветные бумажки — и скоро простое любопытство сменилось неподдельным интересом: почти с каждой бумажки веяло живым дыханием уже ставшего историей времени...

Вот одна из оберток — для конфет, производившихся паровой кондитерской фабрикой Губсоюза в Самаре. Они были изготовлены, видимо, сразу после окончания гражданской войны. На рисунке изображен пахарь с винтовкой за плечами, напечатан стихотворный текст: «Я пахарь на страже с винтовкой стою, храню я свободу и землю свою» и лозунг: «В единении — сила». Судя по качеству бумаги и стилевым особенностям рисунка, примерно в этот же период выпускалась другая конфета — «Смычка рабочего с крестьянином».

Рабочий с винтовкой и знаменем, скачущий всадник, красноармеец с молотом — различные изображения на обертках и карамели «Республиканская». А карамель «Юбилейная» была выпущена к пятой годовщине Великого Октября. На ее обертке даты: «1917—1922» и портрет Я. М. Свердлова. «Красный Октябрь», «Свобода», «Рабочий», «Торжество труда», «Комсомолочка» — гордо звучат с этикеток только что вошедшие в обиход или наполнившиеся новым высоким смыслом понятия.

А вот обертка от конфет, выпускавшихся накануне или в начале первой пятилетки. По рельсам стремительно мчит паровоз с серпом и молотом. «Вперед!» — называется конфета.

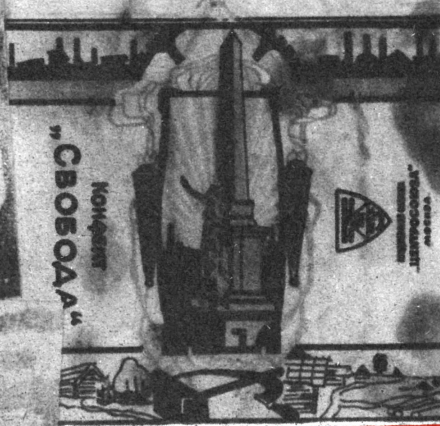
Маленькая конфетная обертка... В стране, шагавшей, преодолевая неслыханные трудности, к свету новой жизни, ее яркий рисунок и лаконичный текст тоже были агитаторами, пропагандистами нового, служили просвещению многомиллионных масс. «Украина», «Урал», «Восток», «Грузия», «Азия» — знакомят обертки с различными районами и народами страны. «Спорт», «Футбол» — вовлекают они людей в массовое физкультурное движение. «Стенька Разин», «Робин Гуд» — называют имена вошедших в легенды и песни народных героев... А вот очень оригинальная обертка карамели «Крестьянская». Оригинальная тем, что у нее использована и обратная сторона: на ней напечатаны полезные советы крестьянину.

Но есть в коллекции и другие бумажки. Они резко отличаются изысканно-манерными или слащавыми названиями, кричаще-яркими расцветками или сентиментально-пошловатыми картинками, экзотическими сюжетами: «Ковбой», «Дерби», «Ямайка», «Шантеклер», «Джимми», «Шик», «Нимфа», «Фортуна»... Сразу ясно, чьим вкусам удовлетворяли эти конфеты и карамели. А вот и он сам — в цилиндре, с сигарой... Карамель так и называется — «Нэпман».

Снова и снова перебираю эти старые и, казалось бы, совсем ненужные бумажки — предмет наивной гордости какой-то жившей задолго до моего рождения девочки двадцатых годов. Конечно, мы знаем и изучаем это время по куда более важным и авторитетным свидетельствам. Но и маленькие яркие квадратики конфетных оберток могут добавить немало интересных живых черточек к портрету очень своеобразной и интересной эпохи — первых лет биографии нашей страны.

О. КОСТМАН

Оформление С. Малышева ▶



Оформление
С. Малышева



ЗОЛОТО

Кто-то подсчитал: в мире из-за желтого металла было более шестнадцати тысяч войн... Золото — и зло, и добро. Все зависит от того, как к нему относиться. В этом отношении характерен такой факт. У нас в стране многие из найденных крупных самородков сохраняются как истинно царский дар природы, как национальное богатство. Все же иностранные самородки, или почти все, переплавлены — уничтожены бизнесом.

Золото есть во всем мире, но вот в Западной Европе, например, самые крупные россыпи теперь уже промыты. Самое чистейшее, без примесей, золото — уральское. В 1745 году кварцевые золотые жилы разрабатывались возле самого Екатеринбурга.

Многие юношеские геологические партии на Урале, не говоря о взрослых геологах, продолжают искать этот драгоценный металл. Не один десяток лет ведет серьезную разведку на коренное и россыпное золото отряд «Друза» юных геологов из Первоуральска.

Золотой век, существовавший на заре истории человечества, говорят, был наиболее счастливым. Это известно по множеству свидетельств древних людей. Но прав был Сен-Симон, когда сказал: золотой век не позади, а впереди нас...

Фото А. Нагибина